

Машины морали, машины любви

повесть
(компиляция от 15.10.2019)

Dante Inanis

Глава 1. Мемра и мурмурации

Он мог бы работать, где захочет, а акулы HR сновали бы рядом туда-сюда, предлагая наперебой безумные вакансии. Но нет. У него имелся личный интерес. В потоках данных, в сборе информации, в закономерностях. В них он видел красоту как никто другой.

Всё началось с домашнего проекта по светофорам, когда из циклов включений зелёного света он выделил закономерности движения пешеходов. Это было так красиво. Так неожиданно! Понимаете?

Он узнал, что во всём городе существует всего одна последовательность дорожных переходов, по которой вы сможете проделать путь без единой остановки, которая охватывает больше половины точек контроля движения. Конечно, если вы умеете быстро двигаться. Понимаете? Потом были рестораны быстрого питания, птицы, системы кредитования, и, наконец... Наконец.

Это был самый захватывающий, безумный и невозможный проект, очень похожий на проект с птицами. Но вместо птиц были люди. А вместо точек вирусного обмена — любовь. Возможно, во всём виноваты птицы! Так он ответил Чарльзу, когда тот спросил его: «Почему?». Он сказал: «Возможно, во всём виноваты птицы». И Чарльз ничего не понял. И никто бы ничего не понял! А он даже не объяснял.

Потому что, когда вы смотрите на птиц, а потом на людей, а потом снова на птиц, вы находите, что птицы не так сильно отличаются. Когда-то они были большие, ну знаете, с когтями, их все боялись, а теперь они живут на задворках и самые успешные из них воруют у нас блестящие ложки. И кому придёт в голову подумать о том, что птицы не так уж сильно отличаются от людей?

Нет!!! Это не какая-то глупая псевдо-красивая поэтическая мысль! Нет!!! Это вполне чёткая математическая идея, наполненная той красотой, которую нельзя нащупать голыми руками, голыми глазами и голым умом. Для этого нужно было знать столько же, сколько знал Паоло. Теория чисел, групп, хаоса, семантической информации, матрицы, структуры, пространства, преобразования, вероятность и статистика. Добавьте сюда капельку биохимии, физики, биологии, этологии, потому что без этого всё предыдущее не имеет никакого смысла, — и вы получите её. Красоту Паоло.

— Совершенная глупость сводить людей вместе на основании того, какие фильмы они смотрят и какие посты лайкают, — сказал Паоло на интервью.

— Зато это тридцать процентов успешных свиданий, — заметила женщина лет сорока. — Или у вас есть другой способ?

Паоло посмотрел в сторону:

— А я могу пососать леденец?

Несколько человек переглянулись между собой.

— Почему нет, — сказала женщина, и Паоло аккуратно развернул из бумажки мятную стекляшку торообразной формы, повертел в руках и положил за щёку. В комнате повисла тишина.

— Ну, так как? — спросила женщина.

— Тридцать процентов успешных свиданий ведь не гарантируют успешную семейную жизнь? — Спросил Паоло.

В комнате раздался смех:

— Дельное замечание, — улыбнулась женщина. — Но людям проще увидеть результат, когда он приходит к ним сразу, а не через три года или не дай бог на золотую свадьбу.

В комнате послышался смех. Паоло перекатил леденец за другую щеку.

— Тогда... — он сделал губы трубочкой и посмотрел в потолок, — тогда я бы не менял подход.

В комнате установилась тишина.

— Вы же только что сами сказали, что глупо сводить людей вместе на основании лайков.

— Если нужно только первое свидание. Вероятно, в подходе есть что-то правильное. Значит, следует отбросить ложное, а то, что останется, окажется решением.

— Как-то слишком просто, — прокомментировала женщина.

— Он мне подходит, — сказал мужчина с серебряными волосами, который напомнил Паоло графа, конечно, если бы во время феодального строя было принято красить волосы. Женщина пожала плечами, но решение было принято.

Через несколько часов Паоло был уже среди новых друзей в шумной компании, где один оратор ему запомнился особенно. Это был высокий худой мужчина в неформальной одежде, с ошейником на шее, бейсболке с козырьком назад и в чёрной футболке. Он говорил громко, активно жонглировал руками и много матерился.

— Да! Да!!! Да!!!! — хлопал он в ладоши. — Приезжаю я в Торонто, а там й*ая осень! Нет, ну а что делать. Я беру Эрика за руку и веду его пить глинтвейн, потому что Эрик ничего крепче не пьёт. Это же Эээрик.

Рассказчик наклонил голову набок изображая Эрика.

— И вместо того, чтобы поговорить с приятелем о высоком, ну там о хорошей эрекции, о девочках, он что делает? Он лайкает пост Маккинзи, — человек изображает максимальное возмущение.

— То есть, я выделил время, послал отца на*й, а он сидит и лайкает Маккинзи, которая трахнулась с каким-то Бобби и написала об этом. Вот тебе эвент, а?!!!

Люди внимательно вслушиваются в трагическую театральную паузу.

— А этот Бобби — он кто? Бобби — форменный засранец, его никто не любит. На него там бочки дерьма весь курс катит, а она с ним траХнулась.

Толпа понимающе молчит.

— Вы же понимаете, что это значит? Они её просто съедят, вместе с её с*ка тупыми п*нутыми тампонами. И я смотрю, там уже постов под пять сотен ненависти и его один лайк!

Представляете?! Сотни постов ненависти — и его один-единёшенький лайк. И он ей пишет комментарий поддержки: «Я бы тоже трахнул такой член». Воображаете?! Пи*ец!!!

В голосе уже слышались хриплые нотки, а запал только разгорался:

— И что? А!!! Они идут на свидание, она лижет ему по самые яйца, и они женятся. Happy End!!!

Горячий оратор садится в общую компанию, опрокидывает шот и продолжает наигранное удивление:

— Ну вот, бл*дь, как?! Что нам скажет наука? И да! Я точно знаю: она не считала его сексуальным. Вы думаете — скрытая симпатия — а ни*я!!! Она не считала его сексуальным, пока этот сукин сын не поставил лайк!

Оратор уселся на диван, подтягивая к себе поднос с выпивкой.

— Билет мне в рай, если мы не сделаем бабки!

И он с довольной ухмылкой поднял тост:

— Выпьем за удачливого Эрика, за ох*енные лайки и за успех нашей кампании!

«Кампаай» — закричала толпа, «За науку!» — кричали другие, «За QA после первой не пить» — голосили третьи.

Оратора звали Чарльз. Он был сыном основного владельца акций компании *CommuniCat*, в которой теперь и работал Паоло.

* * *

Паоло влился в ряды разработчиков системы семантического (смыслового) анализа, которую программисты окрестили Мемра. В религии Мемра, она же Логос, она же Маамар, она же «Слово», обозначало сущность, создающую мир из мысли. В *CommuniCat* Мемра анализировала посты людей в социальных сетях с целью конструирования модели идентичности.

Для этого Мемру научили выделять смыслы и определять отношение автора к ним. С удивительной точностью, превосходящей человеческие способности, Мемра обнаруживала иронию, удивление, раздражение, порицание, поддержку, агрессию, негодование и юмор. Она отлично справлялась с задачей нахождения сексуального флирта как явного, так и скрытого и уже участвовала в качестве эксперта в судебных разбирательствах по теме харассмента.

Своим успехом проект был обязан новой семантической теории информации Вольперта. Глазами Мемры человеческая индивидуальность представлялась словарём смыслов, массивом идей и матрицей отношений между ними. С точки зрения Мемры человек был машиной, которая разделяла реальность на две части: добро и зло. Машиной, для которой средой обитания выступали социальные сети как место выражения мыслей и распространения моральных оценок.

Мемра моделировала не только идентичности отдельных людей, но и создавала совместные модели для семей, партий, субкультур и стран. Она знала ответ на вопрос: сколько в вашей индивидуальности чужого, из каких культур, субкультур были заимствованы идеи. Мемра могла точно ответить на вопрос: какой вы фрукт, каких мыслей раб и какого «отца» сын.

Мемра знала вас лучше, объективнее и точнее, чем вы. Однажды один из сотрудников с именем Майкл предложил написать автоматизированного психолога-ассистента, который бы помогал людям с бытовыми проблемами. Скажем, вы платите десять или двадцать долларов в месяц и получаете первичную помощь. Паоло эта идея пришлась по душе и он познакомил Майкла с домашним проектом, использующим базу данных Мемры для создания карты распространения идей.

— Это же круто! — радовался Майкл, смотря на картину, где отображались отношения между людьми и идеями. Интерфейс позволял выбрать разные группы людей по разным критериям, чтобы построить новую карту. Например, вы могли выбрать политические пристрастия, религию или виды образования. Майкл смотрел на творение Паоло с неподдельным восхищением, словно перед ним раскрылся новый неведомый мир.

Вселенная симпатий людей к идеям как бы одевала человечество в новое платье, создавала новый образ (или «look», как сказали бы представители модной индустрии). Теперь все люди делились на тех, кто... любил котиков, и тех, кто ненавидел любителей котиков. И если первое не было в новинку, второе вызывало интерес, особенно если обратить внимание на корреляцию с нетерпимостью к случайному сексу. Портрет среднего человека современности выглядел так. Вам тридцать три года. У вас аллергия. Вы придерживаетесь идеи здорового питания. В целом, вы оптимист. Любите котиков. И не очень любите, а то и ненавидите людей, занимающихся сексом без обязательств. А взамен, люди, которым нравится заниматься случайным сексом, ненавидят вас, как тех, кто любит котиков. И вот объясняйте это как хотите!

— До сих пор я считал свою работу бесконечно скучной, — признался Майкл. — Кажется, вы только что изменили мою жизнь.

Паоло, носивший обычно беспристрастное лицо или, как говорят, «pokerface», неожиданно улыбнулся. Ему нравилось, когда его работа вызывала искреннее удивление. Так в лице Майкла он заполучил нового фаната, а возможно и друга.

* * *

Плюшевый клубок личных интересов в недрах Мемры был и у Майкла, который надеялся с её помощью столкнуться с любовью, все эти годы удачно обходившей его стороной. К тридцати пяти годам ему было стыдно признаться в таком публично несмотря на то, что сам он занимал позицию борьбы со стереотипами. Победить этот стереотип он не был в силах, потому что был одним из его истинных последователей и хранителей. С помощью Мемры он мог отследить связь между идеей «истинной любви» и своей личностью. В свободное от работы время он раскрывал карту виртуальной идентичности и прослеживал связи между идеями, пытаясь понять, что нужно изменить в себе, чтобы вырваться на свободу.

Идея «истинной любви» занимала значительную часть сущности Майкла. От неё отходил пучок связей к идее «невозможного совпадения», которые вместе создавали фантазию про встречу с человеком, приносящим Майклу новый взгляд на мир.

Идея «невозможного совпадения» заставляла перебирать песок руками, в надежде задержать меж пальцев желанное. Это по-своему объясняло поведение Майкла, выглядевшее со стороны промискуитетом, будучи изнутри верой в сокровенное.

«Вот что плохо, — рассказывал Майкл группе разработчиков, среди которых сидел и Паоло, — Мемра создаёт виртуальную идентичность человека. Возможно, для сервиса знакомств этого достаточно. Но для поиска реальной любви — нет. Что мы делаем? Выдаём рекомендации на основании отношений людей к идеям? Допустим, для хорошего свидания это работает. А дальше? А построение семьи? А любовь? Вот если бы Мемра могла сконструировать ещё идентичность человека, которого мы бы могли полюбить. Если бы мы нашли закономерность, по которой идентичности притягиваются друг к другу».

Розовощёкая Нэнси тихо замечала: «Любовь слишком расплывчата, чтобы ставить задачу», и на этом размышления Майкла прерывались. Он и сам понимал неопределённость поставленного им вопроса, но как его определить или найти способ, чтобы определить, — не знал.

Нэнси тем временем переживала второй развод после второй беременности и относилась к своим мужчинам достаточно философски: «Не знаю, что вы от меня хотите, — говорила она им, — Детей? Пожалуйста. Родительские права? Пожалуйста. Меня? Ну уж нет! Оставьте меня мне!».

Иногда она жаловалась Майклу: «Почему если я прожила с мужчиной вместе, спала вместе и делала детей вместе — я обязана его выслушивать и делать вид, что он мне безразличен?». Майкл молчал. «Твои любовники тебя тоже заставляют работать службой поддержки?» — спрашивала она его.

Майкл мотал головой, хотя и в его жизни всё было не столь просто.

* * *

Роясь в чемодане прошлого, Майкл не мог найти причин для жалоб. Первые отношения появились без усилий. За ним ухаживали, любили, ждали. Одевали, раздевали. Он обещал, что всегда будет предан. А потом была поездка. На пять дней. Он встретил другого и за четыре часа понял, что с ним так же хорошо, как и с первым. Это было ужасной трагедией. Лично для него. В

нём как будто сидело двое: тот, кто обещал, и тот, кого целовали. И он повторил эту ошибку ещё дважды, прежде чем навсегда запретил себе давать невыполнимые обещания. Но идея... Идея осталась.

На что же это похоже? На рыбу, которая мечтает жить как птица? На птицу, которая мечтает жить как рыба? Или на птицу, которая рыба, но мечтает жить как птица, но в воде как рыба? Тут легко запутаться. Легко прийти к отчаянью. Легко разочароваться в мироустройстве, особенно если ты человек, и ни рыба, ни птица.

А Майкл нашёл какой-то свой стержень равновесия. Одна его половина ощущала себя в сексе словно рыба в воде, а вторая была птицей в небе из возможностей и вероятностей. Когда он приходил на свидания, ему казалось, что он снимает кино про человека, который выглядит, как он, говорит как он, но не он. И всякий раз, когда такое ощущение ему удавалось, секс был сказочным, а когда нет — секса не было вовсе.

Наверное, в этом был секрет, почему он не чувствовал вину, когда был с Джимми. Он приходил, говорил себе: «Это просто визит вежливости». И каждый раз его накрывало ощущение, что он снимает кино. И он говорил: «Ну хорошо, у нас давно не было, а парень молодой, не буду же я вести себя по-свински». А на самом деле секс у них был всегда, когда виделись. Хотя и к сожалению Джимми встречи случались не часто. Но он не жаловался. Он даже старался не звонить, чтобы не вызывать чувство вины.

Майклу сильно повезло в том, что он не догадывался, о чём думает Джимми. В глазах Майкла его любовник был несколько глуп и наивен. А Джимми чувствовал, каким недалёким человеком воспринимал его Майкл. Ему казалось, что безответная любовь вызвала у Майкла чувство вины. Джимми было ясно — его не любят, но он верил, что именно чувство вины возвращает Майкла, поэтому считал, что пока он явно не напоминает ему о любви, Майкл будет возвращаться снова и снова, испытывая стыд и обязательства.

Если бы Джимми знал, почему Майкл приходил к нему. Если бы Майкл понимал, что Джимми знает, каким он его видит. Если бы они оба могли поговорить друг с другом откровенно, то в тот же самый день случилась бы самая трагическая и одновременно комическая история двойного самоубийства. Какие там Ромео плюс Ромео?

Это было бы красиво. Ванна. Кафель. Кровь. Лепестки. Много лепестков. Много крови. Майкл и Джимми лежат голые в джакузи. Бурлит вода, красное месиво, эмоции! Шампанское бурлит в руках сценариста. Камера подъезжает ближе слева направо. Видно словно сотканые гуттаперчевые тела Джимми и Майкла. Полупрозрачные, неживые, замысловатые мускулы, судороги, тени от свечей, воск, капающий на тело, засохшая тёмная кровь, боль, ужас, ужас. УЖАС!

Мотор! Снято! Ещё ничего не написано, а у нас уже два трупа. И есть первый рассказ, который можно прекратить по своему желанию в любой момент. Только люди так не делают. И не потому, что они не знают о мыслях друг друга, — догадываются. И не потому, что хотят сохранить себе жизни, — хотят, но не могут. И не потому. Но почему? Никто не знает.

Никто не знает, почему люди открываются друг другу как sudoku, по кубикам и частям. И хорошо, если своим частям, порой это части других тел, вырванные или сворованные. Не удивительно, что почти никому не удаётся сложить пазл так, чтобы получить человека.

* * *

Теперь куда легче понять, что родного Майкл нашёл в Рейчел. Они были знакомы ещё с института, но их настоящие отношения завязались после того, как Рейчел выложила Майклу историю неудачных попыток.

У Рейчел было три парня. С первым она познакомилась на вечеринке у знакомых, его звали Коди. Он сам начал флиртовать с ней, и они уединились в комнате, а после трёх часов пространных разговоров он совершил над ней скромный поцелуй. Про таких как Коди говорят: «Он был милым парнем», а потом добавляют: «Но!».

Тод был совсем другим парнем, сельским, простым и тем, кому нравилось быть с Рейчел физически. Секс с Тодом был не то, чтобы замечательным, но лучшим, пока на горизонте постоянно маячил Коди. Однако Тод не спешил знакомиться с другой стороной Рейчел, а их беседы переполнялись неловкой тишиной, казалось, если бы не секс, хищное молчание перерезало бы глотки любовникам. Про таких как Тод говорят: «Он был милым парнем», а потом добавляют: «Но!».

Коди и Тод — симпатичные хорошие парни, которые интересовались Рейчел, а она переключалась между ними, наполняя свою жизнь из обоих сосудов недостающими ингредиентами. Про таких как Рейчел говорят: «Она...» и даже не добавляют: «Но!».

Калейдоскоп свиданий прекратился, как только Рейчел столкнулась с Джеймсом. Их знакомство состоялось на работе, плавно перешло в разговор, разговор перерос во флирт, а флирт превратился в свидание. Джеймсу не требовалось приглашать Рейчел дважды. В нём было всё или почти всё, что она искала в мужчинах: он казался зрелым и умным, его интересовали все грани её личности, а татуировка на левой руке добавляла ему некий квази-хипстерский образ, от которого Рейчел сходила с ума. Не хватало только одного: он не был хорошим парнем.

Время от времени он казался милым и чувственным, но из-под белых рукавов выглядывал мрачный стилет-скелет личности. Джеймсу нравилось контролировать, хотя отношения только начинались, он уже сумел подобрать ключи к слабостям Рейчел. Играя на её чувстве вины или восхищении, он выбивал бонусы словно «Джекпот» на игровом автомате. Про таких как Джеймс говорят: «Импозантный мужчина», но про себя добавляют: «Мудак!».

Рейчел понадобилось немало времени, чтобы решиться расстаться с Джеймсом. Было нелегко признать, что она бросила двух милых парней. И если вы спросите её, ради чего, — она вряд ли сможет подобрать слова. Про таких как она говорят, и даже она порой говорит о себе то же самое.

Но Майкл прервал цепь глупых самообвинений. Он-то уже давно понял, что воображение людей о морали и нравственности бывает максимально безнравственным из-за несоответствия с реальностью. Рейчел наконец смогла взглянуть на мир глазами существа, которое брало от других не более, чем они готовы были отдавать, и давало не больше, чем от него могли получить.

* * *

Теперь легко будет понять, почему Рейчел встала на сторону Майкла в вопросе отмены института семьи как единственного метода воспитания детей. Не то, чтобы она была «За» или «Против», но теперь она подвергала большим сомнениям собственные ощущения. И когда Нэнси высказала своё неодобрение, Рейчел возразила ей.

Для Нэнси эта беседа началась с выбора пирожных. Буквально пару часов назад она бегала по магазинчикам, пытаясь отыскать нужный пуншкрапфен (миниатюрное пирожное). Нэнси сразу же примостилась в очередь, как только увидела нежные розовые кубики в глазури, и пока очередь двигалась, она успела пробежать глазами статью с весьма говорящим заголовком: «Будущее воспитания детей».

Право на воспитание детей выдавалось семьям, прошедшим аттестацию и получившим сертификат. Родители, которые не хотели или не могли воспитывать ребёнка, имели право передать его «институциональной семье». Законы были продуманы таким образом, чтобы минимизировать число детей в детских домах, считающихся худшей средой для ребёнка.

Последнее время набирали обороты семьи из двух человек: родитель — ребёнок. Нэнси сама воспитывала двух дочерей, а Майкл мог стать одним из таких будущих родителей. Именно этот формат и стал движителем для авторов статьи, которые намеревались совершить переворот в современной системе воспитания. Они предлагали наделить правом воспитания ребёнка нескольких людей, которые не обязательно состояли в близких отношениях. Иначе говоря, авторы предлагали немыслимое: разорвать связь между любовью и воспитанием навсегда.

Нэнси настолько погрузилась в хитросплетения статьи, что чуть не пропустила очередь к пуншкрапфенам! Её возмущению не было предела:

— Какая глупость! Вы только подумайте! Лишить ребёнка любящих родителей!

Эти слова один в один она повторила уже в офисе. Рейчел пожала плечами:

— Но вы же воспитываете детей одна.

Нэнси с негодованием откусила пуншкрапфен:

— Но муму-вы-же-муму! — слова зажевались сладким пирожным. — Я люблю своих детей! И этого достаточно!

В разговор вмешался мужчина средних лет с именем Рене, который сидел от Нэнси в другой части комнаты. Даже не поворачиваясь лицом к коллегам, он произнёс:

— Кто же вам сказал, что они не будут любить детей?

Нэнси развела руками:

— А откуда возьмётся любовь?! Они не хотят строить отношения, живут только для себя! — но конец мысли вслух произносить не решилась: «И весь этот закон про «институциональные семьи» нужен только для того, чтобы трахаться направо и налево и иметь детей».

Мода устраивать скандалы с эмбрионами была не нова. Всё началось с истории мальчика по имени... Хотя нет, когда история только начиналась, никакого имени, как и мальчика ещё не существовало. Была лишь семья популярного певца и композитора Биджоя Чандра, в которой давно хотели детей. Тяжёлая болезнь тихой сапой отбирала у звёздного мужа любимую жену. Поэтому они приняли решение заморозить несколько яйцеклеток и образцов семени. Однако несчастья редко приходят поодиночке. Всего через пару лет Биджой сам превратился в заложника смерти. Тогда со свойственным ему остроумием он составил необычное завещание человечеству.

То, чего не успела сделать природа, должны были довершить руки учёных. Им надлежало отобрать из имеющегося генетического материала наиболее «совершенный» эмбрион, который бы получил все таланты отца и красоту матери. А после, согласно завещанию, эмбрион следовало передать на воспитание в семью профессиональных музыкантов, чтобы те взрастили музыкального гения.

Прошло более семидесяти лет, пока один из известных музыкальных лейблов не решил выполнить завещание Биджоя. Согласно всем условиям он подыскал семью итальянских музыкантов и спонсировал суррогатную мать. Так на свет появился мальчик с итальянским именем Микеле и индуисткой фамилией Чандр. Но через шесть лет у семьи, которая находилась под пристальным вниманием прессы, начались серьёзные проблемы. То ли по глупости, то ли по случайности в публичное пространство попал договор лейбла с приёмной семьёй мальчика, в котором значились особые условия. Согласно условиям договора семья обязывалась воспитывать

в молодом гении музыки преданность компании, и тем самым подвести его уже к седьмому году жизни к выгодному контракту на пять лет.

Возмущению не было предела! Канадская премьер-министр Шан Лю использовала в своей речи фразу: «даже со времён рабовладельческого строя», описывая ужас ситуации. Американский президент не сдерживался в эмоциях. Каждый лидер мира считал своим долгом высказаться по данному вопросу.

Прецедент был невообразимый и вызвал глобальный резонанс. Результатом этого скандала стало предубеждённое отношение к сперматозоидам, яйцеклеткам и замороженным эмбрионам.

В этом общественная мораль подобна иммунной системе. Иногда она даёт сбой и пропускает незнакомого нарушителя. Но после кровавой борьбы, потоков эритроцитов и моралфагов, она запоминает признаки патогена, чтобы в будущем бессознательно и молниеносно среагировать на него. Здесь её сила и слабость. С одной стороны — спасение, с другой — аллергия. С одной стороны — скорость, с другой — бестолковость.

Теперь понятнее причины прогремевшего в прошлом году скандала, когда одна из молодых сотрудниц *CommuniCat*, Катрин, с мужем решились родить ребёнка. Семья отложила деньги, запланировала беременность, и вдруг... Катрин решает поехать отдыхать на Галапагос, замораживает эмбрион и разводится с мужем. Если бы это был сюжет комедии — на него бы вовсе не обратили внимания, но в обществе, которое ещё помнило историю Микеле Чандра, случай произвёл эффект соли на незатянувшейся ране.

Скандал разгорелся не сразу. Кто-то из друзей мужа выложил фотографии счастливого развода в сеть. И хотя праздновать развод с тортом, улыбками и свечами — традиция далеко не новая, сочетание Галапагоса и замороженного эмбриона привлекли зевак. В хоре осуждающих уверенно звучали голоса Нэнси, а также Виктора и Мо, которые успели стать специалистами в вопросе замороженных эмбрионов. Аргументация, звучавшая из лагеря противников замороженных эмбрионов, строилась на словах: продажа людей, человек не игрушка, поля благодати, фашисты и евгеника.

Нэнси отлично выражала обобщённое мнение социальных сетей:

— Вообразите себя на его месте, — Нэнси имела ввиду эмбриона. — Вы почти родились, а ваши биологические родители внезапно решают отложить это на неопределённый срок, потому что им, видите ли, захотелось отдохнуть на островах! И как вы себя почувствуете?!

Последние слова Нэнси закусывала сладким пуншкрапфеном, всем видом показывая неистовое возмущение. Она искренне переживала за то, что говорила. Ей была отвратительна ситуация, если бы с ней кто-то поступил так же, тем более, кто-то и правда поступил с ней схожим образом. Она потратила немало усилий, чтобы рассказать об этом всюду, где могла. Её обидчиков звали Кевин и Лафи. Кевин пригласил Нэнси на свидание, а сам пошёл на свидание с её подругой Лафи.

Нэнси потратила два месяца, чтобы описать свою ситуацию на всех онлайн площадках Кёльна, общественных местах и офисных пространствах. В сети даже появился локальный мем: «Феномен Нэнси». К вам подходит незнакомая девушка и говорит: «Вы не знаете Лафи?». Вы качаете головой. Тогда она спрашивает: «А Кевина знаете?». Вы пожимаете плечами. Тогда она выдаёт вам от А до Я всю драму, и вы в растерянности не находите слов, чтобы отвязаться от незнакомки. Даже ощущаете какое-то неудобство и продолжаете стоять как истукан.

Рене легко объяснил этот феномен на корпоративе:

— Верьте мне! Так всё и было! Бог создал Адама! Но очень скоро тот начал говорить сам с собой. Из-за скуки конечно! — Рене наклонял лицо на девяносто градусов и внимательно всматривался в

зрителей. — Поэтому Бог создал Хомячка. Мягкий, милый, но быстро изнашивается. Пришлось делать женщину. Хомячок был, конечно, лучше, но... Сами понимаете.

Зал понятиво молчал.

— Однако извечную хандру Адама это не остановило, ибо тем для разговора у них с Евой не было. И пришлось Богу их развлекать, — Рене улыбнулся. — Вулканы, звездопады, гром, молнии, животные, красивые животные, страшно красивые животные, просто страшные животные, очень большие животные, просто невероятно большие животные, невероятно страшные большие животные, маленькие животные, очень маленькие животные, страшно маленькие животные, паразиты, вирусы. Вирусы, которые передаются половым путём — всегда есть о чём поговорить!!! Утро, а он такой: «Дорогая, сегодня я нашёл твой вчерашний вирус». Они же бессмертные, им-то что. Некоторое время выдумки Господа возымели действие над Адамом да Евой, и стало им интересно и увлекательно. Но недолго! Ибо сидит в каждом человеке скука мрачная. И вот ночью заветной приходит Бог к древу познания, дабы попросить: «Ты, змий-хитрый, помоги роду человеческому, умирает он в депрессии да без радости, а Прозака уже не дают! И молвил ему змий с лапками голосом ехидным: «Не те чудеса, Господи, ты творишь. А сотвори ты Адаму вторую Еву». И отщепил бог от неё кончик языка да вылепил по образу и подобию женщину и нарёк её именем Клара. И пришла Клара утром к Адаму и поведала она ему первую сплетню, как Ева изменила ему с другим мужчиной. И был первый сарказм и скандал, и слёзы, и доказывала Ева Адаму, что не верблюд. А тем временем пошла Клара к Богу да поведала ему, будто нарушили Адам с Евой священный завет. Верьте мне, так всё и было! И была ложь, и мораль, и был первый стыд человеческий от морали той. С тех пор люди в муках рождаются и сплетничают, и некогда им печалиться, потому что такая х*ня теперь в мире коится, что вообразить страшно!

Впрочем, Рене иногда удавалось быть серьёзным. В эти моменты он закладывал ногу за ногу, и, безучастно глядя в потолок, выдавал какую-нибудь глубокую мысль:

— В будущем Verliebtheit¹ или даже Limerence² должны безвозвратно покинуть человечество вместе с ненавистью.

Присутствующие повернулись к Рене, и на некоторое время зависла тишина. Виктор не упустил возможности проявить инициативу:

— Какая дивная мысль! И каким же образом?

Рене сделал вид, что не услышал вопроса и продолжил:

— Если подумать, любовь была нужна, чтобы объединить усилия двух людей над продолжением рода, а после гарантировать выживание ребёнка. Если воспитание и выживание детей перестанет быть вопросом способности двух взрослых особей заботиться о детях, то чувство, заставляющее нас сходить с ума с целью смотреть на мир розовыми глазами, лишь бы привыкнуть к своему партнёру, сойдёт на нет.

Виктор не сдавал позиции:

— Отличная гипотеза! Но подобные изменения займут очень много времени. Ведь сперва нужно, чтобы такая мутация появилась.

Рене посмотрел на Виктора пустым взглядом:

— Скорее всего такая мутация давно присутствует. Просто теперь она станет доминировать в обществе.

Майкл затаил дыхание, ощутив, что возникший вопрос волнует его не в последнюю очередь:

— То есть, ты хочешь сказать, что среди нас могут быть люди, которые не способны влюбляться?

Рене развёл плечами:

¹ Влюблённость (нем.)

² Limerence — экстремальное состояние влюблённости (нем.)

— Почему бы нет?

— Да уж, только их никто никогда не видел, — заметил Виктор.

— Точно уж! — подтвердила Мо.

Рене хитро глянул на парочку:

— А кто бы из вас мог заметить такого человека? Тут две проблемы, — и Рене принялся загибать пальцы. — Влюбляться считается необходимым для каждого, кто желает быть полноценным. Сбитые мозги набекрень, глупый риск, попытки расстаться с жизнью кажутся романтическими и образуют стандарт поведения, которому может следовать не только человек, отравленный гормонами, но и человек, желающий выглядеть полноценным, — Рене остановился и загнул второй палец: — А вторая проблема — готовность заметить. Вот кто из вас заметил, что у нас в офисе новый кулер для воды? — Рене пробежал глазами по присутствующим. Нэнси виновато улыбнулась и прошептала как бы про себя: «Ах вот почему кнопочки иначе нажимаются».

— Что и требовалось доказать, — продолжил Рене. — И при этом все из нас знают, что Майкл — гей, хотя он ни разу не говорил об этом и вообще ничего о себе не рассказывает.

Майкл пожал плечами, Рене утвердительно посмотрел на него:

— А вот всего пару сотен лет назад, мало кто смог бы правильно соединить факты так, чтобы понять это.

Нэнси откусила небольшую часть пуншкрапфена и поёжилась:

— Значит и сексуальности никакой не станет? — она немного подумала, — и мужчин и женщин не будет? — Нэнси вопросительно с ужасом смотрела на Майкла. — То есть я права! Растить детей без семьи, какими-то роботами, сотрудниками — приведёт человечество к гибели!

В молодости Нэнси была активисткой движения против детских домов, и хотя её навык произносить пафосные речи со временем притупился, она могла бы его быстро восстановить при надобности. Ей было важным считать себя частью того добра, которое всегда побеждает, поэтому работа в *CommuniCat* по созданию сервиса любви выглядела работой правильной, достойной гражданина.

Виктор также гордился участием в проекте, где занимал должность комиссара по этике. Он считал себя неофициальным специалистом в сфере человеческих отношений, и поэтому у людей не было прав обойти его фигуру. С его точки зрения быть хранителем морали и любви — лучшая должность и позиция, чтобы получить максимум внимания. С тех пор ни одна концентрация мнений не обходилась без хитрых вопросов Виктора. Поговаривали, что и его появление в *CommuniCat* не было случайным. Виктор делал ставку и верил, что новый проект — это самая перспективная система с точки зрения развития социума. Поэтому, когда на горизонте замаячил запах провала, чувство горького разочарования было неизбежным.

* * *

Прошла весна, а за ней галопом промчалось лето. Результаты тестирования Мемры не прибавили энтузиазма. Команда находилась в напряжении. Рейчел заканчивала собрание. Обсуждения *CommuniCat* проходили в специальных стеклянных боксах-комнатах, которые хорошо просматривались с любой точки орен-офиса, но при этом обладали идеальной звукоизоляцией.

— Не айс, парни, — обращалась менеджер к окружающим, разводя руками, хотя тех, кого можно было бы назвать парнями, тут было меньшинство.

— Думаю, мы что-то упустили в модели. Да, нам кажется, что ничего, но, выходит, упустили, — говорил Виктор.

— Правильно, Виктор, конечно же, так и есть — с энтузиазмом восклицала Мо, что сидела недалеко от него.

— Не скажите, девочки, — покачала головой Рейчел. — Мы проверили сто человек на КРАНЕ³ высокой точности. Параметры модели характера, полученные по активности человека в интернет, и модель характера, полученная на КРАНЕ, совпадают. И то же самое мы видим на нашей контрольной группе идеальных пар. Тут нет ошибки.

— Значит, ошибка в чём-то другом, — сказал Виктор.

— Совершенно верно, — добавила Мо.

— И в чём? — спросила менеджер.

Собрание молчало.

— До сих пор мы двигались очень успешно. Если испытания провалятся на этом этапе, то нам всем придётся искать новую работу. Никому не нужна служба онлайн знакомств, которая имеет такую же эффективность, как и у основных игроков на рынке, — Рейчел обошла комнату кругом. — Нет, парни, не то, что я хочу вас напугать.

— Мне кажется, — перебил Виктор, — нам просто нужен новый взгляд на проблему.

— Я тоже так думаю, — сказала Мо.

Рейчел улыбнулась улыбкой со вкусом гвоздики.

— Отличная идея, — сказала она с заметной долей иронии, — но как же мы найдём этот новый взгляд?

— А вот Майкл сегодня собирался устроить вечер Каркассона с зефирками, — вспомнил Виктор.

— Да, да, Вик! — подтвердила Мо. — Хороший способ найти новую точку зрения.

Менеджер улыбнулась:

— А что думает Майкл?

Майкл сидел недвижно.

— Майкл? — повторила Рейчел, — Майкл! Ты здесь?

Рене вздрогнул и вышел из оцепенения, будто эти слова предназначались ему. Он нашёл спину Майкла, который неподвижно сидел прямо перед ним.

— Честно говоря, у меня изменились планы, — подал голос Майкл.

Все собравшиеся вопросительно посмотрели на Майкла.

— Вчера я познакомился с парнем.

В комнате образовалось оживление:

— Парни — это временное, хорошие вечера — вечное, — послышался весёлый голос Нэнси.

— Майкл, — сказал Виктор, — на тебя совсем не похоже. Променять Каркассон на мужчину?

Майкл пожал плечами в знак того, что не видит никакой проблемы.

Глава 2. Тонкости телепортации

Высасывал ли аскетичный минимализм уют из квартиры или придавал прямоугольному пространству ощущение свободы — сказать сложно. Гостиная и рабочий кабинет — такой была современная формула удобного жилья. Равномерно распределённые пуфики на колёсиках, складной стол в полу, умеющий превращаться из стола в журнальный столик или вовсе исчезать из комнаты — главный атрибут гостеприимства. Пара искусственных бонсаев, которые не требовали ухода, — по углам комнаты, органический текстурированный пол с фракталами вместо ковров — формула домашней эстетики.

³ Транскраниальный сканер высокой точности

Единственным элементом индивидуальности жилища мог бы стать лишь хозяин, но и он не отличался решительно ничем, если только за индивидуальность нельзя было бы принять отсутствие стиля, отросшие волосы и щетину.

Гость прошёл по периметру комнаты, хаотично растолкал пуфики, и, окончив круг, уселся. На затылок прыгнул солнечный зайчик, намекая на ясный день. Гость поднял вопрошающий взгляд на хозяина.

— Может быть, кофе? — предложил хозяин в знак гостеприимства.

— стакан воды, пожалуйста, — улыбнулся гость в то время, как короткостриженные пепельные волосы пропустили луч света. Блик от чужого окна вздрогнул и исчез.

Хозяин нажал на кнопку, распахнувшую бар в стене, и налил воды. Он аккуратно передал стакан гостю из рук в руки, обращая внимание на его высокие квадратные скулы. Эти скулы создавали образ короля жутких тёмных веков. Властный, внушающий трепет и страх.

— Майкл, — представился хозяин.

— Ал, — вежливо ответил гость.

Майкл попытался двинуть пуфик на прежнее место, но Ал попросил его сесть. Они оказались друг напротив друга.

В доме не было ни книг, ни фигурной посуды, ни иной мебели, которая бы могла вместить в себя мишуру. Даже освещение не занимало место. Точечные источники света были рассыпаны, словно звёзды по фигурному потолку, и включались специальным движением рук.

Большой экран в правой стене отображал человека. Это была картина на которой одинокий странник с длинными волосами сидел среди камней. Тяжёлая голова накренилась вниз, а ладони сложились в свод храма. Предрассветные сумерки вились у ног словно змеи, пытаясь сковать волю и думы, но мысли странника убегали далеко за пределы экрана. Майкл переместил взгляд с изображения на гостя. Что между ними общего?

Говорить было не о чем, но о чём-то нужно было говорить. Майкл выжидал, когда гость сделает первый шаг, но тот в абсолютной тишине лишь осматривал профиль. Майкл не выдержал:

— Вы местный? — обычно такой вопрос задают тогда, когда хотят определиться в длительности знакомства.

— Утром только из Торонто.

К несчастью гостя, Майкл знал на память расписание всех авиарейсов из Торонто в Вену, Мюнхен или Цюрих, и даже другие варианты прибытия в аэропорт неподалёку от Кёльна с пересадкой. Он хорошо помнил, что раньше двух часов дня прилететь в город было невозможно. Это знание досталось ему от прошлых отношений с человеком, с которым он виделся чаще в аэропорту, чем по жизни.

— Этого не может быть, — вежливо подметил Майкл.

Гость повернул голову к изображению странника среди камней и ответил:

— Почему же не может?

— Потому что самолёт ещё даже не приземлился, — с нотками напряжения сказал Майкл. — А телепортацию ещё не изобрели.

— И не изобретут, — сказал Ал, — телепортация невозможна, — он снова обратил свой взор на хозяина квартиры, и Майкл прищурился, пытаясь понять смысл.

— С чего это вдруг? — спросил он.

Гость снова взглянул на картину со странником среди камней, улыбнулся и ответил:

— Там, где есть разум, телепортация невозможна.

Майкл напряг все свои извилины, чтобы вспомнить хоть какие-то факты, способные хотя бы отдалённо объяснить услышанное. Он смотрел на гостя с недоверием и с искренним интересом. Желание поспорить почти вырывалось из его уст, но он смерил визитёра взглядом и вежливо обратился:

— Разве между этим есть какая-то связь?

Гость хитро зыркнул, подвинул пуфик так, чтобы его колени коснулись коленей Майкла. Майкл сжался.

— Возьми меня за руку, — сказал Ал. Майкл протянул ладонь, и гость сжал её. — Что мы только что сделали? — спросил Ал, на что хозяин пожал плечами, а гость немедленно ответил.

— Мы создали связь. — Ал потянул Майкла на себя. — И теперь часть движений твоего тела ограничена этой связью. Значит связь — это ограничение, а ограничение — это связь. Слова разные, а смысл один.

Майкл освободил руку, чтобы задать вопрос.

— А любовь — это тоже ограничения? — на который через некоторое время ответил сам, — почему же эта мысль не пришла раньше?

Если бы эта мысль появилась раньше, многое из того, что произошло, не случилось бы.

Майкл протянул руку к стакану воду и осушил до дна. Потом он вспомнил, что стакан был не для него, и посмотрел с опаской в сторону гостя, пытаясь обнаружить осуждающий взгляд. Но на лице Ала не было даже следа враждебности. Майкл подошёл к пуфику, чтобы перетащить его на законное место, а после повторил это с остальными. Остался лишь тот, на котором сидел гость. Ал спокойно наблюдал за действиями хозяина, дав короткий комментарий:

— У тебя связь с ними.

— Это мои ограничения, — признался Майкл. — Если они не находятся на нужных местах, мне кажется, что я не у себя дома.

— А если они на нужных местах?

Майкл было хотел что-то ответить, но Ал взял его за руку, тепло разлилось по всему телу, и ненужные мысли исчезли с горизонта, уступив своё место чувствам. На несколько часов привычка беспокоиться по поводу неправильно стоящих пуфиков покинула Майкла. Пришёл вечер.

Майкл лежал на широком матрасе, беззаботно уставившись в потолок. Он повернул голову в сторону Ала, чтобы рассмотреть грациозный поток мышц на поверхности бедра. Ощущение красоты восхитило. «Мой бог» — подумалось ему и сразу после этой мысли вернулось беспокойство относительно правильности поступков.

Майкл вспомнил их встречу в доме EL-DE и попытался понять, с чего всё началось. Что заставило его оказаться в музее. Он не любил тратить время на созерцание прошлого, музеи были ему чужды. Но что-то же произошло утром этого дня?

* * *

А утро этого дня началось с раздумий над сервисом «Мемра», который обещал поднять эффективность поиска любви на новый уровень. Учёные вплотную подошли к разгадке таинственного чувства, и не воспользоваться этим открытием было бы неразумно как с точки зрения получения прибыли, так и с точки зрения улучшения качества жизни.

Майкл был одним из самых заинтересованных лиц в успехе данного мероприятия. Несмотря на расцвет умственных и физических сил, он был совершенно одинок, и если лет пять назад этот факт

внушал вдохновение, то сейчас в голове Майкла медленно ползли пугающие мысли об ущербности. Как же так вышло?

Любовь — чувство привязанности к образу, который отличается от реального человека. У «обычных» людей происходит постепенная подгонка образа к реальной личности, а кое-где любимый человек сам становится похож на образ. Но у Майкла, кажется, вообще не было никакого образа.

Если Антонио, нейрохирург, был примером смелой решительной личности, в которой Майкл видел недостаток скромности и ласки, то Джимми, с морем скромности и ласки, отталкивал нерешительностью. Карл был умный, но недостаточно красивый, а Ральф — красивый, но недостаточно умный. Иван имел и то и другое, но ничем не увлекался. Во время работы оказывался недоступен, а в быту недвижим. Кучерявый Торвальд был всесторонне развитым астрофизиком, но разговаривать с ним не представлялось возможным, потому что он разбирался во всём. Толик хорош, но удивления не вызывал, а Антонио вызывал столько удивления, что Майкл порой его боялся. Антонио не спешил выражать внимание, а Джимми дарил столько внимания, что хотелось его задушить.

Звуки тяжёлого перекатывающегося железа отвлекли Майкла от грустных мыслей. Он поднял голову. Звук, похожий на катание штанги по полу, повторился снова. В квартире над ним жила старушка — божий одуванчик, и звук тяжёлого железа никак не мог принадлежать ей. «Что ж. Стало быть, у её молодой любовник. Она платит ему деньги, а он каждое утро после секса занимается спортом, — так Майкл объяснял себе эти странные звуки. Подумать только, она купила любовнику мини-спортзал. И это в её то годы». Но сколько именно лет старушке — он не знал.

Майкл проверил мессенджер, заглянул в аккаунт Джимми и увидел новое фото в ванной. Ничего не ответив, он закрыл чат, оделся и уже ровно через двадцать пять минут стоял на улице с забавным названием Комёдиенштрассе. Прямо перед ним виднелась рекламная панель с фотографиями надписей заключённых на неизвестном языке. Ниже был перевод: «Вася, я люблю тебя, не могу без этого чувства, вспоминаю каждый день. Кажется, это всё, что осталось».

«Человек вот-вот умрёт, а всё, о чём он может думать, — это любовь», — подумалось Майклу, он сделал буквально несколько шагов вперёд, вернулся к рекламному щиту и перешёл на противоположную сторону по направлению к дому с инициалами EL-DE. Дом некогда был арендован гестапо у католика и коммерсанта Леопольда Дамена.

Мрачные подвалы пыток не произвели особого впечатления на Майкла в отличие от настенных надписей. Их можно было разделить на несколько групп: свидетельства существования, надписи о дружбе, о свободе, надписи отчаяния и надписи о любви. Майкл постарался залезть в шкуру заключённого, чтобы увидеть жизнь с его точки зрения.

В тишине размышлений он почти добрался до выхода, как вдруг его остановил незнакомый голос: — Когда человек попадает в тюрьму, ставшую молчаливой свидетельницей преступлений, и хранящую надписи мучеников — самое важное, что он может увидеть, — вовсе не надписи мертвецов, а отзывы живых людей, которые прошли её коридорами.

Голос, сперва словно возникший в воображении, принадлежал мужчине, которого Майкл увидел впервые. Незнакомец походил то ли на герцога, то ли на короля. Образ древнего правителя проступал в овальном лице с чёткими квадратными скулами, на которых угадывалась щетина, так же покрывавшая волевой подбородок. Пока Майкл молчаливо разглядывал внешность, мужчина взял его за руку, как взрослые берут детей, и заставил сделать несколько шагов к книге отзывов. Жестом он предложил взглянуть на неё.

Майкл повиновался и увидел записи, сделанные разным почерком на разных языках. Тут был французский, немецкий, русский, китайский и итальянский. Майкл отлично понимал английский и прочитал записку, сделанную японцем, в которой говорилось, что глупцы всегда остаются несмотря на опыт прошлого, а люди не меняются. «Дураки не учатся, а их большинство», — говорилось в записке. Её автор не удивлялся бессмысленности смертей, ведь ему казалось, что и сама жизнь бессмысленна.

Майкл пересмотрел несколько страниц. Где-то кричали слова: «Never again» (Никогда снова). Но внимание привлекла надпись на английском языке, выполненная красивым почерком, где каждое слово начиналось с заглавной буквы:

«Спасибо За Напоминание О Том, Что Мы Все Есть Люди»

Именно так Майкл познакомился с Алом, и уже через час Ал сидел на мягком пуфике у Майкла, а ещё через минут сорок они касались чувств друг друга сквозь горячие границы собственных тел.

Майкла беспокоили два ощущения: красота и преднамеренность. Речь шла не о красоте тела «случайного» гостя, и не о красоте души, которую Майк не мог знать. Это была некая красота «вокруг». Предчувствие, восторг. Майкл старался подобрать нужные слова и, чем больше пытался, тем больше понимал, насколько сложное ощущение овладело им.

Преднамеренность. Где-то в событиях этого утра таилась чёткая преднамеренность. Может быть, она скрывалась в рекламной вывеске? Может быть, в книге отзывов? Может быть, в самом госте? А может быть, во всём вместе взятом. Внутри было чёткое ощущение, что Майкл уже знал этого человека когда-то давно. Но такое чувство случается и по отношению к тем, к кому испытываешь симпатию. На самом деле нет! Чувство давнего знакомства можно испытывать к человеку, который буквально думает так же как и ты! Майкл вспомнил, что это было доказано экспериментально, и ещё раз постарался вспомнить — не встречался ли он с этим человеком в прошлом? Память не поддавалась.

Он подождал, когда Ал облачится в одежду, чтобы начать свой расспрос.

— Какая у тебя цель? — спросил в лоб Майкл.

Он намеревался застать гостя врасплох. Оглушить его прямоотой, заставить нервничать. Но Ал не только не удивился, он даже не задумался над ответом:

— Привлечь твоё внимание.

— Почему именно моё? Ты меня знаешь?

Ал поводил глазами по телу Майкла, словно рассматривая что-то внутри него:

— В каком-то смысле да.

— В каком? Мы встречались раньше?

— Можно сказать, что встречались, — ответил Ал.

Беседа перешла в режим допроса в стиле блиц. Вопросы, которые Майкл накопил за последнее время, сыпались как из-под пулемёта, но у Ала все ответы были наготове. Перестрелка ускорялась.

— Когда?

— Пару сотен лет.

— Пару сотен лет назад? И кем же я был в прошлой жизни?!

Было заметно, что ответ про «пару сотен лет» разозлил Майкла, и Ал постарался исправить ситуацию.

— Извини, я не точно выразился. Я не имел ввиду, что знаю именно тебя. Я встречался с человеком, который очень похож на тебя. В мире живут люди, похожие друг на друга, не столько внешне, сколько внутренне.

— Ага, то есть это был как бы мой двойник. Или я его двойник?
— Нет, это не был двойник. Это человек, который мыслит схожим с тобой образом.
— То есть ты хочешь сказать, что двести лет назад существовал человек, который мыслит так же, как и я?

— Да, ваш багаж знаний и опыта различен, но ход мышления подобен.
Наконец Майкл выключил пулемёт вопросов и задумался по-настоящему.

— И это несмотря на весь прогресс в культуре? То есть, за двести лет ничего не изменилось?
— Не изменилось. И не только двести лет, но и тысячу.

На лице Майкла появилось притворное удивление.

— Даже тысячу?! Хорошо! А когда ты встретил человека, похожего на меня, в первый раз?

— Ну если не учитывать пуфики, думаю, очень давно.

«Если не учитывать пуфики», — запомнил Майкл. Он не понял, что это значило, но решил не заострять внимание. Его интересовал другой вопрос:

— Насколько давно?

— Не знаю. Я часто путаю людей с другими... людьми.

Майкл удивился на самом деле:

— Другими? Превосходно, — он пытался словить смысл фразы «другие люди» по интонации угадывая, о каких именно «людях» идёт речь, и догадка про инопланетян вызвала негодование. — Серьёзно?! Значит, существуют другие люди? Ты хотел сказать, не совсем люди?

— Именно это я и хотел сказать.

— То есть ты живёшь много лет.

— Не совсем.

Майкл разгорелся. Его мысли задёргались. Он ощутил себя следователем на допросе. И как опытный следователь он сделал паузу, чтобы понять, какие вопросы нужно задавать, чтобы вывести человека на чистую воду. Точно, вот оно. Майкл вернулся к мини-бару, чтобы наполнить новый стакан кристальной воды. Он постарался успокоиться и мыслить логически.

— Скажем, ты существуешь много лет, — он протянул гостю чистой воды.

— Верно, — Ал принял стакан, выражая кивком благодарность.

Майкл попытался найти микровыражения, чтобы определить признаки лжи в словах человека, но лицо было ровным.

— И как много? Сто, тысячу? — хозяин всматривался в мелкие морщинки вокруг голубых глаз.

Гость отвёл взгляд в сторону, что означало попытку вспомнить и косвенно указывало на намерение сказать правду:

— Можно сказать «всегда».

— Всегда?! — в одном вздохе Майкла выразились чувства удивления, негодования и восхищения.

— Это слово в твоей культуре лучше всего выражает смысл, который я бы хотел передать, — сказал Ал серьёзным голосом.

Майклу нужно было время, чтобы обдумать суть сказанного. Не стесняясь, он принялся рассуждать вслух:

— Как бы всегда — значит, либо с начала существования всего, либо с начала существования Земли, либо... с тех пор как существуют люди?

— С самого начала.

— Существования всего?

— Того, что ты называешь словом «всего».

— Вселенной?

— Можно сказать и так, — Ал небрежно качнул головой.

Майкл попытался вспомнить способы выявления шизофрении. Нужно было найти явные парадоксы в мышлении или расхождения с реальностью. Для этого следовало составить цельную картину.

— Значит ты живёшь с начала вселенной?

— Существую...

— Между словом жить и существовать есть разница? — уточнил Майкл.

— Есть. Значительная. — Ответил Ал. — Сейчас я живу. А вообще существую.

— Что это значит?

Ал остановился прямо напротив Майкла:

— Когда ты придумываешь идею — она оживает. Она волнует, — Ал показал рукой волну, — переполняет восторгом, влияет на твои мысли и поступки. Если что-то влияет — значит оно живёт.

Майкл немного смутился. Попятился назад, напряг память. И с негодованием воскликнул:

— Что это за новое определение жизни?! Если что-то влияет, то оно живёт? Да всё влияет! Но не всё живёт. Умершие люди тоже влияют на нас, волнуют воображение, но они не живы.

Ал приблизился и подтвердил:

— Вирусы тоже влияют, но они не живы. Это потому, что человек провёл условную черту между мёртвыми и живыми. Мёртвые порой влияют на наши поступки, но весьма ограниченно. Их сила похожа на силу вируса. Каждый человек оставляет свой след в памяти и поэтому никогда не умирает для общества людей. Все помнят законы Ньютона, но мало кто уже помнит, каким был этот человек, чего он хотел, боялся или желал. Его страсти ушли и больше не властны над вашими судьбами.

Майкл перебил:

— Красивая аналогия, не спору! Но далеко не все люди оставляют СВОЙ след.

— Правильно, — согласился Ал, — вообще никто не оставляет СВОЙ след.

— Как это? — удивился Майкл.

— Люди ступают чужим следам, делая их глубже. Поэтому никакой их шаг не пропадает бесследно. Поступки существуют намного дольше, чем кажется.

Майкл медленно попятился, пока его спина не упёрлась в стену. Он хотел отойти подальше, словно мыслям требовался дополнительный простор. Он никогда не задумывался над тем, как люди оставляют следы. Идея о том, что последствия складываются, никогда не приходила Майклу в голову.

— Видишь, — Ал показал пальцем прямо на Майкла, — эта идея заставляет сердце биться чаще, ты возбуждён и ощущаешь, что твоя жизнь изменилась, как только ты почувствовал красоту идеи. Разве она не живая?

— Хм! — Майкл фыркнул и постарался вспомнить критерии жизни из биологии: — Разве идеи эволюционируют? Размножаются?

— Конечно, — подтвердил Ал, — они изменяются, переходят от человека к человеку, живут и умирают вместе со своими хозяевами. Они живут в людях, а существуют на страницах книг и в цифровых носителях. В этом разница.

Майкл постарался подытожить:

— Выходит, если ни на что не влияешь, то — существуешь. А если влияешь — значит, живёшь?

В этот самый момент послышался звук перетаскиваемого железа. Майкл вздрогнул. Ал поднял голову вверх и сделал несколько шагов, словно что-то рассматривал на потолке.

— Ты не заходил в гости к соседке? — Ал внезапно рассмеялся.

Майкл покачал головой.

— Поэтому и гремит, — объяснил Ал.

Майкл хмыкнул:

— Как это связано?

— Почему бы тебе не узнать самому?

— Там живёт женщина пожилых лет, и у меня нет причин мешать ей.

Ал вдруг сделался серьёзным:

— Этот парадокс раздражает даже меня.

— Какой парадокс? — насторожился Майкл.

— Потребность внимания и страх беспокойства.

Майкл пожал плечами. Сейчас он думал совсем о другом.

* * *

После митинга коллеги принялись уговаривать Майкла не отменять намеченный вечер. И хотя Майкл не собирался соглашаться, Ал легко переубедил его.

Гости расположились в знакомой комнате. Раскладной овальный стол на паучьих ножках обычно предназначался для настольных игр типа Каркассон. Стол вмещал восемь персон, обеспечивая максимальный комфорт общения. Люди могли обсуждать что-то вместе, а могли условно поделиться на две или три группы. По бокам умещалось шесть человек, а с торцевой стороны сидел Майкл. Сегодня на противоположной части стола добавился его новый знакомый Ал. По левую сторону от Майкла находились: Виктор, Мо и Нэнси, а по правую: Паоло, Рене и Рейчел.

Виктор источал жизнерадостность и счастье и выражал яркую заинтересованность сегодняшним вечером. Мо отражала его радость. Нэнси как обычно смотрела бы в противоположную от Виктора сторону, но так как теперь там находился Ал, её взгляд был уставлен вниз, а голова наклонена немного набок, словно у Иисуса на «Тайной вечере».

Паоло походил на молодого человека без определённого места жительства, с еле виднеющимся пушком на скулах, нечёткими светлыми усами и такими же светлыми глазами светло-серого стального цвета. Несмотря на отвратительный имидж, природа одарила Паоло симпатичным лицом с признаками интеллекта, которые возможно отражались в его бездонных максимально серьёзных стальных глазах. Но весь этот образ мальчика восемнадцати лет был насквозь фальшивым. Паоло намеревался отпраздновать сорокалетие, и единственное, что напоминало о его истинном возрасте, — маленькие паучьи лапки в уголках глаз, которые можно было разглядеть лишь тогда, когда он улыбался. Но Паоло не улыбался. Почти никогда.

Загадочный дар природы позволял ему врать на свиданиях, выдавая себя за молодого недалёкого человека, играть роль подростка, погружённого в нуар, бессмысленного, мрачного и пустого, словно камера-обскура. И лишь немногие, в том числе Майкл, знали его с другой стороны: иногда неприятного, колкого, едкого, но интересного и небанального человека.

Паоло всегда сидел напротив Виктора, но никогда с ним не говорил. Его собеседниками были Майкл по левую руку и Рене по правую. Рене был самым старшим в этой компании и наиболее раскрепощённым в поведении. Он не излучал бесконечную радость, скорее лучи иронии и сарказма, но делал это особым благодушием, чем вызывал симпатию.

Рейчел блистала свежим каре. Этим вечером она собиралась совсем на другую вечеринку, но, учитывая всю пикантность ситуации, — напросилась. Она была в отличных отношениях с Майклом, и ещё у Рейчел имелась тайная миссия. Суть миссии заключалась в пропаганде свободных отношений, а также в борьбе с пуританством. Интуиция подсказывала Рейчел, что сегодня у неё будет возможность показать себя во всей красе.

Зловещая тишина настигла тайное собрание, когда Майкл приготовил чай, а после расставил блюда со сладостями. Виктор пёстро улыбался. Мо смотрела на Виктора. Паоло следил за Майклом. Нэнси выбирала глазами: «Так, попробую сперва это, потом то, потом...». Она всегда так делала: сочиняла «походную карту» сладостей. Все сладости согласно убеждениям Нэнси должны быть доставлены в рот в порядке от «так себе» до «очень вкусно». Рейчел уверенно демонстрировала серебряную подвеску с голубым шаром из минерального стекла и выжидала. Она делала ставку на Виктора. Виктор безусловно хотел задать вопрос, его глаза говорили об этом, его руки, переставляющие чашку с места на место, говорили об этом. Да и сам Виктор, излучающий голубоватый цвет взволнованного счастья, говорил о том, что ему до боли хочется задать вопрос.

Нэнси тем временем сортировала сладости в уме. Рядом с Виктором лежала горка разноцветных макарун. Нэнси собиралась оставить их напоследок, но не так, чтобы слишком, ведь ресурс макарун слишком ограниченный, чтобы оставлять их другим. Напротив Мо стояли конфеты в форме сердца, переливающиеся словно драгоценности благодаря необычной блестящей поверхности. В центре блюда была выложена пирамидка из продолговатых шоколадных конфет с алкогольной начинкой, а внизу словно древние камни были разбросаны трюфели, обсыпанные какао-порошком. Нэнси улыбнулась им голодной улыбкой, заговорщицки прищурила глаз и потянулась шаловливыми пальчиками. Кусь!

Виктор задал первый вопрос Алу:

— Так всё-таки, чем же вам понравился наш Майкл?

Слово наш было произнесено с таким интересным оттенком, словно Майкл приходился Виктору сыном или рабом. Уловить тонкую грань между этими двумя понятиями в голосе Виктора было сложно.

Нэнси томно зашлёпала челюстями, впиваясь в тело шоколадного трюфеля: «Чмок, Чмок».

Между тем Ал ничуть не смутился, доброжелательно взглянул на Майкла и, сделав руками небольшой жест, как бы намекающий: «что тут может быть не понятно», ответил:

— Красотой.

Вик рассмеялся:

— Да, да, конечно! Никто и не спорил, Майкл у нас красавец, — снова это необычное «у нас». — Но кроме?

Нэнси потянулась за прямоугольной конфетой из шоколада, покрытой тонкими струйками цветной карамели. Потом посмотрела направо, налево, согласно правилам дорожного движения, и, не обнаружив никаких противопоказаний, сделала «Кусь»!

Было заметно, как Ал неприятно смутился:

— Вы меня не поняли. Я говорю о внутренней красоте.

Паоло повёл бровями, слегка вытянул губы. Рене заговорщицки улыбнулся в сторону Паоло.

Виктор снова пёстро засмеялся:

— Да, да, но как же! Вы же едва знакомы! Разве можно за столь короткий срок что-то узнать о характере человека?

Рейчел интеллигентно без шума и пыли помешивала воображаемый сахар изящной ложечкой. На миг она остановилась, кинула взгляд на Нэнси, которая уже мысленно пыталась ограбить башню с красными сердцами, и вопросительно посмотрела на Ала.

Ал также уловил сигналы Нэнси, и подвинув сердца к ней, ответил:

— Я говорил не о характере, а о красоте идеи.

Нэнси поблагодарила Ала кивком головы и стащила красное сердце: «Кусь!»

Смех Виктора внезапно прервался. Он повернулся к Майклу и спросил у него:

— Майкл, у тебя появилась новая идея? Это было бы очень кстати в нашей ситуации, — слова «в нашей ситуации» имели тот же неповторимый оттенок, что и «наш Майкл».

Майкл помотал головой, но Ал ответил за него:

— Он ещё не осознал. Но уже думает о ней, и она прекрасна.

Мистическая тишина подкралась к присутствующим. Нэнси набиралась наглости попросить Мо, чтобы та подвинула блюдо с макарунами.

Виктор чувствовал, что всё идёт по плану:

— То есть, вы знаете, какая идея придёт Майклу в голову. Отчего же вы не скажете ему? Или хотя бы не намекнёте?!

Нэнси вежливо коснулась рукава Мо: «Мо, макаруны, — означали её жесты. — Макаруны!».

Ал ответил без тени юмора в голосе, при этом повернувшись лицом к Паоло, забавно прищурил глаз:

— Разве родители могли знать, каким мужчиной станет мальчик, который любил ломать игрушки?

Виктор широко улыбнулся и, взмахивая руками, произнёс:

— Ах! Именно я был таким мальчиком!

— Совершенно верно, — подтвердила Мо, протягивая макарун для Нэнси.

— Но как можно оценить красоту идеи, если вы не знаете её? — не унимался Виктор.

— Да, да, — подтвердила Мо.

— Очевидно, речь идёт об имплицитном знании вне вербального выражения, — сказал голос напротив Виктора.

Источником неряшливого на вкус детского, но уверенного голоса был Паоло.

— Вы в этом что-то понимаете, Паоло? — спросил Виктор.

Паоло ничего не ответил, а лишь бросил взгляд в сторону Ала.

— Правда, — ответил Ал Виктору, — понимание и красота связаны.

Ал сделал театральную паузу:

— Даже больше, эти слова означают одно и то же. Если ты способен чувствовать красоту, значит понимаешь её. Но в то же время мало кто способен словами объяснить рассвет или закат, звёздное небо, узоры листьев и паутины, звуков мелодии.

— О! Я с вами совершенно согласен! — просиял Виктор, — Но я бы сказал, что никто не способен объяснить красоту!

— Неправда. Листья, деревья, паутина, кровеносные сосуды — всё это фракталы, — перебил детский голос Паоло.

Ал улыбнулся:

— Объяснить можно, но чувство красоты возникает раньше объяснения.

Гости оживились. Было заметно, что их внимание включилось в работу, и если до сих пор большей части компании было всё равно, то сейчас каждое ухо приоткрылось. Паоло следил за Алом, Рене за Паоло, Мо за Виктором, Рейчел за Нэнси, а Нэнси за макарунами. На Майкла никто не обращал внимания, кроме Ала.

Виктор нагнетал темп:

— Но как возможно видеть идею? Вы умеете читать мысли?

— Нет, не умею, — ответил Ал.

— Что же имеется ввиду? — пёстро улыбался Виктор.

Ал выдержал паузу, во время которой подбирал слова:

— Есть такая пословица: рыбак рыбака.

Виктор искренне развёл руками:

— И что это значит?

На лице Паоло лишь промелькнула тень скрытой улыбки:

— Разве не ясно, это значит, что он и есть идея, — тихо сказал Паоло.

За столом воцарилась тишина, которую прервал уверенный голос Рейчел:

— Мемра, Маамар, Логос, Слово — творческое начало Бога. Вы бы знали это, если бы увлекались историей, — она удовлетворённо осмотрела Ала, который молча кивнул ей. — Если упростить, всё это можно назвать идеей. Значит, если Бог существует, то в первую очередь он должен быть не столько человеком, сколько идеей. Разве это не было бы самым логичным?

— Верно, — серьёзным тоном произнёс Ал. Майкл сидел в оцепенении.

— Какое удивительное совпадение! — Рейчел пристально посмотрела в глаза Майклу. Майкл молчал, в то время как Виктор собирался с силами, чтобы сложить воедино копьё слов:

— Выходит, вы и есть Бог? — спросил он, подразумевая абсурдность этого вопроса, всматриваясь в окружающих, желая обнаружить поддержку.

Ал ответил ровным тоном:

— Мемра, Логос, — эти слова мне ближе, — он посмотрел на Майкла. — Слово «Бог» в человеческом языке меньше всего вызывает понимание. Оно сродни крику, обценной лексике без смысла. Сильная эмоция и при этом эмоция на мой взгляд пошлая и даже грязная.

— Даже так?! — с неподдельным удивлением звучал голос Виктора.

— В это сложно поверить, — сказала Мо.

— Слово «Бог» — означает создатель всего сущего, — добавил Виктор.

— Совершенно верно, — подтвердила Мо.

— И это ужасно пошлая мысль: создатель всего, словно всё могло не существовать, а Бог — мог. Виктор не унимался:

— Но вы же видите красоту в идеях, значит, не все идеи прекрасны?

Ал отрицательно покачал головой:

— Не все мысли — идеи. Некоторые похожи на идеи, кажутся идеями, но не есть идеи.

Рейчел отодвинула чашку и включилась в разговор:

— Кажется, я понимаю. Вы не создавали вселенную из ничего, вы её выдумали.

— Точнее, открыл, — поправил Ал.

— Наподобие того, как люди открывают идеи?

— Да, наподобие этого, — согласился он.

— Это многое объясняет, — проговорила Рейчел в полутоне от шёпота.

— Неужели вы собираетесь поверить в это? — возмутился Виктор.

— Абсолютно согласна, — подтвердила Мо.

Виктор не стал сдерживаться на этот раз:

— Майкл — завидный жених, любит необычных людей. И тут появляетесь вы, загадочный гость, который изображает всевышнее существо. Хороша уловка!

Виктор надеялся поразить незнакомца в самое сердце, вызывая удивление, сожаление и в конце концов страх, но ни одна из этих эмоций не посетила Ала, он лишь задумчиво сказал:

— Почему люди склонны обвинять других в том, что любят совершать сами?

Собравшиеся посмотрели в сторону Ала.

— Например, вы, Виктор, дружите с человеком лишь потому, что он всегда готов поддержать ваше мнение. Разве это не способ изображать Бога?

Глаза устремились в сторону Виктора, который, казалось, пытался подобрать слова. Мо смотрела на него с нотками страха и негодования. Виктор прыснул:

— Ну! Вы слышали? Вы слышали?!

Паоло улыбнулся, Рейчел вежливо скрыла ухмылку, и в результате никто ничего не сказал. Виктор возмущённо схватил тарелку с макаронами и поставил её рядом с Нэнси:

— Какой позор! — крикнул он вслед макаронам, судьба которых заключалась в том, чтобы исчезнуть в пасти у Нэнси.

— Позор! — повторила тихим голосом Мо.

— Позор! — ещё раз бросил слово в окружающих Виктор.

— Позор! — повторила чуть громче Мо.

На последней ноте раздался раздражающий «Кузь» Нэнси, за которым скрылись реплики Виктора и его верной спутницы Мо.

Воцарилась продолжительная пауза, прерываемая лишь отдельными «Кузь» Нэнси. Закончив макарун сиреневого цвета с начинкой из лаванды и маскарпоне, она вдруг неожиданно заявила о своём присутствии.

— Скажите пожалуйста, — робко начала Нэнси, — а вы творите чудеса?

— Иначе не могло бы и быть, — с улыбкой ответил Ал, — Мир требует чудес точно так же, как человек — сладкого.

Нэнси улыбнулась в ответ:

— А покажите чудо?

Ал кивнул и принялся неспешно рассказывать. Гости слушали.

* * *

Из двадцати семи миль жилых районов — этот один из немногих, где суматоха города притворно замирает. Зелёные деревья, большие лужайки и даже одинокий фонтан, только пения птиц не слышно. За окном шумное нечто: уже не мегаполис, но ещё не живое дыхание природы.

Единственный источник шума, который выдаёт людей, находится по направлению лежащих ног. Матовые стеклянные двери, создающие иллюзию пространства и приватности, глушат шаги из ординаторской по коридору к пристанищам, которые, возможно, окажутся последними.

Эти шаги по коридорам уныния, безразличия, обречённости и предрежённости — единственное напоминание о том, что рядом есть люди. И это единственный способ понять, что ты ещё жив.

А Тони был ещё жив. Он прислушивался, чтобы убедиться в этом. Ничего другого ему не оставалось. На прошлой неделе Тони решил скосить траву. Но не газонокосилкой, а самой настоящей косой, чего не делал уже многие годы. Всё из-за этих ужасных соседей. Ничего другого ему не оставалось.

Лет двадцать назад он закончил блистательную карьеру менеджера. Управлял людьми, которые его боготворили, людьми, которые его уважали, людьми, которые его боялись, ненавидели, и даже людьми, которые его любили, он тоже управлял. Без сомнения, Тони управлял и управлялся со всем, что ему попало под руку. Ничего другого ему не оставалось.

Спросите Тони: «Что они с тобой сделали, друг?». Скажите ему: «Как же дошло до того, что ты пересел с управления на газонокосилку?». Тони не помнит и не знает, но ответит: «Дружище, посмотри, как мало травы осталось. Я работаю с семи утра и до шести вечера. И мне приходится косить одни и те же участки снова и снова. Это адская работа дружок, делать вид, что трава не скошена. Но я так просто не сдамся! Верь мне». Ничего другого ему не оставалось.

И Тони так просто не сдавался. Он выдержал все скандалы с соседями, жалующимися на звук газонокосилки, он справился с настырной дочерью, которая хотела, чтобы Тони переехал жить к ней. И он не сдался даже тогда, когда злые руки маргиналов ночью схватили несчастную газонокосилку, чтобы перерезать все кабели-жилы и внутренние механизмы-органы.

Утром он склонился над бездыханным телом механизма с бензиновым сердцем и отдал честь. Конечно, Тони понимал, что газонокосилка не могла позвать на помощь. Он простил ей все прегрешения явные и не явные и отправился в сарай, где стояла ржавая коса. Ничего другого ему не оставалось.

Энни позвонила за два часа до того, как её рабочий день обещал закончиться. «Ваш отец лежит на газоне», — сказал шершавый голос. Энни неприветливо положила трубку, сжала губы и, отпросившись у Гевора, поехала к отцу. После того как отца увезли в госпиталь, она занесла занозу в палец, затаскивая косу в сарай. Энни смачно выругалась и заплакала. Рядом не было никого, кто бы мог сказать: «Энни, Энни, ну это же просто заноза». Энни бы ответила, что плачет из-за другой занозы, но кроме ржавой косы рядом никого не оказалось.

Её детство прошло под ярким сиянием дней рождений, которые она ненавидела пуще прочих дней года. В эти дни она была обязана вести себя как ребёнок-образец, носить красивые платья, которые нравились её отцу, не ругаться с мамой, не звать мальчиков «дебил». И если бы в году было два дня рождения, то Энни бы охотно предпочла повеситься в обнимку с «Hello Kitty». Никого кроме мягкой игрушки рядом не оказалось.

«Дэбииил», — произнесла она вслух показывая пальцем на Курта, который только что пытался съесть пирожное без помощи рук. Заглотив половину пирожного, Курт опрокинул голову, желая, чтобы оно пропихнулось в желудок под собственным весом, но челюсти непроизвольно закрылись, и заварной крем растёкся по детскому лицу. Курт смешно выглядел, а, главное, Энни завидовала ему, испытывая неподдельную симпатию: «Вот если бы мне можно было делать такие глупости», — думала она, но знала, что общество обвинит её в аморальности, и поэтому делала вид, что осуждает Курта.

—Дэбииил, — повторила она, тыча на мальчика пальцем. Курт злобно показал язык в ответ, отчего его лицо стало ещё смешнее. Энни захихикала и побежала как нашкодивший ребёнок, словно это она подговорила Курта, словно она измазала ему лицо кремом. В глубине души Энни так и считала, что мужчины созданы богом, чтобы совершать безумные поступки, которые приходили ей в голову.

Не удивляет первая влюблённость в парня, который нахамил учительнице истории и тем самым вызвал восторг у Энни. К тому моменту ей исполнилось четырнадцать, и она научилась не произносить слово «дебил» вслух, когда испытывала симпатию к мальчикам. Теперь она загадочно улыбалась.

А если бы Энни призналась в причине, по которой решила выйти за Дэна, её бы не понял никто. Кажется, она и сама забыла, как это произошло. Никого кроме Дэна рядом не оказалось.

Дэн, наверное, был неплохой молодой человек. Немного не в её стиле, немного мямля, немного нерешительный. Но Энни выбрала его, потому что отец требовал быть благочестивой. Он говорил ей, что женщина в её возрасте (ей исполнилось почти двадцать пять), у которой есть образование, должна иметь серьёзные отношения с мужчиной. Отец произносил: «благочестивые отношения». Именно так.

А Дэн подвернулся под руку. И, конечно, он не был похож на Курта или тех парней, которых Энни нравилось называть «дебилами». Но Дэн постоянно крутился рядом и почти всегда со всем соглашался, чем ужасно раздражал. Позже под звуки труб развода она признается: «Мне нравится, когда считаются с моим мнением, Дэн. Но если бы ты узнал меня лучше, то понял бы, что оно не моё». Дэн с негодованием развёл руками: «Чёрт возьми, а чьё?!». Энни подумала об отце, но не ответила. Ничего, кроме чужого мнения, рядом не оказалось.

Когда Дэн только появился в их родовом гнезде, в настоящем смокинге с причёской, ухоженный, как это надлежит всем мужчинам в роду Энни, он, к удивлению, очень понравился отцу. Это было странно, ведь отец обычно реагировал на людей мужского пола, которые нравились Энни, оценкой «дебил». Но в отличие от дочери он никогда не произносил это слово публично и вкладывал в него совершенно иной смысл.

«Ты видела этого дебила, Курта? — слышались слова отца из-за угла, предназначенные только для ушей матери Энни, — этот дурак ел эклер и размазал половину крема по лицу, бегал как угорелый, а после своей свинячей рожей упал прямо на платье жены Дугласа». Энни показалось, что в словосочетании «платье, жена и Дуглас» и платье и жена принадлежали Дугласу безраздельно: именно так голос отца расставлял смысловые акценты. А истинный ущерб был нанесён вовсе не платью или жене, а Дугласу, которого даже не было в тот вечер.

Когда Энни оказалась с отцом на кухне с глазу на глаз, он торжественно заявил: «Этот Дэн, он достаточно благочестивый молодой человек, Энни. Ты меня приятно удивила». Кажется, это должно было стать похвалой. Но слова были произнесены с такой необычной интонацией, что Энни невольно ощутила себя падшей женщиной.

Пока Энни и отец стояли на кухне, Дэн наконец успел совершить свою первую глупость: он немного выпил. Алкоголь не только не ухудшил его моральный облик, он даже усилил степень благочестивости, сделав Дэна решительнее. Поэтому, когда отец полушутя, полусерьёзно, спросил о видах на дочь, Дэн, промотав какие-то шаблонные слова, неожиданно сказал, что готов жениться. Десертная вилка Энни с грохотом упала на блюдце.

Перед сном отец постучался в спальню и присев на кровать тихо сказал: «Конечно, Дэн хороший парень, и он мне нравится. Я был бы удовлетворён, если бы всё закончилось свадьбой, и твоя мать тоже не против. Но, я думаю о твоём счастье, Энни. Понимаешь?».

С этими словами он взял её за руку и поставил точку: «Ты должна понимать, он тебе не пара».

Если бы в руке Энни была другая десертная вилка, она бы бросила её со всей дури на пол, чтобы присутствующие могли оценить степень негодования. Но в её руке находилась рука отца, и Энни ничего не могла сделать, кроме одного: выйти замуж за Дэна.

Ни секунды Энни не сомневалась в ошибочности действий, но тогда она бы сказала: «У меня не было выбора». Был ли выбор у Дэна, который стал послушной фигурой на шахматной доске отца,

Энни не знала, но иногда ей хотелось проткнуть первого мужа десертной вилкой в отместку за послушание. Очевидно, у них не было шансов, а их лучшим днём стал день развода.

Развод показался Энни первым разумным шагом в её жизни, и она немедленно совершила второй: переехала подальше от отца. Были ли другие её решения верными или нет, сказать сложно, но по крайней мере они стали принадлежать ей самой. Никого рядом, чтобы оценить верность решений, не оказалось.

После того, как дочь уехала строить личную жизнь, личная жизнь Тони пошла наперекосяк. Или может быть всё дело в том, что Тони стал замечать, как они проводят время с женой? Тони открыл конфликт, нанял детектива, познакомился с любовником жены, оплатил услуги его дантиста и благополучно послал куда подальше семейные проблемы. Никого другого ему не оставалось.

* * *

Теперь Тони прислушивался к шагам, чтобы ощутить себя живым. Шаги замедлились, раздаваясь всё ближе и ближе. У его кровати оказалась женщина преклонных лет. Если бы мог, Тони подпрыгнул бы от неожиданности. Он даже не услышал, как дверь открылась, и ему на какой-то миг показалось, что перед ним присела смерть.

Женщина помотала головой и с улыбкой сказала: «Ну какая же я смерть». Тони подумал о том, что всё это ему приснилось, но улыбнулся в ответ левой половиной лица. «Ничего другого тебе не оставалось, да?» — спросила женщина, похожая на смерть. Тони вспомнил о том, как вчера к нему пришла Энни. О том, как именно она пришла. Формально пришла, формально села рядом с ним, формально смотрела ему в глаза, формально покинула его, словно они вовсе и не были знакомы. Улыбка сбежала с половины его лица.

Женщина внимательно заглянула ему в глаза. «Нет, тебя это не беспокоит. Ты весь целиком сидишь в этих мыслях. Можно сказать, что вся твоя жизнь только и осталась в них. Так бывает, Тони. Так бывает, когда пытаешься все мысли и чувства поместить в газонокосилку, а потом кто-то ломает её и ты ломаешься вместе с ней».

Тони кивнул. Он ощутил, как тёплая рука, похожая чем-то на руку его бывшей жены, сомкнула ту его ладонь, которая всё ещё была способна быть ладонью. «Нет, это вовсе не смерть», — подумал Тони. «Да, ты прав, — ответила женщина. — Смерть уже была и сделала своё дело. Никто во всей вселенной не в силах починить газонокосилку, — она сжала его за руку. — Но последнее слово может остаться за нами, как тебе такое, Тони? — и добавила: — Услуга за услугу». Тони бы сказал, что ничего другого ему не оставалось, но в этот раз он и сам был непротив.

Утром Энни раздражённо заметила свежее письмо, ожидая что-то неприятное, она удивилась, когда развернула конверт. Ещё больше удивилась, перечитав дату отправления на штампе. Письмо было отправлено как раз в тот самый день, когда газонокосилка сломалась, и за день до того, как сломался Тони. Она с волнением перечитала письмо. Потом снова. Потом позвонила Гевору, чтобы предупредить по работе, позвонила Дэну, попросила прощения, и поехала к отцу. Через три часа она сидела на том же месте, где ещё вчера была женщина, похожая на смерть, и точно так же сжимала здоровую руку Тони. Тони молчал, но Энни уже слышала от него всё, о чём только мечтала.

«Энни. Следовало бы начать это письмо так. Дорогая Энни, я осознаю, сколько боли и неприятностей доставил тебе. Но это не было бы правдой. На самом деле, Энни, я не осознаю сколько боли и неприятностей доставил, и мне страшно об этом думать».

Я хочу рассказать тебе, почему тобой горжусь. Уверен, ты этого не знаешь. И если я просто скажу: «Я тобой горжусь», — не поверишь.

Всё началось очень давно. Моя бабушка Эллис — твоя прабабушка была вторым ребёнком в семье. У Эллис был старший брат: спортсмен, красавец, самый популярный парень в школе и любимчик семьи. И вот однажды Эллис пришла к родителям и рассказала им о том, что якобы старший брат её изнасиловал. Родители не поверили ей, а несколькими годами позже её брата посадили за изнасилование одноклассницы. Больше к этому вопросу никто не возвращался.

Эллис выросла, стала прекрасной женщиной, но в глубине души желала отомстить родителям за недоверие. Она решила доказать им и самой себе, что является плохим человеком, поэтому вела неблагочестивый образ жизни. Эллис выбирала мужчин одного за другим, захватывала их, пользовалась и бросала, веря в то, что таким образом у неё есть над ними власть.

На этом её жизнь могла бы завершиться, пока она не встретила именно того парня, который полюбил её по-настоящему и не хотел бросать. Так на свет появилась моя мама, Роуз. Но несмотря на то, что мой дедушка любил Эллис, и возможно Эллис была не безразлична к нему, их отношения оказались настоящим адом, в котором и росла Роуз.

Наверное, Роуз, моя мать, показалась тебе кроткой женщиной. Но это была лишь маска девочки, которая привыкла жить в семье, где отец и мать ненавидят друг друга. Роуз знала обо мне всё, что я делаю не так, что я делаю так. Она следила за каждым шагом, и очень скоро я понял, что наказаний за ошибки мне не избежать, что мир состоит из боли и огорчений, если ты не косишь свою траву, которая всегда нескошенная.

Я не обвиняю свою мать. Ничего другого ей не оставалось. Но у меня был шанс сломать это, ведь я как никто другой знал, насколько ужасно жить в семье, где с тобой обращаются как с газонокосилкой, где думают, что ты газонокосилка, и любят тебя как газонокосилку.

Мне стыдно, что я не справился, Энни. Я не справился. Но у тебя получилось. И поэтому я тобой горжусь. Ты сейчас поймёшь почему.

Помнишь тот день, когда вы пришли с Дэном? Я и правда подумал, что он отличный парень, но я понял, что ты привела его только для того, чтобы быть мне хорошей газонокосилкой-дочерью. А я как хороший отец-газонокосилка не мог допустить, чтобы моя дочь вышла не по любви, ведь я и сам женился на женщине-газонокосилке.

Я знаю, ты считаешь свой первый брак ошибкой. Но это было твоим первым решением на пути, чтобы сломать проклятие, которое несёт наша семья уже много лет. И пусть это было неидеальным решением, я знаю как много усилий потребовалось, чтобы его совершить.

Поэтому я горжусь тобой, Энни. И когда у тебя появятся дети, а они появятся, Энни, они родятся свободными от ошибок прошлого.

Попроси за меня прощения у Дэна.

Люблю тебя, твой отец».

Когда в палату вбежал Дэн, Энни сидела в слезах, держась за руку отца. Впервые за много лет она по-настоящему улыбнулась. Все её ошибки и невзгоды показались маленькими и незначительными перед огромным будущим, а рядом оказались те, кого так не хватало.

Тони посмотрел на Дэна, потом на Энни и закрыл глаза. Ничего другого ему не оставалось, а теперь и не требовалось.

* * *

История Ала тронула присутствующих, каждый задумался о своём. Нэнси высказала мнение, что, если бы их фирма разработала программное обеспечение, которое бы присылало людям письма с

тайными мыслями и секретами, возможно, мир изменился бы к лучшему. «Или самоуничтожился», — зло пошутила в ответ Рейчел.

Идея с письмом, которое рассказывает обо всём, пришлось по вкусу и Майклу, который обдумывал его возможное содержание для Джимми. Перед сном он увидел его фото. Джимми держал в руках бокал с чаем вместо вина и сидел спиной на веранде, где за домами уходил закат. Майкл подумал: «Что я должен написать ему, чтобы он разлюбил меня? Или наоборот: Что я должен написать ему, чтобы я полюбил его? Или: Что он мог бы написать мне, чтобы я полюбил его?».

Майкл уселся на кровать, протёр глаза, и, заметив, что Ал не спит, спросил:

— Что такое любовь?

— Считаешь, что мне это известно? — ответил вопросом на вопрос гость.

— А разве, когда ты создавал вселенную, то есть, открывал вселенную, ты не продумывал такие штуки?

Ал покачал головой.

— Любовь — это не что-то одно, поэтому её нельзя было бы придумать или изобрести, — ответил он.

— Ах вот как... — задумчиво проговорил Майкл. Если бы Ал ответил как-то иначе, Майкл мог бы вздохнуть спокойно и сказать себе, что наконец раскрыл розыгрыш. Но ответ гостя не противоречил текущим знаниям человечества о любви как о составном явлении.

Некоторые зоны мозга Майкл помнил наизусть: M51P03, H88R340. Эти две точки обеспечивали целостность образа любимого человека, словно центры пересечения автострад. Они вызывали чувство спокойствия и непостижимой правильности бытия. Майкл называл это ощущение «чувством созидательной красоты». Именно оно просыпалось в нём, когда он смотрел на Ала. Чувство правильности бытия, совершенства событий, верности пути, гармонии мироздания. И именно этих ощущений ему не хватало с Джимми, хотя Z346I32, которая отвечала за родительское чувство, и O83, что заведовала эмпатией, активировались рядом именно с Джимми.

«Почему люди не птицы?» — спрашивал какой-то писатель, и вряд ли догадывался, насколько люди превзошли птиц в замысловатых мурмурациях, пронизывающих дорожные переходы, магазины, улицы, пути от работы до дома. Люди как потоки крови, омывающие землю. Люди как потоки грязи, скользящие через пороги и двери. Люди как слухи и сплетни. Люди как люди.

Майкл шёл мимо дома с круглыми окнами, в которых рамы походили на растекающиеся часы Дали. Он остановился, чтобы рассмотреть бирюзовые кривые окна, которые умело играли в пинг-понг с лучами солнца, потом опустил голову и вернулся к мыслям про Джимми. Рядом проползла машина-уборщик с большими фарами-глазами и щётками-усами. На какой-то миг Майклу показалось, что машина — это Сальвадор Дали и он подмигивает ему. Где-то за лесом кварталов виднелся гигантский небоскрёб Амор Мунди. Майкл поморщился.

Воспоминания отнесли его в самое жерло исполинского здания, сотканного из шести ног-башен, каждая из которых была немного наклонена словно Пизанская башня, и отбрасывала тень на город.

«Амор Мунди» — так назывался комплекс отелей, кафе, ресторанов и заведений для знакомств и любви, куда стекались все жаждущие жители города, чтобы провести свой досуг. Здесь были самые разные форматы встреч и взаимодействий, свойственных для рода человеческого. В этом люди превосходили птиц и животных. А ещё люди были единственным видом на планете, который стыдился любви. Человеческие мурмурации. Вот каким было это место, местом сосредоточения людских желаний.

Майкл имел VIP-доступ в Амор Мунди как друга сына хозяина CommuniCat. Ему были доступны не только пустынные номера пяти отелей, но и LoveCage (клетка любви) — особой комнаты, находившейся на самом верхнем этаже башен.

CommuniCat была на вершине капитализации, продавая десятки приложений и сервисов, адаптированных под самые разные аспекты человеческих мурмураций: от свиданий до выбора букета цветов или места отдыха. Поговаривали, что роль CommuniCat куда больше, и она не только поддерживает алгоритмы поведения людей, но и задаёт их. Ответить на этот вопрос мог бы разве что Майкл, изучавший новую теорию информации Вольперта и рисовавший свои закономерности на картине социальных шаблонов взаимодействий. Но даже Майкл не был готов ответить. С одной стороны он был согласен с тем, что существование CommuniCat влияло на поведение человечества, с другой стороны не было никаких значимых фактов такого влияния.

Это положение вещей обещал изменить самый амбициозный проект CommuniCat, который должен был обеспечить людей запланированной любовью. Майкл был уверен, что новая технология обесценивала бы старинное «чувство», доведя его до серой банальности. Как только поиск потенциального любимого человека превратится в выверенный акт, более не останется причин хранить и лелеять любовь. Образуется эффект спекуляции, люди станут искать новые ценности. Но Майкл не намеревался спасать мир, всё, чего хотел он — это спасти себя.

Его путь в CommuniCat начался очень давно, но значимое событие произошло лишь несколько лет назад, когда через Паоло Майкл познакомился с очень экспрессивным молодым человеком. Сложно сказать, что именно поразило Майкла больше всего: комната LoveCage, неограниченный поток обценной лексики или радикальный нигилистический взгляд нового знакомого.

Когда Паоло показал Майклу новенький прибор для транскраниального анализа и стимуляции, стоящий несколько тысяч зарплат лучших из лучших, и пригласил отправиться в Амор Мунди, у Майкла не было ни шанса отказаться. Именно тогда он и услышал это пафосное, переполненное вековым налётом элитаризма, как сыр с голубой плесенью, имя Чарльз. Майкл живо вообразил человека с именем Чарльз, и тем больше он был удивлён после знакомства с реальным носителем имени.

Человек с именем Чарльз несколько не отражал звучания букв, складывающихся в древнее слово. Это была крайне неприятная, противоречивая и матерящаяся всеми возможными ругательствами сущность с двумя руками, ногами и одним очень острым языком. Над левым глазом ругательной сущности виднелся старый шрам, который как бы произносил: «Я — человек-неприятность-Чарльз», «Я — навязчивое-беспокойство-игла-Чарльз», «Я сидящее-у-тебя-в-печёнках-лезвие-Чарльз».

«Аааа, это вы злой-гений-король-IT-задротов, что пишет эти навязчивые х*ни?!» — воскликнул «Чарльз-неприветливое-матерное-слово», искренне улыбаясь. Он не только не извинился за свои слова, но и не подал даже малой надежды, что его совесть как-то смутилась от мысли о недопустимости подобного поведения. Возможно, именно этим он и понравился Майклу.

Чарльз был первым человеком, который не стеснялся в выражениях крошил и бил современный мир. Он разбивал осколки из неудобных вопросов и вдавливал их в кожу комфорта современных обывателей. И хотя кажется он был в одной тюрьме с остальными, но в своём протесте был свободнее других, чем вызывал уважение.

В тот вечер Чарльз натянул на голову Майклу транскраниальный сканер высокой разрешающей способности, подключил его к терминалу суперкомпьютера Амор Мунди и начал любоваться шаловливыми огоньками тета-сегментов мозга. Показывая пальцем на фиолетовую точку голограммы активности, он смачно выругался всеми известными словами, которые выстрелили из

него вместе с потоком эмоций, после чего добавил: «Осторожнее, приятель, мне нравятся женщины».

— Многие думают, — объяснял Паоло, — что ментальная карта, которую показывает КРАН — это физические участки мозга. Этот участок — для такого-то чувства, а этот — для такого. Что не верно, — он показывал Майклу светящиеся многоугольные грани указательным пальцем. — Конечно, нейроны расположены таким образом, чтобы передавать сигналы друг другу по кратчайшему пути. Это оптимизационная задача коммивояжёра, и мы правда знаем области узкой специализации типа зоны Брока или Вернике. Но это лишь первичный взгляд. Когда учёные проектировали КРАН, их задачей было создать виртуальную схему нейронных связей так, чтобы человеку было легче понимать их работу. И они называли это тета-сегментами.

Паоло объяснил, что фиолетовая зона совместно с активностью двух других областей зрительной коры указывает на эротическое внимание. Майкл пожал плечами: «Странно, но я ничего не чувствую». Чарльз похлопал его по плечу: «Ага! Как оно, подсматривать за собой через замочную скважину? А сейчас!...». Чарльз начертил рукой в воздухе треугольник, и Майкл сперва ощутил, а потом и увидел на голограмме изменения в сознании, которые отображались как несколько вспышек в области лобных долей. Он почувствовал сильное желание раздеть Чарльза. Новые вспышки в затылочной доле, которая отвечала за обработку визуальных образов, подсказывали, что Майкл видит что-то ещё, что не доступно остальным. Чарльз задорно выматерился. Паоло улыбнулся.

— Эта хрень за тонны баксов, Майк, может не только прочесть каждый нейрон в твоей килограммовой коробке с жиром, но и записать туда возбуждение. Сечёшь? — объяснил Чарльз происходящее и со свойственным ему задором влил в себя очередной стакан виски со льдом.

— Зона A30L87 может усилить осознанность сексуальных желаний, — добавил Паоло. — Сейчас в Амор Мунди используют нейропептид A30 с целевой доставкой, чтобы влиять на эту область. Говорят, это усиливает впечатления от секса, и оргазм ярче.

— Усиливает, усиливает, — подмигнул Чарльз. — Если бы не йо*ный A30, я бы всю жизнь ходил импотентом, приятель! Благодаря ему я узнал, что мне нравится. Наука иногда е*нестически полезна, мой друг, — сказал он и задорно рассмеялся.

— И в чём секрет? — спросил Майкл.

Чарльз налил в стакан синтетический алкоголь, чтобы снова выматериться.

— А ты не обосрёшься? — спросил он прямо. — Это пи*ц!!!

Майкл покачал головой.

— Паоло, брат, добавь нашему другу немного о*енности!

Паоло набрал несколько команд на терминале, и через несколько секунд Майкл почувствовал в крови закипающую решительность:

— Снимите с меня эту хрень, — необычным для себя тоном приказал он.

— О! Так намного лучше, приятель! — воскликнул Чарльз и повёл Майкла за руку в лифт.

В лифте включилась танцевальная музыка, а на стенах появилось видео. Приталенный кожаный пиджак Чарльза, выполненный в японском стиле школьной формы, отразил игру цветов, превратив своего хозяина в калейдоскоп визуальных образов. Музыка переполнила кровь Майкла, и он ощутил лёгкое ускорение кабины. Номера этажей мигали всё быстрее и быстрее, казалось, кабина вот-вот вырвется в стратосферу вместе с телами обнажённых людей, которые смотрели на героев с экранов лифта. Красный свет заполнил всё вокруг, а на потолке отобразилась надпись: LoveCage. Она увеличилась до максимума и, пролетев сквозь пассажиров,

открыла их взору сияние серебряных облаков холодного голубого и сиреневого оттенков. Двери кабины открылись, и Майкл увидел верхний этаж Амор Мунди, состоящий из одного гигантского прозрачного купола, который открывал обзор на безумный вечерний закат за границей дождевых туч, остававшихся внизу под ногами возбуждённых героев.

До этого Майкл лишь краем уха слышал про существование LoveCage, но до сих пор не подозревал о смысле этого места. Пространство столь же огромное, как и эго хозяина Амор Мунди, окружало двух маленьких людей. В центре зала прямо в воздухе парил чёрный куб. Майкл понял, что это и был LoveCage. Он подошёл к гигантскому окну и прикоснулся ладонью в том месте, где еле заметный пар облака касался стекла бестелесным щупальцем с другой стороны. Чарльз выплеснул лужицу ласковых матерных слов, чтобы описать красоту природы и восхититься её величием. В этот момент он больше всего походил на потерянного мальчишку, который старается бороться с невидимым врагом. Зазвучал сигнал второй кабины лифта и в зал вошла женщина ослепительной красоты. Чарльз гордо улыбнулся и сделал знак рукой, который означал приглашение. Прямо из пола перед Майклом выросли металлические палки, собираясь словно стебли гороха в лестницу ведущую прямо в чёрный куб любви. Чарльз взял за руки Майкла и очаровательную незнакомку и повёл их наверх.

Так Майкл познакомился с самой сокровенной тайной Чарльза, о которой тот не говорил никому. И Майкл стал не только наблюдателем тайны, но и доверенным лицом, кому сын директора CommuniCat рассказал о необычном сексуальном фетише.

— Для меня заниматься сексом обычным образом — ненамного лучше, чем есть вкусную еду. Никаких ярких ощущений, — поделился Чарльз после страсти, окружённый водяным паром сауны. Он вынырнул из тёплой бурлящей ванны и громко выдохнул: — Другое дело, когда на меня смотрят. Но не просто смотрят, а смотрят с завистью.

Майкл молча смотрел на Чарльза с заинтересованным видом.

— И ты понимаешь, что на эту роль никакая женщина не годится, — уточнил Чарльз.

Майкл пожал плечами.

— Важно, чтобы завидовали мне, — Чарльз ткнул себя большим пальцем в грудь. — Поэтому тут нужен именно мужчина. Мужчина и зависть в его глазах.

— Я не чувствую зависти, — неуверенно возразил Майкл.

— Да, пизд*ц, — резко выругался Чарльз, — разве тебе не хотелось занять её место и принять участие?

— Хотелось...

— Вот! Вот!!! — ликовал Чарльз. — Хотелось! А я тебя этого лишил! Вот и зависть!

Как бы ни хотелось Майклу отрицать, он признался. Внутри LoveCage, сидя на роскошном кожаном кресле мрачного бордового цвета, он испытал не только чувство вожделения, но и ощущение зависти, или может быть даже слабую обиду. Но негативные эмоции не отталкивали его. Он хотел стать пленником LoveCage снова, о чём откровенно признался. Глаза Чарльза светились от нескрываемой радости. Было ясно, что и он желал того же.

Очень скоро два разных человека стали близкими друзьями. А если прикосновение взглядов уравнивать с прикосновением тел, то их можно было бы считать самыми настоящими любовниками. Но Майкл не думал в таком ключе. Свои отношения с Чарльзом он считал чисто дружескими, а то, что происходило в LoveCage актом поддержки. В конце концов всё, что он делал, — снимал с себя одежду, садился на кожаное кресло, наблюдал за тем, как Чарльз занимался любовью с женщиной — вот и всё.

Со временем Майкл научился расслабляться в присутствии третьего. Ему стало всё равно с кем и как его знакомый получает удовольствие. В воображении он стирал всех людей, оставляя только Чарльза. Мысленный фокус позволял возбудиться и принять участие путём самоудовлетворения, что Чарльзу пришлось по вкусу. Он выказал похвалу, чем немного смутил Майкла и даже вызвал своеобразное чувство гордости.

Но Майкл нисколько и не думал о том, чтобы воспринимать происходящее в LoveCage всерьёз. Он всё так же находился в поисках любви, и, имея полный доступ к Амор Мунди, собирался воспользоваться этим максимально эффективно.

Именно там на одной из вечеринок он и познакомился с Джимми. Точнее, сперва он познакомился с совершенно другим человеком по имени Фрей. В один из вечеров к Майклу подошёл симпатичный мужчина с лицом, которое могло бы стать лицом известного актёра.

— Привет, — поздоровалось с ним ещё не популярное лицо.

— Привет, — произнёс Майкл кодовую фразу, которая должна была предзнаменовать начало знакомства, состоящего из светской беседы про мир, про погоду, про политику.

Майкл был ассом в подобных беседах. Он заучил сотни типичных фраз и ответов, и, если бы беседа «любви» была поединком на рапирах, Майкл очень скоро бы получил мировое первенство. Он почти не задумывался, а это было плохим признаком. Тем не менее он не хотел верить в приметы. Нужно ведь разобраться в человеке, не так ли? И судьба оказалась благосклонной к нему.

Среди шумного зала, вдали от танцпола одного из кафе Амор Мунди на десятом этаже Майкл ощутил на себе взгляд. Сперва он отвёл глаза, не придав значения, но во второй раз — внимательно всмотрелся в толпу. Фрей оглянулся в ту же сторону, засмеялся и воскликнул:

— И он тут!

— Вы знакомы? — спросил Майкл.

— Конечно, это один из моих почитателей, — с небрежностью ответил Фрей, — правда, он придурок, но не опасен. Назойливый тип.

— Серьёзно? — переспросил Майкл.

Фрей выложил ему всё, что думал про человека в толпе, и его мнение было не самым лестным. К своему сожалению он не знал, что Майкл терпеть не мог людей, без веских причин негативно отзывающихся о других.

— А почему он не подойдёт к нам? — спросил Майкл.

— Потому что нищесброд и стоит в бесплатной зоне.

Майкл только сейчас вспомнил, что имеет свободный доступ во все зоны Амор Мунди. Он поднялся из-за стола и решительно зашагал по направлению к выходу.

— Эй, чего это ты задумал, — окликнул его Фрей, но Майкл уже не только задумал, но и решил, как поступит в данной ситуации. Он разыскал парня в толпе, отвёл его в сторону и задал ему прямой вопрос о том, какое отношение тот имеет к человеку по имени Фрей. Этим парнем и был Джимми. Оказалось, что Джимми и Фрей находились в состоянии некоторого гостевого брака.

Первоначально их дела шли неплохо. Они сняли совместную комнату, Фрей играл роль наставника, а Джимми обещал следовать советам. План Фрея состоял в том, что Джимми должен был получить работу модели, имея красивую внешность и атлетическое тело. Нужны были деньги. И здесь сказалась разница взглядов в допустимых способах заработка.

Майкл высказал Джимми всё что думает об этой ситуации. Он говорил о самоуважении, об умении давать отпор. А когда Майкл вежливо попросил Фрея покинуть их общество, Джимми уже смотрел на Майкла очарованным взглядом.

Первые две недели прошли бесподобно. На это время Майкл выпал с радаров Чарльза, пока тот сам не позвонил ему:

— Майк, ты меня слышишь? Что-то ты совсем пропал, дружище. А я успел соскучиться.

Майкл аккуратно ответил трубке:

— Да у меня здесь... — и Майкл задумался над словом, которое бы точно описывало, что у него «здесь».

— Парень что ли? — подпрыгнула трубка в руке.

— Парень... — подтвердил Майкл смущённым голосом.

— Ах, парень, твою мать!!! — выругался Чарльз, но спросил: — Так тебя сегодня ждать?!

— Где? — переспросил вежливо Майкл.

Чарльз выругался в рифму и прервал связь. Майкл ещё несколько секунд молча смотрел на телефон, пока в комнату не вошёл Джимми.

Среди загадок жизни Майкл особенно выделял одну: «Каким образом взрослые умудряются создавать сложности?». В детстве его часто удивляло нелогичное, глупое и порой откровенно дурное поведение взрослых, которые любили отговорку: «Вырастешь — поймёшь». Однако, когда Майкл вырос, его непонимание жизни лишь увеличилось.

Вот как сейчас: у них с Джимми всё хорошо. Сам Джимми «идеальный парень», наделённый всеми лучшими чертами, словно выдуманный герой любовного романа. Джимми внимательный, у него младшие брат и сестра, о которых он заботится. Он вежливый, чуткий, в меру весёлый и одарён хорошей внешностью, которой стоит позавидовать. Кажется, у него почти нет проблем, если не считать небольшое количество денег и ночные кошмары, в которых ему снится, что с его родственниками случилась беда, он спешит на помощь и терпит неудачу. Иногда Джимми кричит, просыпается в поту. Это немного пугает, но Майкл сталкивался с проблемами и похуже.

Глава 3. Ложь честнее правды

Майкл повернул за угол и очутился в мире шестнадцатиэтажного недорого жилья. Вокруг царил деловой аскетизм, лишь редкие цветники улыбались ему с неизвестных окон. Он обвёл глазами гигантский прямоугольник жилых ячеек, чтобы через некоторое время найти ту самую ячейку, где жил Джимми. Окна были приоткрыты на проветривание. Ага. Майкл нажал кнопку вызова рядом с входом в подъезд, произнёс своё имя и направился к лифту. Лифт беззвучно пронёс его сквозь десяток этажей.

Когда Майкл повернул на лестничную площадку, его уже ждал Джим, который посмотрел на него серьёзно-зелёно-радостными глазами. Майкл невольно отклонился от его взгляда и обнял двумя руками. Такого человека как Джим нельзя было бы не обнять такому человеку как Майкл. Майкл бросил взгляд на кухню, видневшуюся через открытую в жилище дверь. На кухонном столе стояла всё та же квадратная кружка красного цвета, из которой по утрам пили чай или кофе.

Майкл вспомнил эту кружку, а вместе с ней в памяти возникла сестра Джима. В тот раз в доме были только они вдвоём: Майкл и Рокси. Она сидела напротив него. Грубые каштановые волосы спадали небольшими локонами на её плечи. Рокси рассказывала ему о брате, а Майкл внимательно слушал. Он узнавал человека, с которым жил вот уже месяц, с новой стороны. Не со стороны, которую он сам и многие другие называли «Джимми», а со стороны совершенно иной личности, которая не любила походы в кино, рестораны, шумные компании, пыталась играть на гитаре и была равнодушна к науке.

Майкл вспомнил своё жуткое состояние после беседы с сестрой. Он дождался Джимми и обратился к нему: «Д... Джеймс, — впервые произнёс он имя Джимми в первоначальной форме, — нам нужно серьёзно поговорить».

Никто уже не знает, как повелось так, что человека с большими, даже устрашающими скулами, выраженным подбородком и выделяющимися бицепсами стали называть «Джимми», именем, которое больше подходит для ребёнка, нежели для взрослого человека, воплощающего в себе все возможные атрибуты маскулинности кроме усов. С другой стороны, в этом уменьшительно-ласкательном имени была своя логика, которую Майкл, кажется, уловил. Это Джимми всегда соглашался на любые предложения. Это Джимми всегда говорил: «Да». Это Джимми шёл с вами в кино, даже если не хотел этого. Это Джимми одобрял вечеринки. Это Джимми делал радостный вид, даже когда радости не было. Это всё Джимми! В этом смысле Джимми был маленьким ничего не значащим человеком, низкой, незаметной личностью. И Майкл почувствовал, как начинает ненавидеть Джимми всё больше и больше.

В отличие от Майкла, Чарльз отнёсся к ситуации прагматично:

— Йо*ый засранец, Майки! Миллиарды людей завидовали бы тебе. Ты нашёл любящего человека, готового терпеть тебя вместе с твоим бараклом. Таких больше не создают в лабораториях! Ты бы остепенился, успокоился, да и трахался в удовольствие!

Майкл ничего не ответил, ему было противно, но совета не сжигать мосты послушался. На следующей встрече с сестрой Джима он задал прямой вопрос: не случилась ли с её братом какая-то неприятность? Ответ оказался исчерпывающим: «Он наверное не сказал? У него редкое заболевание сетчатки глаз, наследственное. Он постепенно теряет зрение и со временем ослепнет. Конечно, он ничего не сказал». Это прозвучало как приговор и как самое точное объяснение.

Майкл поступил единственным способом, который мог бы удовлетворить его чувство справедливости. Он потратил полгода, чтобы уговорить Джима всеми правдами и неправдами пойти к психологу. На этом его душа успокоилась, и точка была поставлена, но не со стороны Джима.

Невольно Джим создал для Майкла неоднозначную ситуацию. С одной стороны Майкл сделал всё возможное, чтобы помочь ему, а с другой стороны он оказался «ответственен за результат». В последний раз, когда они виделись, Джим признался: «Даже если я справляюсь со своим страхом, я точно знаю, что ты единственный человек, кого мне стоит любить. Я не откажусь от тебя». И Майкл прекрасно понимал Джима, но изменить своё отношение не мог.

Он так и приходил к нему. Редко. Но постоянно. Беседовал об успехах. Говорил о жизни. Обнимал. И не только обнимал. Вздыхал. Обещал больше не появляться. Уходил. И снова возникал на пороге.

Сегодня он пришел с большим ящиком в руках и, проникнув в кухню, собрал нечто похожее на шлем.

— Что это? — спросил Джимми.

— Это КРАН. То есть транскраниальный магнитный сканер высокой точности и стимулятор. Первый в своём роде, Джеймс.

Джимми посмотрел на большую тяжёлую штуку, похожую на надрезанный арбуз.

— Это что-то, что умеет читать мысли? — спросил он.

— И читать, верно, — ответил Майкл, подошёл к Джиму вплотную и неуверенно спросил: — Ты не против, если я немного загляну в твою голову.

Джимми улыбнулся и покраснел. Сейчас он скажет свою знаменитую фразу, из-за которой Майкл иногда мечтал его убить.

— Против, — и добавил, — но разрешаю.

Майкл увидел перед собой пару огромных глаз, отражающих блик окна, и ощутил тёплую волну, окатившую с головы до ног. Он вздрогнул. Качнулся. И аккуратно надел шлем на голову Джима. Подключил телефон к монитору. Активировал связь с тестовым сервером CommuniCat. Шлем заблестел редкими огоньками. Монитор моргнул и отобразил полукруглые поверхности, которые были похожи на карту далёкой сказочной туманности, переполненной призрачными огнями мерцающих звёзд. От каждой звезды в глубину тьмы тянулись тысячи радужных хвостов, схожих с кронами деревьев.

Майкл подумал, что мог бы записать активность зрительной коры Джима, если бы имел достаточную пропускную способность оборудования. Тогда он мог бы посмотреть на себя со стороны в истинном значении этого слова. Узнать, как Джим видит его. Он заметил также изменения в специализации зрительных нейронов, что свидетельствовало о болезни Джима.

Но больше всего он желал увидеть другие загадки этой вселенной. Майкл выполнил в воздухе несколько жестов ладонью, и тысячи огней рассыпалась на связанные полигоны, а в боковой части экрана в порядке иерархии отобразились символы: «N11Z87, N12P39». Майкл произнёс: «M51P03, H88R340, Z346I32, O70G», и монитор тотчас же задрожал пылающими массивами звёзд. Он удивлённо посмотрел в тёмные глаза Джима, спросив про себя: «Ты правда это чувствуешь?», и сам же ответил вслух:

— Правда...

Джим смотрел в монитор, догадываясь о смысле нарисованных точек.

— Во мне так сильно горит? — спросил он.

— Да, так сильно, — ответил Майкл.

Больше Майкл не стал тратить время на «глупости». Он открыл виртуальное досье личности Джима, которое десятками лет создавалось в недрах CommuniCat из массива его следов в цифровой сети. Досье представляло из себя скопление идей, которые поддерживал человек. Каждая идея была связана с векторами акцептования оттенками отношений к идее и складывалась в группы отношений с другими идеями и группами идей. Всё это носило название: профиль суперидентичности.

— Сейчас я буду показывать ситуации, которые тебе следует вообразить, — инструктировал Майкл. — Не нужно ничего отвечать, и не нужно обдумывать. Просто сконцентрируйся на том, что видишь.

Майкл заметил, как на мониторе появился ответ «Да» раньше, чем Джим кивнул в знак согласия. Майкл показал ему экран личного коммуникатора, в котором были записаны заранее отобранные видео, где люди гибли в авариях, требовали помощи, любили друг друга, помогали друг другу, ругались друг с другом, спорили, находились в радости, в горе, в болезни, в одиночестве и умирали.

В отличие от Паоло, Майклу требовалось в два раза больше времени, чтобы правильно обработать значения сегментов мозга Джима. Но Майкл понимал, что в этом деле у него не могло быть помощников, потому что он не просто нарушал закон о вмешательстве в профиль суперидентичности, но и делал это с молчаливого согласия человека, который ему беспредельно доверяет.

Майкл вспомнил Чарльза, который бы напел что-то вроде: «Поздно бояться! Поздно жалеть! Поздно метаться! Поздно терпеть! Время бросаться! Время взрослеть! Время рождаться! И время сгореть!».

Майкл перепроверил результаты снова, но не смог избавиться от ощущения, что упустил что-то важное. Он смотрел на три карты суперидентичности: одна принадлежала Джимми, созданная CommuniCat, вторую он создал сам прямым наблюдением нейронной сети, а третья — описывала его собственную личность.

— Поразительное сходство, — озвучил он наблюдаемый результат.

Это означало, что алгоритм CommuniCat совместимости партнёров не ошибается. Очевидно, Джим был для него идеальным вариантом.

Майкл подвинулся к Джиму поближе:

— А можешь описать то чувство, которое ты ощущаешь ко мне сейчас?

Джим вопросительно посмотрел на Майкла:

— Любовь? — неуверенно сказал он.

— Это слишком общее слово. Ты бы мог рассказать подробнее. На уровне ощущений. Вот, например. Когда меня нет рядом, ты чувствуешь, что потерял что-то важное?

— Ну, конечно, мне приятнее, когда ты рядом, — Джимми неуверенно поводил глазами по сторонам.

— Я имею ввиду другое чувство. Такое очень неприятное, резкое. Чувство утраты. Как будто у тебя украли миллион! Или отрезали ногу, руку. Что-то очень важное. Такое чувство есть?

— А, понятно..., — сказал Джим. — Такого чувства нет.

Настала очередь Майкла удивляться.

— То есть его сейчас нет, — уточнил Джим, — раньше, как только я влюбился в тебя, оно было. Когда ты уходил, было чувство, будто из родных кто-то умер. Будто бросили.

— То есть влюблённость у тебя прошла?

— Ну да, — Джим кивнул.

— А что ты чувствуешь сейчас? Прямо сейчас?

— Мне хорошо, — ответил Джим.

— Это у тебя на лице написано, — улыбнулся Майкл. — А на что это чувство похоже?

Джим задумался:

— Когда ты рядом, мне кажется, что всё на своих местах. Так, как должно быть. Самым лучшим идеальным образом.

Майкл посмотрел на разбросанные вещи, незаправленную постель и задумался:

— То есть прямо сейчас?

— Да.

Майклу, у которого был особый пунктик относительно положения пуфиков в комнате, чувство «что всё на своих местах» было хорошо знакомо. Но он и предположить не мог, что такое чувство можно было бы назвать словом «любовь». А почему нет? Почему любовь обязательно должна быть романтическим туманом, чувством значимости, когда ради тебя что-то делают, совершают и преодолевают. Почему любовь не может выражаться простым, даже утилитарным, ощущением порядка или чувством сложенных вещей в комнате.

Майкл заглянул в себя и почувствовал зависть к Джиму: в его душе чувство порядка отсутствовало.

— Обидно, — прошептал он еле слышным голосом.

Майкл до последнего сомневался в возможностях построения модели идентичности по цифровым следам. Ведь люди редко когда говорили правду что в сети, что в реальности. Они

редко отражали свои истинные мысли и мнения. Как же тогда анализ образа, которым человек хочет казаться, мог дать ответ о его истинной сущности? Майкл не понимал. Но теперь он вынужден был признать неотвратимость фактов.

Значит, то, что он считает ложным, — не ложно. Значит, когда нам кажется, что мы врём — мы не врём. Или же ложь лишь частична. Всё правильно, чтобы создавать ложь, нужно иметь немного истины, в которую искренне веришь. Они часто говорили об этом с Паоло. Но лишь теперь он понял эти слова по-новому, с иной стороны. Он ощутил, как из тьмы «ничего» возникла новая мысль, и как на её появление слетелись другие. Он вспомнил свою первую встречу с Джимми, и вдруг в голове раздался щелчок озарения, а за ним ещё один и ещё.

Ложь, в которой есть правда, правда, в которой есть ложь! Необходимо понять! Дальше тянуть нельзя. С Алом нужно разобраться. Майкл сложил прибор в серебристый кейс и отправился к себе домой.

* * *

Паоло сидел за столиком в VIP-зоне на двадцатом этаже Амор Мунди, ел мороженое и подмигивал вокалистке, которая весело заводила речитатив под звон труб и ударных. Раздался медный взрыв перкуссии, и зал окутался дымкой из красного сладкого глицеринового тумана. Сквозь туман вышло рогатое чудовище на козьих ножках. Сервоприводы бесшумно двигали бордовое мускулистое тело, внутри которого виднелась голова Чарльза. Струйки искусственной крови стекали вниз и блестели в свете софитов. Чарльз зверски улыбнулся Паоло и протянул ему синтетический алко шот «Хиросима».

— Офигенный экзокостюм! — восхитился Паоло, болтая ложкой мягкое мороженое.

— Да, ебан*стическая игрушка, — похвастал Чарльз, двигая демонической рукой как своей собственной.

— Она на нейроинтерфейсе?

— Целиком на нём, чувак! — Чарльз присвистнул.

— Чума!!! — Паоло одним движением опрокинул шот и заел ложечкой мороженого. Под крики: «Don't stop me» музыка заиграла в полную силу.

— Видать, бл*дь, последний подарок от папаши перед тем, как CommuniCat разорится. Я не сдерживался в желаниях, — гордо сказал Чарльз, опрокидывая в себя шот.

— Да, жалко, — отметил Паоло.

— Да брось! Кто-кто, а ты быстро найдёшь новую работу! На таких HR устраивают облавы, — подбодрил Чарльз. — Признайся, ведь уже были предложения?

Паоло кивнул, облизывая очередную ложечку мороженого.

— Мне домашний проект жалко.

— Который? — спросил у Паоло человек в теле дьявола.

— Градиенты симпатий.

— Это тот, в котором рисовались отношения между пользователями CommuniCat?

Паоло кивнул.

— А если перенести на сервера Амор Мунди? Мощности не хватит? — предложил Люцифер.

— Мощности хватит, но данные о пользователях — в CommuniCat.

— Ну да, ну да... — огорчился Чарльз в образе дьявола. — После банкротства компании доступ к ним — уголовное дело, — он ехидно улыбнулся, оголив наращённые клыки зверя, и прищурил глаз: — По секрету, все самые важные сервера CommuniCat здесь, прямо под нами!

Паоло с недоверием посмотрел на Чарльза.

— Шутка, друг! Что ты! — Чарльз улыбнулся, подвинулся к Паоло и показал пальцем вниз: — У этой штуки есть даже член, — похвастал он заговорщицким тоном.

Паоло пожал плечами, поедая очередную ложку мороженого, как бы говоря: «Я и не сомневался».

— Конечно он полностью повторяет анатомическое устройство с этими всеми пещеристыми телами и всё такое, ну ты знаешь, но главное не в этом, — он поднял указательный палец. — Я запрограммировал эрекцию на мысль о мороженом! — и Чарльз показал язык. — Правда я йоб*ный гений?!!!

Ложечка выпала у Паоло изо рта, а Чарльз гомерически засмеялся. В ответ на лице программиста появилась искренняя широкая улыбка. Чарльз ликовал!

— За Банкрот! — Провозгласил он дьявольским басом.

* * *

Майкл стоял прямо перед дверью. Кажется, он был внутри фильма «День сурка», настолько сильно чувство повторяющихся событий мучило его. Реальность словно раздваивалась в глазах. Стены казались не совсем настоящими, телефон в руках — не настоящим, да и сам Майкл ощущал себя будто персонаж детективного фильма. Он провёл пальцем по экрану мобильного, открыл двери и зашёл в квартиру. Аккуратно поставил кейс на стол, посмотрел на беспорядочно брошенные пуфики и обнаружил гостя у окна. Майкл привлёк внимание Ала, когда щелкнул замками кейса, вытащил части прибора и сложил из сегментов полусферический шлем.

— Знаешь, что это такое? — спросил Майкл.

— Это КРАН, — без раздумий ответил гость.

— Верно, их всего три в мире, — подтвердил Майкл. — И существуют всего три варианта объяснения, как ты мог узнать про идею, хотя даже я не знал о ней.

Квартира дрожала. Стены дрожали. Даже пол под ногами Майкла серебрился невидимой дрожью. Лишь фигура Ала казалась ему гиперреалистичной на обломках разрушающейся реальности. В Майкле боролись два желания. Первое хотело, чтобы Ал оказался лжецом, а он раскрыл заговор. Ал — зло, Майкл — добро. Великий Майкл, борец за добро. Ужасный Ал — дьявол во плоти. Это желание подогревалось чувством собственного достоинства и страхом. Второе желание хотело, чтобы Ал оказался богом. Настоящим творцом, словом создающий реальность, известный под именами Мемра, Маамар, Логос, который снизошёл в мир живых, дабы собирать идеи среди людей, чтобы начать новое время и новую вселенную. Эта мысль согревала Майкла особым теплом чувства высшей доли и особой значимости, ведь именно он встретил Бога, и именно у него возникла Идея!

Майкл подошёл ближе к гостю:

— Первый — Майкл загнул указательный палец — у тебя есть способность видеть закономерности информации без помощи приборов. Такая возможность не исключена, а значит, ты и правда способен видеть красоту вселенной невооружённым глазом. В таком случае придётся признать, что ты и есть создатель. Хотелось бы верить в эту версию. Она прекрасна.

Майкл загнул средний палец:

— У вас в руках есть секретная технология чтения карты сознания, которая позволяет делать то же, что и КРАН, но на расстоянии. Что является строгим нарушением международной конвенции на доступ к изобретениям. Маловероятно, но не исключено.

Майкл загнул большой палец:

— Наконец, вы усыпили меня, использовали КРАН, чтобы считать карту, а после неизвестным мне

образом узнали о существовании идеи. В таком случае — это транскорпоративный шпионаж, не считая прочих нарушений приватности.

Ал покачал головой:

— Тогда нужно было бы стереть тебе память.

— Достаточно препятствовать процессу запоминания, а с КРАНам это просто, даже с базовыми знаниями по нейрофизиологии. Подавление B04N1 — и память работает не больше пары минут. Или, скажем, можно было использовать маску, правда, это сложнее.

Майкл уселся на пуфик.

— Всё просто, — протянул он руку в сторону Ала, — звоним в полицию, делаем допрос с помощью КРАНа и выясняем правду.

Ал принял серьёзный вид:

— Ты упустил кое-что.

Майкл развёл руками:

— Что я упустил?

Ал достал белый лист бумаги из кармана брюк и протянул Майклу. Майкл не успел прикоснуться к бумаге как ощутил сильное чувство дежавю. Реальность окончательно раздвоилась и рассыпалась на глазах. Волна неизвестных эмоций вместе с мурашками по спине пронзила тело сверху донизу.

Когда Майкл очнулся, он стоял уже в другой комнате и другой вселенной. Перед ним был другой Ал, он сам был другим, и даже пуфики были другими. Майклу понадобилось около минуты, чтобы посчитать всё «другое» вокруг него и подумать над тем, что произошло в другом мире.

— Мы это сделали? — едва слышно произнес он.

* * *

Каким зверем был Чарльз? Дитя прогресса, искусственное оплодотворение, отредактированный геном, из пробирки, получившее от отца половину генов с именем. До семи лет Чарльз был мальчиком-зайчиком. Максимум послушания, конформизма и следования родителям. Чарльз воспринимал отца как двухстороннюю монету. Одна часть говорила Чарльзу: «Ты должен», «Это стыдно», другая публичная сторона: «Посмотрите, какой ребёнок», «Правда, он милый?», «Самый послушный мальчик». И вот когда Чарльз вломил в глаз приятельнице за слово «пробирошный», в нём что-то надломилось, и из мальчика-зайчика вылез зверь иного рода: ломающий, крушащий и непримиримый. Отец, спрятавшийся за отряд детских психологов, только успевал хвататься за голову. Родитель раздражал беспомощными попытками взять ответственность за жизнь ребёнка, а Чарльз раздражал отца напоминанием о безрезультатности подобных попыток. Они не могли подолгу находиться рядом друг с другом, ибо каждый намекал другому о несовершенстве. Таким зверем стал Чарльз.

Ал и Чарльз были знакомы не вчера. Хоть и шапочно. Первый раз на конференции по химсексу, где знакомый Ала делал доклад о борьбе с зависимостью, они формально сидели рядом. Второй раз на встрече с отцом Ал присутствовал в качестве консультанта для CommuniCat.

— А по каким вопросам вы консультируете? — спросил Чарльз у мужчины в очках с золотой оправой, оксфордах и пиджаке.

— Эмоции, — ответил Ал.

— Что-что?? — переспросил Чарльз.

— Эмоции, — снова повторил Ал.

— О!!! У меня сейчас очень сильные эмоции, — прогыгикал Чарльз и чуть не выпустил одно из

своих любимых матерных слов. Он терпеть не мог людей в оксфордах и пиджаках. Его буквально тошнило от напыщенности английского стиля. Но когда он на вечеринке увидел Ала с фиолетово-зелёными волосами, клипсой в носу и в разорванной снизу розовой футболке, он многозначительно присвистнул:

— Консультант?!

Ал подошёл к Чарльзу вплотную и снял футболку:

— По эмоциям, — повторил он.

Чарльз рассмеялся:

— Хорошая попытка соблазнить нецелевую аудиторию! Но я завидую! — показал он пальцем на грудь Ала. — Я завидую!

— Важная эмоция, — подметил Ал.

— Серьёзно?

— Конечно. Зависть говорит о том, что у человека есть потенциал.

Чарльз заразно расхохотался на слове «потенциал», и в душевном порыве угостил нового старого знакомого набором из пяти шотов.

Когда синтетический алкоголь проник в зону вознаграждения, Чарльз спросил Ала:

— И зачем ты понадобился отцу?

— Почему сам не спросишь?

— Стараюсь не общаться с засранцами, — с улыбкой ответил Чарльз.

Ал подмигнул:

— Модель любви.

— Йо*й п*ц!!! — посочувствовал Чарльз.

— Верно.

— И такое делают?

— У вашей корпорации новый проект.

— Да, бл*! Очередная воронка для бабла! — и Чарльз опрокинул следующий шот, который согрел его дыхание, а потом спросил:

— И в чём загвоздка?

Ал повернул рюмку на сто восемьдесят градусов, чтобы полюбоваться напитком:

— У людей эмоции отличаются, а CommuniCat необходимы обобщения.

— Это какие эмоции? Ненависть, зависть?

— Буквально все, — утвердительно ответил Ал.

— Чёрт возьми! А я догадывался, что так, как я ненавижу это дерьмо, ненавидит никто! —

Согласился Чарльз.

— А у меня есть чувство корней квадратного уравнения, — похвастал Ал.

— Это каким образом? — спросил Чарльз

— Ну ты показываешь мне квадратное уравнение, а я чувствую: корни комплексные или нет.

Чарльз захихикал:

— А у меня есть эмоция засранца! Показываешь мне рожу, а я чувствую: засранец или нет.

Ал приблизился к Чарльзу лицом к лицу.

— И что скажешь об этом? — указал он на себя.

Чарльз свёл указательный и большой пальцы образуя между ними небольшую щель.

— Вот на столечко, — подмигнул он левым глазом.

* * *

Отношения между Майклом и Чарльзом уверенно портились. Поэтому в плане свести Майкла и Ала таилась попытка Чарльза удержать человека, который был ему небезразличен. По его мнению, у союза с Джимми не было будущего, в то же время Ал казался подходящей кандидатурой. Чарльз был знаком с Джимми постольку-поскольку и не испытывал желания

общаться, так как считал Джимми незрелой личностью из-за того, как тот вёл себя с Майклом. Он считал подобное поведение слюнтяйством недостойным ни мужчины, ни человека.

А Майкла и Ала Чарльз воспринимал как людей странных, даже с придурью, но хороших, возможно, куда лучших, чем он сам. Именно поэтому в его голову пришла мысль о кумовстве. Впервые в жизни Чарльз обдумывал свои действия на несколько шагов вперёд. Он пригласил Ала в Амор Мунди, устроил встречу под предлогом показать проект Паоло и, конечно же, пригласил Майкла.

Каково же было его удивление, когда Ал и Майкл почти сразу отделились на личный разговор. Тем не менее, причина состояла в интересах Майкла в области программирования эмоций.

— У меня есть знакомый на работе — Рене, — сказал Майкл, проводя Ала по закоулкам Амор Мунди.

— Почти как Декарт? — пошутил Ал.

— Ага, — улыбнулся Майкл. — Он высказал гипотезу, что среди нас должны жить люди, которые лишены способности влюбляться.

— Врождённое? — переспросил Ал. — Честно сказать, именно с таким не сталкивался. В основном отсутствие влюблённости можно объяснить нарушениями восприятия, скажем, патологическим недоверием.

— Это может стать причиной? — спросил Майкл.

— Конечно, может, — подтвердил Ал. — Резкое несоответствие с идеализированным образом — и любви нет. У каждого образ свой, значит, и причины могут быть свои. Поэтому нужно рассмотреть этот вариант, и лишь потом предполагать врождённость.

Ал заметил, как Майкл задумался, и немедленно прервал его мысли.

— Значит, это ты? — Ал подошёл к Майклу вплотную, смотря на него сверху вниз, как смотрит порой царь на подданного. — Человек, который не может влюбиться?

И не договаривая слова «Проверим», Ал поцеловал Майкла в губы.

* * *

Майкл не мог игнорировать стремление сравнивать Ала с бывшими. Он как бы разделился на две половины. Одна половина фантазировала, как Ал делает ему предложение руки и сердца, а другая половина смеялась над первой. Тем временем ему не удалось обнаружить у Ала сколь либо действенных недостатков, которые при желании нельзя было бы не назвать достоинствами. В некотором роде Ал смешивал в себе особенности Джимми, Чарльза, Паоло и Рене. С одной стороны ему удавалось быть отвязным и безрассудным, с другой — он отдавал себе отчёт, с третьей, как и Джимми, умел заботиться, и наконец обладал «житейским интеллектом» — тем редким видом ума, который отличается от способности решать задачи, писать программы и позволяет человеку здравым образом смотреть на реальность. Но Майкл не чувствовал никаких признаков влюблённости. Нет, ему было приятно всё, что они делали вместе с Алом включая секс, свидания и научные эксперименты, но...

Ал закрыл двери гостиничного номера Амор Мунди и достал из кейса сегменты, которые сложились в полусферический шлем:

— Знаешь, что это такое? — спросил он.

— Да, это КРАН, — ответил Майкл.

— Верно. А для чего его создали?

— Как замену громоздкому МРТ. Ну и ещё там...

— Он позволяет изменять работу нейронов, — подсказал Ал.

— Ну это временное неинвазивное влияние.

— Временное?! — с удивлением воскликнул Ал. Он предложил Майклу расположиться в кресле, чтобы надеть прибор, и сказал: — Я покажу тебе один сногшибательный фокус.

Майкл сконцентрировался. Ал поставил на журнальный столик пустой бокал, активировал КРАН, и включил связь с сервером Амор Мунди.

— Посмотри на бокал, — скомандовал он.

Майкл посмотрел на журнальный столик, на котором располагался пустой винный кругловатый бокал. Как только сервер обработал данные, Ал наполнил бокал вином и вновь скомандовал:

— Посмотри снова.

Майкл ещё раз сконцентрировал внимание на бокале, КРАН собрал данные, а сервер уже рассчитывал карту активности коры головного мозга.

— Замечательно. Ну, глянь на меня, и снова на бокал.

Майкл быстро переключил фокус зрения, а когда вернул внимание на журнальный столик - бокал был пуст. В глубине Майкл ощутил что-то странное и не очень приятное. Логически он понимал, что за те несколько секунд, пока он поворачивал голову, Ал не мог вылить вино из бокала. Значит, бокал на столе должен быть полон. Но бокал был пуст. Майкл внимательно всмотрелся в область журнального стола, наклонился ближе к бокалу, но бокал оставался пуст, лишь странное ощущение усилилось.

«Вот как это работает, — подумал Майкл. — Он подменил в моей голове наполненный бокал на пустой? А разве такое возможно?».

Майкл постарался вспомнить, сколько нейронных сетей должно участвовать в распознавании бокала, в классификации и в интерпретации картинки, и выходило крайне сомнительным, что Ал мог бы за такое короткое время, с такими крохотными мощностями изменить работу мозга таким образом, чтобы при этом не затронуть другие стороны его личности.

— Ты ведь не мог подменить в моей голове изображение наполненного бокала на пустой. Это ведь маловероятно? Да? — спросил Майкл.

Ал утвердительно кивнул:

— В текущей ситуации невозможно. Всё, что необходимо, это убедить твой мозг считать наполненный бокал на столе ошибкой, иллюзией. Поэтому пустой бокал, который ты «воспринимаешь», — это навык мозга исправлять ошибки интерпретации увиденного. И обрати внимание.

Как только Ал оторвал бокал от стола, Майкл снова увидел в нём бултыхающееся вино.

— Ух ты! — воскликнул он.

Ал снова поместил бокал на стол — в воображении Майкла вино исчезло.

— Но это ещё не всё, — предупредил фокусник-Ал. Он достал из кармана телефон, активировал приложение камеры и поднёс к глазам Майкла. На экране телефона в реальном времени проецировался журнальный столик и на нём бокал вина был полон. В то же время бокал в «реальном мире» оставался пуст. Майкл зачарованно смотрел на эту картину, не в силах оторвать глаз. Незнакомое царапающееся ощущение усилилось.

— Невозможно! — лоб Майкла покрылся потом от волнения. — Просто невозможно! Так не бывает!

— Возьми бокал и наклони его, — посоветовал Ал.

Майкл аккуратно взял пустой бокал, наклонил его, и как только звук льющегося вина достиг слуха, вино волшебным образом проявилось в «реальном мире». Майкл от души закричал, отшвырнул словно чёрную кошку прочь проклятый бокал и уставился на Ала.

— Извини, нужно было предупредить заранее, — сказал он серьёзным тоном. — Я постоянно забываю о том, что люди привыкли доверять своему сознанию.

Майклу потребовалась пара минут, чтобы успокоиться и понять фокус с камерой. Конечно, он изучал это. Консолидация реальности. Мозг консолидирует ощущение реальности на основании предыдущих знаний. Когда мы смотрим в экран камеры и видим, что она передаёт содержимое комнаты, наш мозг знает об этом и правильно склеивает восприятие из камеры и то, что он видит без неё. Поэтому, если сознанию подменить бокал с вином на пустой бокал в контексте стола, то такая подмена не будет работать для камеры, ведь камера она сама по себе, а консолидация происходит позже. И правда! Сперва мозг видит, что бокал в камере и бокал на столе различаются, поэтому он думает, что это разные бокалы и разные столы! С другой стороны, мозг ожидает, что камера отображает объективную реальность, но отличие пустого от полного бокала кажется ему более убедительным, чем вывод, сделанный на основе опыта. Именно поэтому консолидации не происходит, и мозг продолжает думать, что бокал на столе и на экране телефона — не один и тот же.

— Ты бы не помог мне снять эту штуку, — произнёс Майкл дрожащим голосом, указывая на КРАН. Ал кивнул и аккуратно снял дорогой прибор.

Майкл находился в шоковом состоянии не из-за когнитивного диссонанса во время опыта, а из-за мысли, которая посетила его. И хотя мысль была знакома, он смог ощутить её на своей шкуре только сейчас. Вся жизнь, всё вокруг, всё то, что он называл «реальностью», являлось сложным мнением внутренней машины, которая разрывала действительность на куски, чтобы позже перемешать их и склеить в некое подобие мозаики, которую люди называли «реальностью». И только сейчас Майкл нос к носу, словно ребёнок, получивший движение от смены статичных картинок, понял, кто и что он есть. Он — машина по имени «монтажёр».

— Машина монтажёр, — шёпотом произнёс Майкл.

* * *

Оказывается, значительных изменений можно достичь незначительным влиянием, и эта мысль натолкнула Майкла на другую дерзкую идею. Разговор начался издали.

— А можно сделать так, чтобы временно забыть какого-то человека? — спросил он у Ала.

Ал поёрзал в кресле и осторожно ответил:

— Именно человека? Да, можно. Можно сделать так, что эмпатическая связь между голосом и внешностью потеряется, и, в сущности, воспоминания, связанные с личностью, не будут всплывать в памяти. А если их замаскировать другими воспоминаниями, эта конструкция будет относительно стабильной.

— И это можно сделать КРАНОм?

— Можно. Почему нет?

— Но он же временно воздействует на мозг.

— Ровно столько, чтобы мозг образовал новые синаптические связи. КРАН сам не способен создавать нейронные связи. Он изменяет работу сети так, чтобы их создать. Поэтому и приходится использовать искусственный интеллект, чтобы рассчитать весь этот пинг-понг.

Майк недоверчиво покачал головой, и Ал заложил ногу за ногу.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вообрази газон между ларьками с едой. На газоне протоптаны тропинки. Самые жирные из них соответствуют ларькам с наиболее дешёвой и вкусной пищей. Тропинки менять ты не можешь, а вот на ларьки влиять да. И что ты делаешь?

— Убираю ларьки с вкусной едой и делаю так, чтобы люди ходили только в те, что мне нужно?

Ал щёлкнул пальцами:

— Именно, или, скажем, изменяешь мнение людей о качестве еды в ларьках.

— Как так?

— Один сегмент нейронной сети спрашивает мнение у другого, а ты ему подсовываешь фикцию. И он вместо того, чтобы кричать: «Вкусно», выдаёт: «Отвратительно». Вот и результат. Или как в

случае с бокалом. Мозг считает визуальную информацию приоритетной, и та часть нейронов, которая «видит» вино кричит громче всех: «Я вижу бокал с вином», «Я вижу бокал с вином». Остаётся дискредитировать эту группу задир и дать больший вес тем, кто помнит, что бокал был пуст. Всё!

Ал с удовольствием зевнул:

— Обрати внимание, что мозг постоянно хранит увиденное с целью обеспечить целостность картинки, потому что слепое пятно препятствует зрению.

Майкл вспомнил об этой особенности:

— Похоже на алгоритм работы видеобуфера.

Ал пожал плечами:

— Тебе виднее.

Майкл выждал пару минут, чтобы задать именно тот вопрос, ради которого он пришёл:

— Ты можешь помочь мне в одном, — он сделал глубокий вдох, — эксперименте, — и внимательно посмотрел на реакцию Ала, который спокойно сидел перед ним. — Я хочу влюбиться в тебя.

Ал практически не дрогнул и лишь слегка приподнятые брови выдали искреннее удивление.

— Извини, я не корректно выразился, — Майк почесал себе нос. — От CommuniCat у меня есть рассчитанный идеальный образ. CommuniCat считает такие штуки на основании активности человека в социальных сетях. А зная свои фантазии, я придумал сценарий, который вызовет яркие эмоции. В теории всё это должно привести к влюблённости. И если ты исполнишь роль идеального парня в идеальной ситуации, а я не влюблюсь в тебя, значит... — Майкл сделал над собой усилие.

— Значит, ты не способен на это, — закончил его мысль Ал.

Майкл чувствовал, как его уши и щёки горели от стыда, но до конца не мог понять, от какого именно. За что он стыдился? За то, что раскрыл свои истинные мысли? Или за то, что сказал что-то такое, что было стыдным само по себе?

— Это тянет на нарушение трёх статей международного кодекса нейроисследований.

Майкл знал. И он приготовился покинуть комнату. Слова Ала дали ему понять: он сделал большую глупость. Очень большую.

Ал поднялся с целью сделать несколько шагов к Майклу, чтобы приблизиться вплотную. Он заметил смущение Майкла и прилив крови к его щекам.

— Я тебя крупно недооценил, — серьёзно сказал Ал, когда его руки дотянулись до Майкла, чтобы привлечь к себе.

* * *

Теперь Майкл вспомнил эту сцену правильно. Вместо лица Джимми было лицо Ала. Даже содержимое разговора показалось ему другим. Ему показалось, что вместе с возвращением истинной памяти он должен забыть все события, которые случились несколькими днями раньше, но воспоминания удивительным образом наложились друг на друга, и лишь несколько странных ощущений маячили в глубине сознания.

Для того, чтобы разрушить замаскированное воспоминание, Ал попросил Майкла написать записку самому себе, используя ассоциации с важными для Майкла людьми. Заголовок записки был таким:

«Сценарий эксперимента бог-любовник. Цель: определить способность влюбляться в идеальный образ».

Майкл взял белый листок, развернул и смял не читая.

— С возвращением, Майкл, — сказал Ал.

Майкл глубоко вздохнул, уселся на любимый пуфик и спросил:

— Слушай, эту штуку про телепортацию ты сам придумал?

— Угу, тебе понравилось? — с гордостью сказал Ал.

Майкл неопределённо сдвинул брови и ударил кулаком себя в грудь:

— До глубины души.

Ал улыбнулся:

— Я старался.

— А с письмом? С письмом — это твоя идея?

Ал хитро посмотрел в сторону:

— Почти моя. Ты не против, если я не буду выдавать истинный источник, но я подумал, что ты обязательно потребуешь от меня доказательств в виде чуда. И я подумал, какое чудо я могу показать так, чтобы оно с одной стороны было реалистичным, а с другой стороны — чудом.

Обыкновенное чудо.

Майкл кивнул:

— Это правда настоящее чудо.

— Но оно выдуманно.

— Пускай, — возразил Майкл, — Однако оно возможно.

— Ты серьёзно? — скептически заметил Ал.

— Совершенно серьёзно. Если бы каждый человек написал по одному самому искреннему письму в своей жизни, может быть, наш мир бы изменился?

Лицо Ала исказилось в отвращении:

— С чего ты взял, что человек способен написать такое письмо? Разве ты так ничего и не понял?

Майкл вопросительно посмотрел.

— Всё дело в том, что этот несчастный не смог его написать, — объяснил Ал. — И не потому, что его хватил инсульт. Нет! А потому что... чтобы выразить чувства в словах — нужно много усилий, Майкл! Очень много усилий!

Словно ливень в летний день, молниеносно сменилось настроение Ала с безмятежности на гнев.

— О, если бы каждый человек! — восклицал Ал. — Да пусть станет известно тебе, о смертный, — кричал он, словно не выходя из роли создателя, — что не каждому по плечу заключить в душе сложное чувство, — он поднял указательный палец высоко к потолку. — И уж тем паче, редкий умелец способен выразить такое чувство на бумаге!

Ал немного успокоился и продолжал.

— Люди похожи на мнимых сеятелей, никогда не знавших плуга, сита, величин усилий и вложенного труда, но фантазирующих о золотых колосющихся полях! Это не глупость, а намного хуже! И пусть Даннинг с Крюгером ошиблись в причинах, их принцип работает! — Ал добавил: — Именно поэтому я не люблю людей, высокомерных, самонадеянных, ничего не знающих, но с фантастическим воображением о своих способностях.

В этот момент образ Ала максимально походил на бога из древней христианской традиции: могучий, сердитый, наделённый горьким сожалением от созерцания своего творения и отделённый от человечества незримой гранью непонимания.

Ал тяжело посмотрел на Майкла:

— Высокомерие и невежество очень скоро похоронят всех нас. Поэтому это первые качества, которые придётся в себе изжить, если хочешь написать своё письмо.

Он окончательно успокоился и добавил свою любимую фразу:

— Только осознанный человек может быть искренним, Майкл. Поэтому я ценю стремление понять себя и поэтому я помог тебе, нарушив закон. Потому что осознанность важнее законов, созданных с целью экономить мышление. А у тебя есть шанс научиться думать по-настоящему и перестать быть мнимым сеятелем! Не будь мнимым сеятелем, Майкл, стань настоящим!

Майклу всё больше казалось, что Ал не был человеком, настолько необычными казались его слова. В результате нельзя было понять, какое из двух желаний Майкла исполнилось: лжец или бог? Тем временем Ал взял КРАН в руки и подошёл к Майклу.

— Надень это, посмотрим на твоё состояние, — сказал он.

Ал подключил прибор к серверу Амор Мунди и рассмотрел состояние ментальной карты Майкла. — Всё хорошо, — заключил Ал, — маскировочное воспоминание почти разрушено, прежние связи восстанавливаются. Ловко я заменил своё лицо на Джимми, подделав эмоциональный отклик? А твой мозг сам убрал из воспоминаний остальные важные детали, будто ничего и не было! Ведь поразительно?! — Ал эмоционально потряс рукой. — Устройство памяти удивляет! — он торжественно улыбнулся, довольный своим мастерством. — Пару-тройку дней будешь чувствовать дежавю, но это нормально. Лёгкое чувство ирреальности тоже нормально. Не обращай внимания, это пройдёт.

Ал довольно улыбнулся.

— Эксперимент завершён успешно! Ну что, как результаты? — спросил он довольным тоном, в котором не осталось и тени от страшного образа творца.

— Никак, — угрюмо сказал Майкл, — кажется, я не могу влюбляться.

— Счастливчик! — радостно отметил Ал.

— Разве? — неуверенно промямлил Майкл.

— Конечно, — Ал сложил руки на груди. — Влюблённость — это самое жестокое издевательство над человеком, унаследованное от предков. Им-то оно было необходимо.

— Мысль известная.

— Нет, я не про те сопли философов, — перебил его Ал. — Ты не понял! Влюблённость — это акт самого постыдного недоверия, полученного от природы человеком. Программный костыль! Зачем она нужна? Великий замысел состоит в том, чтобы свести вместе двух мудаков, которые изначально не очень-то и подходят для совместной жизни, — Ал показал жестами, как два человека-мудака сходятся между собой. — Поэтому природа угнетает способность здраво мыслить и оценивать друг друга. А потом, если повезёт, эти два чужеродных существа, спаянные обстоятельствами и физиологией, изменятся и осознают, что между ними не так уж много различий. Понимаешь?

Майкл искренне покачал головой, так как уже давно перестал понимать Ала.

— Это насилие над человеком, — констатировал Ал. — Разве мы не можем добиться того же самого осознано, трудом, уважением, пониманием, заботой? Зачем нам все эти наркотики? Ты же не выпиваешь литр спирта каждый раз, когда тебе нужно решить какую-то задачу, чтобы преодолеть лень? Нет, ты находишь способ! Осознанный понятный способ.

— Но чувства — это же чувства!

Ал снова скривил лицо, словно глотнул лимонного сока:

— Что это за бездумный аргумент? Чувства — это чувства? А вода — это вода! Ты хоть сам понимаешь, что хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что чувства же нельзя подумать.

Ал возмущённого выпучил глаза:

— И это говорит человек, который изучал нейрофизиологию, биологию поведения, и какие ещё там штуки ты должен был изучать на курсе прикладного программирования социальных систем?! Чему вас там учили? Чувства нельзя подумать?! Серьёзно!? Нельзя подумать? А чем же ты тогда занят всю свою жизнь как не обдумыванием грёбанных чувств? Какой мудака подписал тебе дипломную работу? Я немедленно ему позвоню!

Ал легко снял раздражение с лица:

— Стань настоящим сеятелем, Майкл! — он хитро подмигнул. — Just do it!

* * *

Через несколько дней ощущения дежавю окончательно покинули Майкла. Многие вопросы ждали его с распростёртыми объятиями, требуя ответов. А один из них требовал ответа больше всего.

Глава 4. Буги вуги не заканчивается

Людам свойственно воспринимать Вольфганга Амадея жизнерадостным человеком-конфетой, от каких ломаются все полки гостеприимной Австрии. В народе есть даже поверье, что, если детям исполнять его музыку, — они безусловно вырастут такими же гениальными и счастливыми, ну или хотя бы счастливыми. Так же случилось и с Микеле Чандром, которому на роду было написано родиться если не счастливым, то хотя бы гениальным.

Милые приёмные родители приставили к его красивым ушам музыку Моцарта. Но малыш услышал не загадочную серенаду номер тринадцать, не великолепные фортепианные сонаты, не двадцать седьмой концерт, наполненный гармонией рая, а именно драматичный концерт с цифрой двадцать (так любимый Бетховеном). Может быть именно это произведение предрешило судьбу юного Микеле?

В семьях музыкантов забобоны не редкость: «Не пиши девятую» или «Только не шестую, хочешь как у Чайковского и Малера — грех!». Магические цифры, закономерности, к этому Микеле был холоден, в то время как музыка его вдохновляла.

Больше прочего ему нравилось писать музыку на листе, выстраивая ноты по линейкам, не обращая внимания на гармонию, а руководствуясь эстетической красотой расположения точек на бумаге. Родители сперва не принимали такое баловство всерьёз, но постепенно Микеле научился рисовать ноты так, чтобы из них складывалась гармония. Как вам такой способ композиции?

Позже он принялся рисовать странные закорючки по всей квартире, пока однажды в гости не пришёл человек, который узнал в рисунках фракталы, чем предзнаменовал появление Чандра-математика. Впрочем, Микеле-математик никак не входил в планы родителей. Похоже, что он не входил в планы большинства людей на планете. Очень скоро судьба предоставит ему возможность с этим столкнуться полностью.

* * *

На завтрак Микеле разучивал вторую часть шестнадцатой сонаты Моцарта Andante, которую сам композитор назвал Sonata semplice (лёгкая соната), что никак не умаляло её красоты. Воздушная словно сладкая вата и отскакивающая как попкорн в микроволновке музыка звучала на кухне. И вот в тот самый момент, когда мелодия вдруг перешла из мажора в минор, чтобы запеть жалостливым голосом, на кухню зашёл отец. Он неприятно посмотрел на Микеле и вышел из кухни ничего не сказав. Вместе с минорной модуляцией Микеле почувствовал волнение и даже возвращение в мажор не могло унять беспокойство. Он закрыл пюпитр и побежал в комнату к родителям. Отец стоял, мать сидела. Оба были максимально напряжены.

Через несколько дней в их дом приехали дяди с ящиками, и в тот же вечер Микеле увидел своих родителей и других людей в телевизоре. Они звучали как испорченная седьмая симфония Шестаковича, переполненные диссонансами, контрпартиями и шумами. Каждый играл свою мелодию, но вместе звуки собирались в какофонию.

О чём же они говорили? Единственное, что запомнил Микеле, это слова о том, что они желают добра ребёнку. А ребёнок это он. Значит они желали добра ему? На тот момент Микеле уже был в возрасте, когда понимаешь такие штуки. Если люди желают кому-то добра — значит они молодцы. Но он никак не мог понять, отчего ему так плохо от ихнего добра.

Родители в свою очередь говорили тоже самое: «Мы желаем тебе добра» и водили его в странный зал, похожий на зал филармонии, в котором не было музыкальных инструментов, а посередине сидел странный дядечка и что-то говорил «именем закона». Дядечка так же убеждал Микеле, что желает ему добра. Но Микеле не мог понять почему ему так плохо от всего этого добра, хотя слово «добро» вроде как слово хорошее.

* * *

В результате непонятных для Микеле действий он потерял дом и родителей уже в шесть лет. И это в отсутствие каких-либо причин природного характера как-то: авария, ураган, болезнь. Любому этого бы хватило для ненависти к человечеству, поэтому Чандра можно было понять. Люди, желающие ему добра, внушали страх куда больший, чем сам Клод Дебюсси.

Пока власти должны были найти новых родителей для мальчика, Микеле определили в небольшой приют святого Винсента, объединённый с домом престарелых. Микеле тем временем ударился в антисоциальное поведение. Он почти ни с кем не говорил, вместо этого находил нелюдимую комнату, закоулок или угол во дворе и рисовал заумные фракталы.

Однажды перед дождём мальчик увидел чёрную надвигающуюся живую тучу, похожую на морскую волну. Туча внезапно растворилась в небе, чтобы снова сжаться в плотное полотно. В воображении Микеле зазвучала мелодия «Снег танцует». Он услышал её в исполнении ксилофонов, к которым погода присоединились валторны вместе с кармическими басами, от чего воздушное произведение Дебюсси обрело медный окрас пропасти и перцовый запах озона. Словно слушая одну с маэстро мелодию, стая скворцов танцевала из стороны в сторону. Микеле поднял голову к небу и побежал навстречу птицам, неспособный оторваться ни на секунду от картины, которая внушала ему смысл всей его жизни.

Его нашли в поле недалеко от пансиона. Он стоял перед чернеющим лесом запрокинув голову к небесам. Когда тётя в очках с модной оправой спросила его, что он там делал, он ответил: «Пытаюсь стать птицей». Тётя спросила, зачем, и Микеле ответил: «Потому что быть как люди — это ошибка».

* * *

— И вы ещё удивляетесь, что его никто не берёт? — сказал полный мужчина с масляным пятном на рубашке, — он же стрёмный, — и глазами показал на мальчика в углу бара. В это время Дона отлепётывала зачётный пиано-перфоманс с буги-вуги. Она и слышать не желала, кто там чего говорил, просто балдела от звука, размахивала своей головой с такой силой, что закрученные завитушки прыгали в такт вместе с объёмными грудями словно метроном. Раз-и-два-и-три-и-четыре-и! Мистер «Кик-И», появившийся неведь откуда, подыгрывал ей на электрогитаре.

— Кто это стрёмный? — спросил мистер «Кик-И».

— Да вот тот пацан, видите? Опять пришёл сюда из приюта. Сейчас Дженкинс нагрянет.

— Дженкинс?! — с удивлением спросил: «Кик-И». — Он, наверное, страшный?
— Как моя Сара после попойки.
— Что ты несёшь, косой, Сара никогда не пила, — крикнула Дона.
— А я и не говорил, что она! — возмутился мужчина с масляным пятном, тыкая большим пальцем себе в грудь.

Мистер «Кик-И» подозвал парня жестом.

— Эй, бэби, как дела?

Микеле не ответил и насупился.

— О, да у тебя депрессия.

Микеле посмотрел на мистера «Кик-И» из-под лба:

— Это тётенька в очках так говорит.

«Кик-И» был доволен собой, что смог разговорить ребёнка, и не хотел терять кратковременный успех операции.

— Это правда, бэби? — спросил он для поддержания светской беседы.

— Вы четвёртым пальцем не дожимаете бас, — ответил недовольный Микеле.

— Бэби, ты это услышал? — удивился мистер «Кик-И».

Микеле сделал вид, что ему задали оскорбительный вопрос.

— Так это производственная травма, мальчик, — крикнула Дона.

— Ох, бэби! — сказал мистер «Кик-И». — Она лжёт с целью спасти грешную душу, а на самом деле мои руки выросли из заднего места.

Микеле удивился.

— Правда?

— Зуб даю! — засмеялся мистер «Кик-И».

— Вам сделали такую сложную операцию, — искренне посочувствовал мальчик, — это был очень талантливый хирург.

Бар неожиданно затих. Дона не сразу сообразила, что слова были напрочь лишены иронии. Её глаза налились слезами безумного смеха, и она прыснула, заражая гоголом окружающих.

— Я же говорил, он стрёмный, — шёпотом повторил мужчина с пятном.

— Заткнись, жирдяй! — заступился мистер «Кик-И». Он подозвал жестом мальчика и спросил его, нравится ли ему музыка. Микеле одобрительно кивнул и сказал, что может «слабать» «jingle bells». Мистер «Кик-И» одобрительно выставил палец вверх и пригласил Микеле продемонстрировать.

Микеле с раннего детства привык выступать на публике и на самом деле уже порядочно изголодался по признанию и вниманию. С хитрым видом он подошёл к инструменту и нажал пару клавиш. Бар не обратил внимания. Тогда он выпилил сложное арпеджио вместе с хроматической гаммой. Кто сказал, что дети не умеют манипулировать? Бар умолк.

И Микеле попытался на слух подобрать по памяти «Лунный свет» любимого Дебюсси. Он интуитивно упростил партию левой руки, достаточно, чтобы передать основной мотив. Посмотрел на кислое лицо Донны, потом на скучное лицо мистера «Кик-И» и понял, что этим публику не завоеешь. Микеле взял паузу, подумал и во всю силу ударил буги-вуги, который только что исполняла Дона.

— Чёртовый малолетка! — крикнула от неожиданности она.

В этот момент появился мистер Дженкинс. Он открыл левой рукой дверь в бар и сразу увидел наглого сорванца. Микеле выплясывал буги-вуги на клавишах, и мистеру Дженкинсу показалось, что ребёнок пьян. Он прикрыл от стыда лицо и принялся пролезать сквозь ликующую публику.

Его остановил гриф стратокастера.

— Вам что-то угодно, сэр? — спросил мистер «Кик-И», тыча чиновнику в грудь.

Мистер Дженкинс посмотрел на новое лицо и промямлил:

— Сотрудник_приюта_для_детей, — его слюни словно склеивали слова вместе.

— Ах, это вы мистер Дранкинс! — догадался «Кик-И». — Оставьте пацана в покое! Разве не ясно, насколько херов этот ваш приют, как, впрочем, и дикция, если ребёнок сбегает в такую дыру!

— У_этого_ребёнка_аутизм! — начал выходить из себя мистер Дженкинс, из-за чего слова стали слипаться ещё сильнее.

— Каутизм?! Дона, ты слышала, у мальчика коммунизм! — прокричал мистер «Кик-И».

Дона подошла к мужчинам.

— Хоть коммунизм, хоть гомосексуализм! — сказала Дона. — Это не передаётся! — она положила тяжёлую руку на плечо мистера Дженкинса.

— Оставьте парня в покое. Я сама отведу его в приют после банкета! — произнесла она серьёзным голосом, который не знал отказа. — Даю слово!

— Это правильно, — поддержал её мистер «Кик-И». — Вы посмотрите, какой парнишка способный, прям как Моцарт!

Сотрудник приюта ехидно ухмыльнулся:

— Значит, вы ничего не знаете? Это же тот самый ребёнок из замороженной яйцеклетки. Поэтому его никто брать и не хочет!

— Гонишь!!! — выпучил глаза «Кик-И».

— Так оно и есть, — подтвердил мужчина с пятном.

Дона скривила лицо.

— Это он что ли по потолку ногами ходит? — Дона недоверчиво посмотрела на парня, который продолжал склеивать музыкальные фрагменты, услышанные в баре, и добавлять к ним флёр импровизации.

— Матерь божья!!! — всплеснула она руками. — Точно, вылитый папашка!

«Кик-И» обернулся в сторону мальчика.

— Как же это я так... опростоволосился... Непростительно.

Мистер «Кик-И» вспомнил Биджоя Чандра, а вместе с ним и безумную юность. Теперь он и Дона с чувством ностальгии смотрели на малую копию великого певца.

Когда Микеле окончил дебют под аплодисменты, Дона махнула рукой мистеру «Кик-И» и поднялась на сцену к инструменту.

— Эй, народ! — крикнула она со сцены. — Кто-то из вас помнит старину «Би-Джой»? — она показала на пальцах цифру два и зал одобрительно заревел: «Да!».

— Сегодня этот засранец снова с нами! — добавила Дона, глядя косым взглядом на Микеле.

Микеле понял, что означали её слова, он знал, кто являлся его биологическим отцом: Биджой Чандр, это он придумал заморозить яйцеклетку, это он составил особый контракт, это он был повинен в том, что Микеле лишился семьи и дома, и в том, что его ненавидел весь мир. И тем не менее, Микеле почему-то не чувствовал ненависти к биологическому отцу. Он просто его не понимал.

Дона взялась двумя руками за клавиши, и зазвучал бас. Мистер «Кик-И» пристроился сбоку, всё так же плохо прижимая четвёртый палец. Дона почти пустилась в пляс, горячим Везувием она выбрасывала звуки словно лаву в людей, а они подхватывали движения.

— Эй, народ! Вы хотите знать, почему мы называем это буги-вуги? — громко сказала Дона в микрофон. — Я объясню. Видите, левой рукой я играю буги, — и она убрала правую руку за спину.

— Вот так! Вот такое буги!

Зал одобрительно загудел вместе с темой баса.

— А правой рукой я играю вуги, — она убрала левую руку за спину, — вот таааак!!! Вот такое вуги! Пальцы правой руки словно ужи на сковородке запрыгали по четвёртой октаве. Микеле улыбнулся, захваченный электрическим задором. Ему тоже захотелось смешать коктейль из секунд, квинт и терций. Дона подняла левой рукой край синтезатора, чтобы правой было удобней скакать по клавишам.

— А теперь вместе! Вместе — это буги-вуги, — закричала она и добавила басов. Музыка лилась словно из рога изобилия, завёрнутая в бесконечную репризу.

— Теперь ты понял, парень? — крикнула Дона маленькому Микеле. — Понял?! Она не заканчивается! Никогда! Ты можешь играть снова и снова! Вот так! Вот так! И ещёёёёёё!!! Дона повернулась вокруг себя, поблёскивая яркими звуками. Мистер Дженкинс уже дёргал туловищем и улыбался по сторонам, кажется, он забыл, зачем пришёл сюда.

— Потому что буги не заканчивается! — кричала Дона. — Пока можешь играть - вуги не заканчивается!

Она повторила эти слова словно мантру несколько раз, рассыпая волшебные осколки настроения вокруг, и Микеле повторил вместе с ней: «Пока можешь играть — буги-вуги не заканчивается».

* * *

«Пока можешь играть — буги-вуги не заканчивается», — вспомнил Колин по прозвищу «Кик-И». Хотя он лишь пять дней назад объявился в этой дыре, с Донной они были знакомы более пять лет.

— Не пойму, чему радоваться, а о чём жалеть. О том, что не было ядерной войны или о том, что я дожил до этого дня, — сказал Колин.

Дона махнула рукой.

— Просто как так выходит, что все эти важные засранцы, все эти дипломированные специалисты, все эти сраные демократы, — Колин поднял голову. — Ведь я имею право в своём трейлере называть их «сраные демократы», да? — и он продолжил, — Как все эти тупые ублюдки просто так бросили ребёнка только из-за того, что он родился из замороженной сопли?

Колин опустил голову в стакан пива и плюнул.

— Да хоть из кучи дерьма! Какая разница?! Если этот мальчик никого не убивает, не насилует, не уничтожает мир, но станет музыкантом не хуже, чем его отец. Какое право они имели?

Дона не ответила, она достала кусок плотной бумаги и забила косяк.

Колин покрутил стакан с пивом и сказал:

— Может, усыновим мальчика?

Дона повернулась к мистеру «Кик-И».

— Совсем все мозги пропил, что ли? Кто его усыновит? Чудо, живущее в трейлере? На пособие по безработице? То самое Чудо, что любит лапать сиськи и гриф гитары? Чему ты его научишь, кроме сифилиса? Лабают то он почище тебя!

— Да, — возмутился Колин, — а хоть бы и сиськи! Лапать сиськи по согласию не харассмент!

Дона бросила ироничный взгляд.

— А гитара — не человек. Ну и что, что мне хирург руки с другого места пересадил! — не унимался Колин. — Зато парень будет в семье.

Дона покачала головой.

— Старик Биджой продал ребёнка словно корову, старый болван! — выругался Колин.

— Сам ты старый болван с островом надежд! — Дона показала пальцем на темечко, а потом села

на табурет и затаилась. — Просто он очень любил её, любил жизнь и не хотел, чтобы музыка прекращалась, — Дона протянула косяк. — Он играл до самого конца. И сына бы любил. Просто он так долго стучал по клавишам в звукозаписывающей студии, что забыл, как ведут себя люди. Колин взял косяк в руки, чтобы сделать пару затяжек.

— Вот я и говорю, старый дурак.

— Это да, — согласилась Дона, — тут мы все как дураки. Вспомни своего братца и дом, где теперь это всё? Где твой родительский закуток и бабло? Где этот ублюдок, из-за которого ты живёшь как последний бомж? — Дона закатила глаза. — Если бы не я!

Она улыбнулась как бы говоря, что всё в порядке.

— Все мы горазды обвинять других! Но мы — то с тобой хорошо знаем, малыш.

— Эх, бэби, — сказал Колин, — Ты ещё будешь оправдывать этих толстосумов со звукозаписывающей студии, которые дали деньги родителям мальчика, чтобы те потом бросили его?

Дона сделала большой глоток и вытерла пену рукавом.

— Порой осуждение хуже воровства, милый. Оно обкрадывает сразу всех. А иногда хуже убийства, потому что убивает всё, вот тут, — она приложила ладонь к груди. — Не забывай, что они бросили ребёнка из-за осуждения.

Дона и Колин хорошо знали, что такое общественное осуждение, ведь большая часть их жизни прошла с этим.

— А ты хочешь взять мальчика, чтобы научить его жизни, — Дона налила себе пиво. — Как мило! — и сделала пару глотков.

— Ай, — махнул он рукой, — знаю каждое твоё слово. Но ты пойми, нельзя так жить! Нельзя! Ну не можем мы жить как... — он постарался подобрать верное слово, — как...

— Как мусор? — предположила Дона. — Так это, родной мой, мы как мусор и живём! Вот поэтому к нам и прибивается всё ненужное, брошенное и похожее на мусор.

Она посмотрела на него тем долгим взглядом, в ответ на который лучше смолчать, и Колин, одетый в потёртую спортивную куртку, смолчал.

— Лучшее, что есть у тебя и в тебе дорогой — это музыка, — Дона взяла косяк и сделала ещё пару затяжек. — Пока мы живём в нашей жизни есть и плохое, и хорошее, и у того, кто может импровизировать есть пару счастливых билетов.

«Пока можешь играть — буги-вуги не заканчивается», — добавила она про себя.

* * *

К счастью или к сожалению, Микеле никто не собирался усыновлять, и он стал негласным гостем в дыре под номером «ДЫРА». Да, у этой дыры даже номера своего не было, такой дырой уж она была. Зато у Доны и мистеров «Кик-И»-Дженкинса появился маленький секрет, а у Микеле — публика с буги-вуги, которая никогда не заканчивалась, если только ты можешь играть. А Микеле мог! Да ещё и как.

Но на этом мистеры «Кик-И»-Дженкинс и Дона не могли успокоиться. Они хорошо понимали, что если жить среди мусора, то рано или поздно ты и сам станешь мусором. А в случае Микеле допустить подобное было бы преступлением. Поэтому компания новоиспечённых неназванных

родителей активно искала себе замену. Но кому нужен был ребёнок, который играет буги-вуги, проходит сквозь стены, бродит по потолку, да ещё живёт с какими-то маргиналами?

Однажды утром в трейлер пришёл мистер Дженкинс. Он снял шляпу-носок и почтительно кивнул, протянув распечатку. Мистер Дженкинс, или же Том, как его называли в детдоме номер пять, всю жизнь прожил без родителей. У него была ужасная дикция, которую называли сложным словам. Том пытался не использовать сложные слова, так как они застревали в зубах. Он не знал сложных слов. Зато Том хорошо знал, что такое мечтать о родителях, пусть даже о таких, как Колин и Дона. Во всяком случае, думалось ему, они хорошие ребята и умеют лабать буги-вуги.

Он объяснил Колину смысл распечатки из интернет.

— Новая_программа! — Сказал он.

— Хорошо, бэби! Только давай помедленнее, поменьше легато! — попросил мистер «Кик-И».

— Инст... — мистер Дженкинс попытался два раза произнести слово «институциональная», но после третьей попытки плюнул и сказал: — Семья «И». Можно жить. Один родитель. Второй родитель. Деньги оттуда, — показал он наверх, словно средства на ребёнка давал бог. — Один, два, три родителя — без проблем. Разные роли. Тут, — он показал на распечатку.

— Бэби! Умница! Ты сам это придумал?

Мистер Дженкинс светился от радости.

— Ты чертовски проницателен, бэби! — сказал мистер «Кик-И» двухметровой детине, которой было где-то за сорок. Но Тома эти слова нисколько не обидели, он был безумно счастлив и благодарен за похвалу. — Пока можешь играть — буги-вуги не заканчивается! — подчеркнул с задором мистер «Кик-И» и обнял Дженкинса, словно тот был грифом гитары.

Дона внимательно изучила документы, и план в самом деле показался реальным. Самое главное, Микеле получал возможность на дотирование от государства и хорошее образование.

* * *

Когда гигантские башни-щупальца Амор Мунди окружили Ала, он стремительно поднимался на вершину к LoveCage. Через прозрачные стены лифта взор любовался огнями исполинских небоскрёбов, повергнутых туманом ночных облаков. Блики огней отражались в стёклах и бежали словно муравьи по его лицу. Правая рука Ала сжимала объёмный серебристый кейс. Чарльз уже ожидал его на последнем этаже. Худая фигура владельца Амор Мунди смотрела в сторону города, утопающего в ореолах ночных огней.

Чарльз сразу смекнул, как можно использовать фокус с бокалом вина, который Ал продемонстрировал ему лично месяц назад в Торонто. Если с такой лёгкостью можно подменить вино, то чем чёрт не шутит. В этом и состояла истинная причина визита далёкого гостя. В свою очередь Чарльз прилежно выполнил условия сделки. Он принёс вторую версию КРАНа и закончил модификацию LoveCage.

— В мире всего три такие штуки и вот две, чёрт бы их побрал, — улыбнулся Чарльз, глядя на серебристый кейс в руках Ала.

LoveCage включился, активировалась панорама, заработали эмуляторы ветра и запаха, загорелось виртуальное небо. Ал с восхищением разглядывал горячие гейзеры, вулканы, клубы дыма, копти и лавы, ощутил запах серы и гари.

— Суперски! — крикнул он. — Но мы это улучшим!

— Это не всё, дружище, — сказал Чарльз и подмигнул, пафосно щёлкнул пальцами. Прямо из пола забурлила чёрная жидкость с металлическими блёстками, капли которой полетели к потолку, словно дождь идущий вверх ногами.

— Ах ты ж! — Ал провёл рукой сквозь поток капель, чтобы ощутить необычную текстуру. — А это можно глотать?

— Можно, но не стоит! — крикнул Чарльз и скинул рубашку.

Ал закрепил на голове Чарльза прибор, а Чарльз сделал то же самое для гостя. Включилась музыка.

Тёмная волна сияющей жидкости подняла тела узников LoveCage, словно безвольно трепыхающихся потерпевших кораблекрушение странников, лишившихся одежд и надежды выбраться из морской пучины. Чёрные волны нежно покачивали Ала и Чарльза в свете извергающихся вулканов под девственным небом, полным искусственных метеоритов и виртуальных звёзд.

— Превосходно! — закричал Ал, Чарльз ответил ему искренней надменной улыбкой.

— Эта хрень создаёт настоящий тактильный шторм. Даже сотня женских рук не в силах сравниться с этим! — похвастал он.

— Здорово! — согласился Ал и голосом запустил программу для КРАНа.

Музыка усилилась. Ал закрыл глаза, а тёмная вода, превратившись в щупальца, подняла его к живописному небу. Он выбросил из головы все ненужные мысли, знания о том, что просил его сделать Чарльз, воспоминания о Майкле, мелкие переживания и погрузился в мир приятных ощущений.

Тем временем КРАН подавил работу тета-сегментов, отвечающих за консолидацию с реальностью. Чарльз ощутил это на манер пробуждения во сне, а воображаемые фигуры обрели физическую плотность. Он прикоснулся к женскому телу, которое передало кончикам пальцев бархатное тепло. Чарльз даже ощутил запах пота. Он мысленно приказал появиться Майклу, и в трёх метрах от него на кожаном красном кресле возник мокрый Майкл в разорванной рубашке, которая сгорала в невидимом пламени словно газетная бумага. Чарльз заставил Майкла посмотреть восхищёнными глазами, полными слёз, и в тот же момент сильно возбудился. Он потерял контроль над воображением, а оно подхватило его и захватило, уводя на глубину тайных желаний. В них он увидел Майкла, в страсти разрывающего на себе одежду и получающего удовлетворение от наблюдения за Чарльзом.

Когда нарисованное небо запылало северным сиянием, сервер Амор Мунди предсказал время оргазма и освободил крепления LoveCage. Клетка любви полетела вниз, лишая узников чувства тяжести. Чарльз завис в воздухе, изогнулся в мышечном спазме и закричал, словно ребёнок, вырывающийся на свет из утробы матери.

* * *

Капельки пара образовывали лёгкую дымку, скрывающую наготу мужчин на деревянных досках. Царило долгое молчание, потому что не было никакой надобности ни делиться впечатлениями, ни обговаривать погоду. Всё и так было написано на лицах, расчерчено усталостью и истомой по телу. Ал и Чарльз просто сидели и вдыхали жаркий влажный воздух. Ал периодически запрыгивал в бассейн, окунался и молча возвращался назад. Если бы лёгкие могли не дышать, а сердце не биться, они бы предпочли выключить их, дабы предаться совершенной неге.

К пяти утра они оделись, Чарльз провёл Ала в номер, а после медленно доставил собственное тело в кровать. Он уснул младенческим сном, лишённым сновидений. Не переживая ни о чём, утративший не только дар речи, но и неповторимый дар материться.

Когда он проснулся, на часах значилось четыре часа дня. Ал к этому времени уже успел пробежать десяток километров по парку вокруг Амор Мунди, позавтракать, сходить в спортзал, принять душ и сыграть пару партий в бильярд. Всё, как и положено заграничному денди в Европе.

Тем не менее Чарльз чувствовал себя не хуже, а может даже и лучше. Выспавшийся, сбросивший какие-то внутренние оковы он живо сновал в халате по номеру, и в таком же домашнем виде без стеснений направился на этаж ниже, где размещались комнаты с бильярдом. Запах травы и цветов в клумбах обнял его худое тело, а ветер чуть не сорвал лёгкие одежды, прикрывающие срам. Так он словно бабочка-анорексичка впорхнул через стеклянную дверь залы и оказался в одном пространстве с Алом. Ал тем временем задумчиво рассматривал комбинацию шаров, но, заметив Чарльза, повернулся к нему лицом, дружески улыбнулся и приобнял за плечи.

— Ну ты соня! — то ли пожурил, то ли похвалил он.

— Я отлично выспался, — сказал Чарльз.

Ал вопросительно посмотрел на него.

— Ночь прошла замечательно?

— Абсолютно, — подтвердил Чарльз.

Ал приставил палец к губам и задумчиво произнёс:

— Впрочем, ну ладно, — он потрогал себя по лбу и продолжил, — У меня тут есть разговор иного рода.

— Разговор? — улыбнулся Чарльз.

— Надо же, — шёпотом сказал Ал. — Да, разговор делового характера.

— Интригуешь, дружище! — воскликнул Чарльз.

Ал даже обеспокоенно посмотрел на него, ещё раз приложил палец к губам, раздумывая о чём-то.

— Впрочем, это не моё дело, — прошептал Ал. — А разговор, — силой воли он вернул себя к теме, которую собирался обсудить. — Допустим, мне удастся спасти CommuniCat от банкротства. На что я могу рассчитывать? В плане денег.

Теперь очередь удивляться пришла к Чарльзу. Он посмотрел широкими глазами на Ала и безразличным бесцветным голосом сказал:

— Тебе нужно поговорить с отцом. Он решает такие дела.

Глава 5. Машины любви

На эту идею Ала вдохновил именно Майкл. Он не только предложил Алу сделаться копией его идеала, но и создать историю знакомства, которая бы была с точки зрения Майкла идеальной. Как только Ал узнал о проблемах с эффективностью Мемры, он почти сразу сопоставил эти моменты. Что делала Мемра? Вычисляла идеального партнёра? Да! Но чего она не делала? Не обеспечивала идеального знакомства! И пока все бились над поиском ошибок в алгоритме, в котором очевидно ошибок не было, проблема заключалась в ином.

Мало встретить потенциальную любовь на улице, нужно ещё встретить её в нужном ракурсе, при нужных обстоятельствах. Значит, Мемру необходимо обучить создавать правильный контекст встречи. Но как это сделать? Заставить пользователей заучивать диалоги? Писать сообщения в чат, которые будут сгенерированы Мемрой? Нет, очевидно нет. Всё намного проще. Мемру следует научить составлять данные о потенциальном партнёре таким образом, чтобы создать требуемое впечатление ещё до взаимодействия между потенциальными влюблёнными, а это было не столь сложно устроить.

С помощью специалистов CommuniCat Ал очень быстро справился с этим заданием, и уже через пару недель первые результаты опытов повергли в шок. Это был самый настоящий прорыв, а метод его достижения холодил нервы и вызывал неподдельный ужас. Божественный ужас,

именно тот ужас, когда мы смотрим в пропасть или на смерть близкого, осознавая конечность бытия.

Всё, что изменилось в системе, — так это логика знакомства. Теперь Мемра случайным, нет, даже «волшебным» образом подсовывала анкету так, словно она не была важной, и составляла описание, изменяла фото таким образом, чтобы вам хотелось её открыть. Открыв анкету во вторник, вы видели одно, в среду — другое, в пятницу — третье. Мемра оценивала ваше настроение, контекст, заботы, эмоциональную нагрузку и весь тот гигантский массив данных, который она добывала из сообщений, постов, действий и прочих цифровых следов. Это было удивительным... представлением, фокусом, иллюзией, в котором тем не менее не было ни капли магии, что никак не умаляло чувство «непостижимости путей господних».

Рене очень хорошо выразил мысль окружающих: «Если об этом кто-то узнает — человечество потеряет веру в любовь». Именно так оно и выглядело. Казалось, будто вся способность человека влюбляться зависела лишь от положения слов в анкете, от логических акцентов и от ощущения удачи. Как сказал бы Чарльз в такой ситуации: «Й*б твою мать!» и всякое такое.

Нэнси не умела красиво материться, она лишь осторожно заметила, что теперь их сервис не такой хороший как ей казалось до этого:

— Это манипуляция, манипуляция. Это плохо. Очень плохо! — каркала она направо и налево.

Виктор беспокойно ходил между офисов:

— Конечно, всё правильно. Мы влюбляемся не в реальных людей, а в то, что о них думаем. Но ведь потом наступает любовь. Правда? — было не ясно, у кого именно он спрашивал, было лишь ясно, что спрашивал он не у Мо, которая наблюдала за ним издали. Все были на иголках.

Рейчел чувствовала себя подавленной весь день. Майкл догадывался, что она пропустила сквозь призму новых знаний свои старые отношения, и результат пугал её. В обед он пошёл к ней и взял за руку:

— Всё в порядке, — сказал он.

Она с сожалением посмотрела ему в глаза:

— В порядке?

Майкл осунулся:

— Понимаешь, мы считаем важными вещи, которые на самом деле нам не важны. А неважными те, что важны. Мы почти ничего не знаем о том, как мы думаем на самом деле. Мы лишь думаем о том, что мы думаем... — Майкл сбился с мысли. Сделал паузу и с улыбкой добавил: — О том, что думаем, мы думаем всякую чушь.

— Да разве дело в этом! — с негодованием возразила Рейчел. — Вся эта любовь! Чего она стоит? Воспетая поэтами, целованная философами, опекаемая государством. Чего она стоит? Расположение характеристик в анкете? Пара ожидаемых слов на стикере?!

Она вспомнила, что думала о Джеймсе, и ей стало дурно.

— Может быть это и не так плохо, — сказал Майкл.

— Это просто отвратительно! — почти закричала Рейчел.

Он взял её за руку:

— Успокойся. Всё не так. Это не отвратительно, — на него упал её недоверчивый взгляд.

— Я два месяца пытаюсь выучить сонату Гайдна, — тихим голосом сказал Майкл. — Пианист с меня, конечно, никудашный, ты знаешь. Потому что это сложно. Нужно заучить ноты, правильно ставить акценты, справиться с техникой, а ещё уловить мелодию, — он посмотрел ей в глаза, — просто голова идёт кругом. Понимаешь?

Рейчел кивнула, она понимала, как сложно научиться играть на музыкальном инструменте.

— А теперь представь, если бы влюблённость была по сложности как соната Гайдна для непрофессионала. И тебе нужно месяц, два или даже полгода, чтобы научиться. Что тогда? Рейчел с сомнением произнесла:

— Никто бы не влюблялся...

Майкл кивнул.

— Только избранные.

Рейчел поёжилась:

— Всё это как-то...

— Неприятно, отвратительно, — помог он ей. — Я знаю, — он обнял её, — но это пройдёт. Вот увидишь. Это ощущение пройдёт.

И ощущение прошло, вытесненное успехом. Проект заработал. CommuniCat получила сверхприбыли, а сотрудники — долгожданный процент.

* * *

Майкл получил возможность реализовать новую мысль, которой вдохновился совсем недавно. Он попросил Паоло видоизменить его проект топологии отношений между людьми и подменить отношения на мемы. Изменение не требовало больших усилий, так как Мемра брала человеческие идеи за основу для анализа личности. Эта мысль показалась настолько простой и естественной, что Паоло, получив первые результаты, поражался, как он сам не додумался до столь элементарной вещи. Хотя объяснение знал: его целью были сложные закономерности, а строить топологию мемов казалось слишком банальным и поэтому не стоящим внимания.

Топология мемов представляла собой несколько видов карт, на которых отображались идеи и их отношения с людьми. Если человек поддерживал идею, она показывалась одним цветом, если ненавидел — другим, если относился нейтрально — точка скрывалась.

На географической карте мемов можно было увидеть связь между идеями и людьми по геолокации. Майкл ожидал открыть паттерны культур групп и народов, но пока ничего не получалось. На карте отношений люди были расположены согласно силе отношений друг с другом. Чем отношения были более близкие, тем ближе относительно друг друга отстояли области. После на эту карту наносилась топология мемов, привязанных к их носителям.

Карта отношений вызвала настоящее восхищение. Как и ожидалось, люди, состоящие в тесных связях, поддерживали в целом одни и те же идеи, и если «перевернуть» алгоритм, то по схожести мемов можно было предсказать степень близости отношений. Это был ожидаемый результат, который доказывал основной механизм работы Мемры.

Куда интереснее было построить карту ненависти, на которой рядом были расположены люди, ненавидящие друг друга. На этот раз ответ оказался неожиданным. Многие из тех, кто питал друг к другу самые негативные чувства, делили между собой девяносто процентов схожих мемов. То есть, по сути, это были потенциальные любовники. Однако в оставшихся десяти процентах находилась одна или всего две идеи, которые возможно являлись причиной раздора. Закономерность была столь сильной, что Паоло убедил Майкла заняться научной работой, но его истинная идея заключалась в ином.

Человек с серебряными волосами в белой рубашке с подогнутыми рукавами мерял глазами расстояние от бильярдного шара до лунки и повернул голову, чтобы увидеть, кто вошёл.

— Привет, Майкл! — поздоровался Ал.

— Привет! — ответил Майкл.

Когда Ал повернулся, Майкл ощутил изменения, для которых не смог подобрать слова. Он внимательно всмотрелся в лицо Ала, которое излучало силу и уверенность.

— Как твой проект с Паоло? — спросил Ал. — Я слышал, вы собираетесь делать научную работу.
— Нам нужна твоя помощь.

Ал не без интереса глянул на Майкла.

— Я хочу запрограммировать КРАН, чтобы он переложил данные топологии мемов на человеческие эмоции.

Ал слегка опёрся корпусом на угол бильярдного стола и задумался.

— Сумасшедший гений, — произнёс Ал с примесью зависти и раздражения.

Ал уже использовал КРАН для усиления сексуальных эмоций, и не было никаких ограничений, чтобы научить прибор трансформировать информацию в чувства. Более того, если правильно переложить топологию отношений между людьми и идеями, можно добиться понимания топологии без визуальной информации. Ал посмотрел на Майкла, пытаясь разгадать, додумался ли он до того же:

— И для чего тебе это?

— Чтобы выразить отношения к идеям в эмоциях, и возможно тогда человек сможет неосознанно понимать, как идеи соотносятся друг с другом, и выносить интегральное суждение. Мы сможем на уровне чувств увидеть человека как вселенную идей. Видеть человека — как сложную эмоцию. Может даже весь мир.

Ал ещё раз посмотрел на Майкла и жёстким голосом спросил:

— Ты сам додумался?

Майкл кивнул.

— Это пришло в мою голову благодаря тебе.

Ал поднял брови.

— Из-за телепортации, — уточнил Майкл, — и из-за Бога.

В открытое окно ударил порыв ветра.

— Ты поверил? — спросил Ал.

Майкл нескладно улыбнулся:

— Поверил.

Ал подошёл к окну, рассматривая город с высоты Амор Мунди. Крохотные машины перемещались по маленьким дорогам. Чёрные точки медленно двигались по улицам.

— Ты слышал про Чарльза? — после длительной паузы сказал Ал. — Он помирился с отцом, и отец собирается возложить управление CommuniCat на него.

Майкл молча кивнул.

— А ещё он больше не матерится. Совсем, — продолжил Ал. — Уверен, ты догадываешься после чего. Хотя *post hoc non ergo propter hoc*⁴.

— Он бы всё равно это сделал рано или поздно, — сказал Майкл.

Ал остановил Майкла на вдохе:

— Я не адепт кальвинистов⁵! Поэтому не вытаскивай это дерьмо передо мной!

Ал подошёл так близко, что можно было ощутить его горячее дыхание.

— Я научу. Знания — не преступление. Остальное решать тебе!

* * *

Слабый дождь сопровождал Майкла всю дорогу, пока он не доехал до парка, на месте которого когда-то был старый железнодорожный вокзал Кёльна. Теперь вокзал располагался под землей, а

⁴ После этого — не значит по причине этого (лат.)

⁵ «Я не адепт кальвинистов» — тут Ал намекает на «центральную доктрину кальвинизма», которая оставляет за богом полный контроль за всеми событиями.

над ним красовалась современная зелёная зона с трёхэтажными террасами. Он прошёлся пешком к белокаменному собору, позаглядывал на архитектуру и острые шпили. Вдали в дымке города очерчивались контуры небоскрёбов Амор Мунди.

Майкл подошёл к дверям квартиры. Постоял перед ними некоторое время с мобильным телефоном, который играл роль ключей, и вернулся на лестничную клетку, чтобы подняться на следующий этаж. Он позвонил в ту самую дверь, что располагалась точь-в-точь над его квартирой.

Дверь открыла пожилая женщина в футболке цвета хаки с заколотыми радужными волосами. Майкл заметил, что волосы она окрасила самостоятельно. Женщина пригласила войти.

— Я ваш сосед снизу, — объяснился Майкл.

— Знаю, — ответила она.

— Вы не против, если я задам один вопрос?

Женщина приветливо улыбнулась:

— Пройдите, пожалуйста, в комнату, я приготовлю чай или кофе.

— Нет, я...

— Вы пройдите, пожалуйста, в комнату, — перебила его женщина и буквально подтолкнула в коридор.

Когда Майкл прошёл коридор и следом оказался прямо в комнате, что по размерам и расположению в точь-в-точь повторяла его собственную, он увидел странную тумбу, к боку которой были прицеплены два массивных металлических колеса. Майкл с удивлением уселся в кресло. Женщина принесла чай.

— Скажите, — обратился он к ней, — а что это? — Майкл указал на тумбу.

Женщина улыбнулась и нажала на кнопку в телефоне. Тумба зажужжала, подняла металлические колёса и бросила их на пол. Раздался характерный звук. После тумба поехала по комнате прямо, потом повернула и снова двинулась прямо, создавая знакомый Майклу шум и лязг. Майкл даже не взял в руки чашку чая. Он посмотрел на женщину.

— Это хобби, — ответила она. — Я робототехник. Конечно, в прошлом.

Майкл постарался подобрать слова таким образом, чтобы они выглядели вежливо.

— А зачем? — и это были единственные вежливые слова. — Для чего?

Женщина сделала вид, что услышала странный вопрос:

— Чтобы вызвать заинтересованность. Вы работаете в CommuniCat, которая недавно выпустила приложение для онлайн знакомств. Как же, как же, — женщина поднесла палец к губам. — Ах, вот!

В любви гарантий нет,
В любви гарантий нет,
Гарантию даёт CommuniCat!

Прочитовала она рекламный слоган.

— Никогда не слышал... — поморщился Майкл.

Они просидели в тишине какое-то время.

— А почему вы не сказали об этом прямо?

Женщина кокетливо улыбнулась, её глаза заискрились хитрым огоньком.

— А потому, что мы с вами такие люди, которые страшно не любят навязываться, — она налила себе чай и помешала ложкой для проформы. — Я поняла по тому, что вы не пришли. Знаете, я заметила, что двое очень стеснительных людей редко встречаются вместе.

— Но сейчас же я пришёл, — удивился Майкл.

— Верно, сейчас пришли. Это, наверное, потому, что что-то случилось. У меня есть теория про

стеснительных людей, — она уточнила: — конечно, конечно, стеснительные люди бывают очень разные. Я имею ввиду стеснительных людей как мы с вами, — и продолжила: — Так вот, такие стеснительные люди как мы, верят, что если пользоваться людьми зазря, то в нужный момент им откажут. Поэтому мы стараемся ограничивать себя в просьбах, общении.

Майкл пожал плечами, на что женщина заметила:

— А вы поразмыслите над своими ощущениями.

— Сегодня я попросил человека нарушить ради меня закон, — сказал Майкл.

— Просьба была важной? — спросила женщина.

— Для меня — да.

— Значит, теория работает.

Они посидели в тишине ещё какое-то время, и женщина продолжила.

— Я тут, кстати, изучаю ваш проект. На сайте написано, что вы один из его разработчиков, — она уважительно улыбнулась. — Так, знаете, что я сделала? Создала фейковый аккаунт с фотографией несуществующей женщины примерно моего возраста и начала заполнять профиль. Да, я знаю, что у вас есть умные алгоритмы для противодействия фейковым аккаунтам, но я ещё та бабушка, — она расправила плечи и поправила руками волосы, как бы выражая тем самым гордость за саму себя. — Так вот, очень интересное удалось выяснить. Сiju я в своём профиле, знаете ли, переписываюсь с симпатичными девушками и тут мне — ввух — профиль моего фейка. Открываю его, читаю: «С виду я стеснительная женщина, но лишь потому, что внутри меня горит безудержный огонь!» Мне сразу захотелось с ней встретиться, потому что эти слова — они идеальны. Идеальны для меня. И тут я понимаю, что этот профиль — мой фейк, и что я такое в анкете **не писала**. Представляете? — она сделала паузу, чтобы посмотреть на реакцию Майкла. — Да, да, конечно, вы всё это знаете. Этот текст придуман не человеком!

Женщина следила за глазами Майкла, по которым было сложно определить, насколько внимательно он слушал.

— В реальном мире мы бы никогда не встретились, потому что я ни за что бы не смогла сказать таких прекрасных слов, — произнесла она.

* * *

Тем вечером Майкл пришёл к выводу, что, избавив Джимми от страха потерять зрение, он избавится и от самого Джимми. Наблюдая над работой Мемры, он переосмыслил понимание любви. Люди сходились не ради продолжения рода, а ради продолжения жизни идей, что носили под сердцем. Мир вовсе не принадлежал людям. Он принадлежит тому, что не существовало в полном смысле этого слова, но, тем не менее, было совершенно реальным.

— Джимми, — сказал Майкл, — я поговорил с Чарльзом, и мы нашли способ вернуть тебе зрение, когда ты потеряешь его полностью. Есть такой способ. Можно вырастить в затылочной части мозга световые рецепторы и туда подавать сигнал с камер, которые будут вставлены в глаза. Эта операция конечно же стоит немалых денег, но она реальна. Кроме того, — добавил Майкл, — возможно к тому времени, как твоё зрение значительно ухудшится, появится более совершенный способ.

— Спасибо, Майкл, — поблагодарил Джимми, — но это не поможет.

— Почему не поможет? — удивился Майкл.

Джимми бросил мыть посуду и уселся недалеко от Майкла, сложив ладони на коленях.

— Я хочу сказать, если ты хочешь уйти от меня... — Джимми запнулся. — Нет. Если ты хочешь перестать приходить ко мне, — и посмотрел Майклу в глаза, — или если ты хочешь не чувствовать себя виноватым из-за меня, — Джимми подумал ещё и добавил: — Или если ты не хочешь, чтобы я мучался по этому поводу, то операция совершенно не нужна.

Казалось, Майкл понимал каждое слово в отдельности, но вместе не понимал ни одного.

— За десять лет у меня было много времени подумать, как я буду жить, когда потеряю зрение, — объяснял Джим. — Это привело к тому, что я как будто начал жить без зрения уже сейчас, хотя глаза ещё видят. С тобой у меня что-то похожее. Я был полностью уверен, что наши отношения закончились ещё тогда, через месяц от момента знакомства. Но с другой стороны мы уже два года практически живём в гостевом браке.

Майкл внимательно слушал и не перебивал.

— Каждый раз, когда ты приходишь, я заставляю себя думать, что это последний раз, чтобы уменьшить надежду на продолжение. Наверное, ты думаешь то же самое, но немного по-своему. Получается, как и с глазами. Хотя они всё ещё видят — я живу так, как будто уже ослеп.

В предложении подставилась точка. Майкл постарался не затягивать с ответом.

— Джимми, — сказал он и выдохнул, — Джим, — а после сделал ещё один глубокий вдох. — Видишь ли. Нет, — Майкл отбросил какую-то несказанную фразу и начал заново: — Я не испытываю любви вообще. Не только к тебе, Джим, а вообще. Возможно, это какая-то мутация, как с твоим зрением. Поэтому мы не в равных условиях. Вот что очень важно — мы не в равных условиях. — Майкл повторил эти слова несколько раз.

Джим приоткрыл рот от удивления, что делало его немного нелепым и одновременно симпатичным. Майкл невольно улыбнулся:

— Это необычная особенность, — пояснил он.

— Нет, — Джим остановил Майкла, — я не про это, я про другое. Ты хочешь сказать, что всё из-за «неравных условий»?

— Конечно, — ответил Майкл, — это было бы несправедливо.

— Только всё с точностью до наоборот! — сказал Джим. — Мы как раз в самых равных условиях!

Майкл не смог ответить, потому что Джим лишил его равновесия, наклонив прямо над полом, чтобы смотреть ему глаза сверху вниз. Мысли в голове Майкла сдуло ветром страсти, и на следующие пару часов они забыли совершенно обо всём.

* * *

Под утро Джимми закричал во сне так сильно, что Майкл чуть не упал с кровати. Майкл, как не самый далёкий человек от механизмов работы мозга, был очень внимательным к снам, поэтому за завтраком он попросил Джимми рассказать сон. Джимми покраснел от стыда.

— Это очень личное, — ответил он, — и мне стыдно. Но если для тебя это важно...

Майкл внутренне улыбнулся на слове «личное», словно во снах Джимми могло оставаться что-то личное после того, что они вытворяли в постели. А что, если у Джимми есть тайные сексуальные желания, которые он скрывает? Тем более!

— Конечно, для меня это очень важно.

Джимми опустил голову.

— Хорошо, я расскажу, — произнёс он тихим голосом.

Джимми приснился сон, где они вместе с Майклом гуляли по ослепительно зелёным горам, на краю которых разливалось голубое море. Они вышли к живописному обрыву, чтобы посмотреть закат. Вдруг сильный порыв ветра сбил Майкла с ног, и он оказался висящим на одной руке прямоком над скалистым берегом. Джимми никак не мог помочь Майклу. «Уходи», — сказал Майкл Джимми во сне. Джимми стал перед самым обрывом и закрыл глаза. «Уходи», — сказал Майкл второй раз. Джимми попытался сделать шаг вперёд, но не смог. Майкл отпустил руку и полетел вниз. Джимми неистово закричал и проснулся.

Майкл внимательно выслушал рассказ и озадаченно постучал пальцами по столу:

— Ты так сильно испугался из-за того, что я умер?

Джимми помотал головой.

— А почему ты тогда закричал? — ещё раз спросил Майкл.

— Потому что у меня не хватило духу прыгнуть.

Майкл удивлённо поднял брови:

— Но тогда бы ты умер.

— Об этом я не думал.

— А о чём ты думал? — с ноткой раздражения произнёс Майкл.

— Чтобы упасть вместе.

— Какой же в этом смысл?! — взвыл рациональный ум Майкла.

— Если мы упадём вместе — тебе будет не так страшно, да и мне тоже, — Джимми взял Майкла за руку. — Единственный способ быть полезным, понимаешь?

Майкл кивнул, но так и не понял, а после принялся одеваться.

— Ты сегодня не придёшь? — остановил его Джим.

Майкл почувствовал, будто его поймали, и почти что сказал «Нет», потом в воображении произнёс «Да», потом помолчал, и еле-еле по капле выдавил из себя:

— Не знаю.

Джим ушёл на кухню и больше не доставал глупыми вопросами, на этот раз первым произнести: «До встречи» пришлось Майклу, который чувствовал себя не в своей тарелке. Джимми ответил: «До» и замолк.

* * *

Майклу понадобилось несколько дней, чтобы обдумать решение, которое созрело в голове. «Если я не могу влюбиться, — думал он, — это ещё не значит, что я не могу любить». Майкл вспомнил размышления о чувстве порядка, которым выражалась привязанность Джима. «Может быть вся разница между нами состоит в том, что у меня не получается заменить пуфик на Джима? — Майкл пнул пуфик ногой как бы говоря: — Плохой пуфик, плохой».

Чтобы реализовать задуманное, Майклу требовалось наступить на чувство собственного достоинства и заглушить совесть. Он не знал, хватит ли у него духу. Но куда было деваться? А с другой стороны как же всё это было противно, ужасно, жутко!

Майкл постарался как можно меньше задумываться о последствиях и поехал к Джимми. Был пасмурный субботний день. Джимми радостно встретил его в тапочках, несколько заспанный, не проснувшийся до конца. Значит, вчера он поздно пришёл с работы, и видимо это была вторая его работа. Майкл закрыл лицо ладонью, чтобы скрыть злость к самому себе.

— Что-то случилось? — спросил Джимми.

В этом месте Майкл собирался сказать ему: «Не хотел ли бы ты пожить у меня» или: «А давай ты будешь жить у меня» или: «Я властелин Майкл, приказываю тебе, Джимми, пожить у меня» или даже так: «Я великий и ужасный Майкл, лишённый всякой совести и чувства собственного достоинства, желаю тобой воспользоваться с целью решить свои личные проблемы, пользуясь твоей неограниченной добротой, потому что на самом деле мне настолько страшно, что плевать я хотел на твои личные интересы».

Майкл не отнимал ладонь от лица.

— Нет, ничего. А ты хорошо выглядишь, — и эта фраза была верхом таланта Майкла уходить от темы. А если бы не интонация, то она прозвучала бы как откровенное заигрывание.

Джимми, который ощущал себя помятым изнутри, вспомнил, как должны выглядеть на нём старые спортивные штаны, миллион раз стиранная белая футболка, больше походившая на серую, и ответил:

— Спасибо.

Они уселись на помятую узкую кровать. Джимми положил голову на плечо Майкла, закрыл глаза и обнял его словно пухик. Майкл воспользовался этими минутами спокойствия, чтобы унять свои эмоции и собраться для нужных слов. Но слова не поддавались. Казалось, сказать их проще простого, ведь он знает, что Джимми всегда согласится на всё. И это больше всего вызывало чувство неконтролируемой агрессии.

Майкл прислушался к ровному дыханию Джимми и решил, что тот уснул. Делать нечего, спешить некуда, и, хотя работа придворным пухиком не вызывала большого энтузиазма, Майкл попытался выбросить все мысли из головы, закрыл глаза и притворился спящим. Он почувствовал, как Джимми медленно ковыряется в пуговицах его рубашки. Минус одна пуговица — минут одна плохая мысль. Минус вторая пуговица — минус ещё одна плохая мысль. Вот-вот минус третья пуговица, наконец, минус третья пуговица — и минус ещё одна плохая мысль. К пятой пуговице в голове у Майкла мыслей совсем не осталось.

Несмотря на бытовую зажатость, робость и скромность, Джимми отлично владел искусством расстёгивать пуговицы и молнии. В этой роли он совершенно изменялся, превращаясь из «человека послушания» в «творца своей судьбы». Джимми алкал из пиалы страсти так же рьяно, как человек, который старался напиться перед долгой дорогой в дюнах. Возможно, это объяснялось тем, что Майкл слишком редко дарил ему минуты близости, а больше у Джимми никого не было.

Тем не менее нельзя было не заметить разительных отличий. Между уверенностью движений, пониманием собственных желаний в сексе и преступной неуверенностью в жизни.

Когда мысли начали снова возвращаться домой, и Майкл ощутил первые нотки негативных эмоций, он не стал дожидаться, пока они отберут власть над волей, и сказал:

— Джимми, поживёшь у меня?

По глазам Майкл прочитал, что его не расслышали, а если расслышали, то не поняли, однако теперь давать задний ход было поздно. И отлично!

— Я хочу сказать, не хотел бы ты захотеть у меня пожить? Если бы ты, конечно, захотел.

Майкл чувствовал, как каждое слово будто бы вбивалось ему в язык, но терпел.

Пока Джимми молчал, по спине Майкла то и дело танцевали мурашки.

— Не против, — наконец парень произнёс эти два слова и как ни в чём не бывало спросил: — А что-то случилось?

Майкл покачал головой.

— Нет, всё хорошо, — произнёс Майкл, провожая мурашек.

* * *

И в самом деле всё стало лучше! Джимми поселился ближе к работе, получил официальное право владения пуговицами, молниями и всем, что за ними скрывалось. Майкл, наконец, мог на время отодвинуть мысли о полноценности и заняться своим проектом, а перед этим решить ещё один важный вопрос, который его волновал.

— Алло! Добрый вечер, Антонио! Как поживаешь? — зазвучал голос Майкла.

— Хола, амиго! Отлично поживаю, а ты? — ответил голос с другого конца.

— А я...

— Не может быть?! — прервал Антонио. — Дай угадаю, высокий красавчик и блондин?
— Почти, низкого роста, шатен.
Прозвучала всеразоблачающая пауза, а после расстроенное восклицание:
— Джимми что ли? Ми чико!
— Да.

Антонио значился в списке контактов как QV, где Q — означала Queer, а V было от слова «value» оно же «valioso» оно же «valuable», оно же «ценный», и говорило о том, что Антонио являлся не только хорошим любовником, но и человеком, к которому можно обратиться за помощью. Именно это и сделал Майкл.

* * *

Антонио играл на нескольких полях, потому что неуёмной энергии в нём бурлило в два раза больше. Его первое увлечение — нейрохирургия — позволяло копаться в мозгах других, его второе увлечение — реабилитация — позволяло «восстанавливать тело» после того, как мозги уже накрылись, и наконец — гребля! Гребля делала всё сразу: вставляла мозги, восстанавливала тело и убивала время! Главное, не перепутать с формулой Чарльза: убить мозги, вставить в тело и на*й время!

Поэтому Майкл выбрал единственно верный способ — отдать Джимми на греблю. На самом деле это была не просто гребля, это была гребля человека, который занимался мозгами и реабилитацией. Или если говорить простым языком: никакой гребли не было. Зато — солнце, вода, река, игры и хорошая компания. Именно хорошая компания по мнению Майкла и требовалась Джимми, а Джимми как-никак требовался хорошей компании.

Он тихой сапой зарабатывал себе на внимание и репутацию. Но очень быстро участники «гребли» осознали, что Джимми им никак не загрести, а Джимми понял, что его счастье плавает в другом болоте.

Как-то Антонио завёл его в палату с двумя девочками на четвёртой стадии лейкемии. Потом ему пришлось водить его снова и снова, снова и снова, а потом не только к девочкам, и не только к детям. Джимми нашёл место, где он стал по-настоящему популярен. И, чёрт побери, насколько это место оказалось недалеко от кладбища. Тем не менее эффект на лицо. Джимми избавился от кошмаров!

Антонио настолько был восхищён Джимми, что позвонил Майклу и сказал: «Амиго! Я редко тебе советую, и так же редко вижу людей, в которых нет страха или отвращения к смертельным болезням. Подними свою задницу и устрой мальчика в медицинский! С ума сойти, какой парень! Он просто должен стать реабилитологом».

* * *

Чарльз составил программу для аэронавера — новенькой игрушки, которую он мог себе позволить. Солнце улыбалось с поверхности новых гладких органических экранов. Майкл с удивлением смотрел на новую машину, которая скорее походила на бабушкин пирожок, чем на самолёт. С тех пор как Ал вернулся в Канаду, больше никто не мог подловить Чарльза на сквернословии, может быть поэтому сегодня он был одет во всё белое: белые укороченные джинсы, белая пайта, белая кепи и конечно же белые кроссовки на высокой подошве с автоматической застёжкой. Белоснежный вид Чарльза дополняли забавные чёрные очки, похожие на знак бесконечности.

Майкл пригласил Джимми, чем выбил ироническую искру из глаз Чарльза. Старая компания сорвиголов почти в сборе. Не хватает лишь Паоло, который в этот самый момент ждёт гостей на

даче.

— Что-то нас не очень много для пикника, — сказал Майкл.

— Это будет семейный пикник.

Майкл подумал, что Паоло наконец познакомился с девушкой и позвал друзей. Однако он не мог объяснить, почему не приглашены другие сотрудники отдела.

Аэронавер включил двигатели и мягко поднялся в воздух, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

— Их всего сто во всём мире, — похвастался Чарльз.

— А он не упадёт? — спросил Майкл.

— Если упадёт, CommuniCat получит несколько миллионов, — улыбнулся Чарльз и, заложив руки за голову, сказал: — Играть «мяу». В салоне аэронавера зазвучал мягкий Chill.

— Вот в этом я ни на миг не сомневался! — ответил сквозь музыку Майкл. Чарльз поправил модные очки и кивнул в знак согласия.

Аэронавер поднялся над домами и рванул вперёд. Он легко покинул пределы Кёльна, а за пятнадцать минут уже летел вдоль Рейна, преследуя ветер, гуляющий над скошенными лугами.

— Вы встречались с Алом перед отъездом? — спросил Чарльз, как только между треками повисла пауза.

— Нет, — ответил Майкл.

— А я думал, между вами всё серьёзно, — сострил Чарльз, совершенно не переживая о том, что его слова попадут в уши Джимми, который рассматривал убегающие дороги. Майкл не подал виду.

— Джим, а, Джим, ты ещё не устал гоняться за Майклом? — Чарльз попытался обратить на себя внимание. Джимми оторвался от окна, чтобы обдумать ответ. Он хотел сказать, чтобы Чарльз перестал ревновать, но подумал, что это будет грубо.

— Как и ты, — коротко ответил Джимми.

— Я? — притворно рассмеялся Чарльз. — Парень, мне ничего не нужно.

Майкл решил прервать этот неприятный разговор:

— Он не устал гоняться, он просто позволил себя поймать.

Последнее время ему не о чем было поговорить с Чарльзом, словно вместе с обценной лексикой Чарльз потерял яркие краски, превратившись в обычного денди-мальчика, который любит дорогие игрушки, духи и алкоголь.

Всего за десять минут аэронавер преодолел требуемое расстояние и приземлился на зелёной лужайке перед дорогой, недалеко от маленького ресторанчика, напоминавшего своим оформлением пароход с гребным колесом. Друзья преодолели пару сотен метров и очутились в частном секторе из аккуратных ухоженных домиков, высаженных словно цветы на столь же аккуратных и ухоженных улицах. Нужный им дом выделялся гигантской ивой, которая раскинула зелёные руки как бы зазывая гостей.

Гости прошли вдоль забора из разноцветного камня до ворот и попали во двор. Красные настурции с любопытством выглядывали из окон, в саду под ногами шептались львиные зевы, бегонии величаво осматривали пришедших, а фуксии со свойственной им простодушностью протягивали язычки тычинок навстречу восторженным взглядам.

С левого края двора возвышался высоченный дуб, под кроной которого расположились знакомые лица, среди них нашлись Паоло и Рейчел. Паоло поздоровался с Чарльзом, пожал руку Джимми и отвёл Майкла в кухню на пару слов.

— Майкл, видишь вот того парня у дерева, — сказал он, показывая пальцем на подростка с

молочно-медным оттенком кожи, стоявшего во дворе. — Это Микеле Чандр. Тот самый ребёнок. Я взялся быть институциональным родителем, и мы выбрали друг друга.

Майкл с искренним удивлением смотрел на Паоло.

— Но как же, он же музыкант...

— Нет, — перебил Паоло, — ему больше нравится математика. И я бы хотел, чтобы всё это осталось между нами. Вся эта ситуация...

— Понимаю, — ответил Майкл.

Если бы Паоло сказал Майклу, что по ночам надевает женские платья и танцует в кабаре, Майкл и тогда бы не удивился так, как сейчас. Они никогда не говорили с ним про детей и теперь Майклу показалось, что он пропустил что-то важное.

— И да, — добавил Паоло, — он очень хочет познакомиться с тобой и твоим проектом. Я вас представляю.

* * *

Для Микеле знакомство с Майклом станет одним из самых важных вех в жизни. Ещё вечером он напишет на страницах дневника: «В субботу мы встретились с коллегой папы (или они друзья?). Мы с ним почти как тёзки. Он кажется ребёнком. С ним классно. Жаль, у меня нет таких друзей». В тот день ему уже исполнилось тринадцать лет. Он перешагнул важную черту взросления. Новые ощущения, новое восприятие мира. Первые мысли о том, что детство вот-вот пройдёт. Чувство ответственности за весь мир. Именно такие ощущения испытывал Микеле, когда произносил слова:

— Нужно обязательно закрыть этот сервис, чтобы люди перестали знакомиться со своими идеальными копиями.

Майкл внимательно выслушал и произнес:

— То есть, ты считаешь, что алгоритм Мемры нарушает некое природное совершенство?

— Да, — кивнул подросток.

— Но ведь он построен так, чтобы люди находили идеальных партнёров.

— Верно.

— Не понимаю, — удивился — Майкл.

— Мемра находит идеальную пару с точки зрения самой пары. Но как насчёт социума? Насколько два идеальных партнёра будут идеальными для других людей?

Майклу понадобилось время, чтобы переварить эту фразу:

— А какое дело другим до моих отношений?

— Потому что мы люди. Мы есть, пока есть такие же как мы.

— Мы есть пока есть такие же как мы? — повторил Майкл сам для себя. — Откуда ты это взял?

— Ниоткуда. Сам придумал. — сказал Микеле и после паузы добавил, — Я могу задать глубоко личный вопрос?

— Валяй.

— Человек, с которым ты прибыл, он для тебя — идеальная пара?

— Джим? — уточнил Майкл. — Конечно, нет.

Микеле ожидал совсем другого ответа, он посмотрел на Майкла как порой смотрит исследователь на новое неизведанное ему явление:

— Это как?!

— Вот так.

— Ты что, его не любишь?

— Нет.

Микеле чуть не подпрыгнул от неожиданности, как если бы в личной тайной лаборатории

открыли новый вид кишечной палочки с признаками интеллекта.

— Расскажи мне об этом! — закричал Микеле, схватив Майкла за руку.

Майкл ощутил себя в новом качестве, до сих пор ему неизвестном. Оказалось, что его ничем не примечательная жизнь может вызывать восхищение и неподдельный интерес. Ему казалось, что уж чья, чья, а жизнь Чандра была больше наполнена самыми разными событиями. Странное рождение, нелепые контракты, ненависть сверстников, отвращение взрослых. Человек ещё не успел родиться, а его уже ненавидели почти все и непонятно за что.

Майкл посмотрел на перевозбуждённого мальчика и спросил прямо:

— Что тебя так восхищает?

Чандр забавно улыбнулся большими пухлыми губами:

— То, что очень многое непонятно в людях.

— Тебя это радует?

— Ну да, мне же не нужен телескоп, микроскоп, космические корабли, всё, что мне интересно, есть прямо здесь!

Майкл бездумно поводил веткой по песку.

— Не нужен ни микроскоп, ни телескоп, — повторил он вслух. — Люди порой так далеки друг от друга, что ни телескоп, ни космический корабль, ни квартира, ни дети, ни влюблённость, ни любовь не способны сблизить их по-настоящему.

* * *

Если бы во всемирную сеть уплыло заседание суда земель Северного Рейна-Вестфалия, то Лулу могла претендовать стать самым настоящим мемом. Молодой человек, источник текущих её проблем, как раз давал обвинительные показания.

— Скажите, как давно вы знакомы с Лулу Ланг?

— Пол. Полгода, — ответил молодой человек.

— Вы являетесь менеджером отдела закупок?

— Да, — парень неуклюжим движением постарался поправить галстук, на котором виднелось пятно от вишнёвого штруделя. И всё бы ничего, да галстук был голубым, а пятно походило на чёрный квадрат Казимира Малевича. Это создавало цветовой диссонанс. Лулу смотрела на галстук и пыталась сдержать улыбку.

— А Лулу Ланг — сотрудник вашего отдела?

— Точно, — мужчина закрыл пальцем пятно.

— Расскажите, каким образом над вами было совершено сексуальное насилие.

Молодой человек, который был на голову или две ниже Лулу и раза в два тоньше, поёжился в кресле.

— Ну она постоянно говорила о моём... — молодой человек посмотрел в сторону, — я хочу сказать, — и в другую сторону, — как это.

— Вы про пенис?

— Про что?! — возмущённо напуганным голосом спросил пострадавший.

— Пенис.

Выпучивая глаза словно надувной змей молодой человек произнёс:

— Член, — он сглотнул и с хрипом продолжил: — У меня член, ваша честь.

Судья с лёгким недоумением посмотрела на пострадавшего.

— Допустим, член, — констатировала судья, которая потеряла нить допроса. — И что случилось с вашим членом?

Пострадавший тоже потерял нить допроса и ответил:

— Он есть!

Лулу закрыла рот рукой.

Судья посмотрела на экран, чтобы вернуть заседание в рабочую колею.

— Значит, подсудимая Лулу Ланг говорила о вашем пе... члене?

— Да.

— И что именно она говорила?

Молодой человек напряг память:

— Она сказала, чтобы я его оторвал.

Судья снова посмотрела на пострадавшего удивлёнными глазами, которые задавали немой вопрос.

— И как вы отреагировали на слова Лулу Ланг? — спросила судья.

— Конечно, отрывать я ничего не стал, — объяснил пострадавший.

— А после?

— И после тоже отрывать не стал! — с негодованием ответил молодой человек.

Судья спокойно переформулировала вопрос:

— Суд имеет ввиду, как вы отнеслись к Лулу Ланг. Как вы отреагировали на её слова.

Молодой человек убрал палец с пятна и ответил:

— Я её игнорировал.

— Что произошло после?

— Всё повторилось, — ответил пострадавший.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее.

— Она пришла на работу, я пришёл на работу. Она указала пальцем на мой, мой член и сказала: «Удали это».

— Как вы ответили на её реплику?

— Я возмутился! Сильно возмутился! Я сказал, что ЭТО не её дело!

Молодой человек, имя которого растворится в истории быстрее, чем сойдёт пятно с голубого галстука, допустил две непростительные ошибки. Первая ошибка состояла в том, что он был склонен набирать в свой штат только женщин, пользуясь связями матери, которая, между прочим, подарила ему великолепный голубой галстук с крохотными золотистыми звёздами, одна из которых безвозвратно погасла за пятном вишнёвого штруделя. Эта, несомненно, дурная традиция рано или поздно должна была дать губительные плоды. Вторая ошибка господина, или, как говорили в тех краях, «хера» молодого менеджера, состояла в способе привлечения женского пола.

Свою задачу управления отделом закупок менеджер видел следующим образом. Дано: высота офисного стола — восемьдесят сантиметров. Максимальная высота сотрудниц один метр и шестьдесят пять сантиметров, что на шесть сантиметров меньше «хера»-пострадавшего-менеджера. Задача: требуется рассчитать линию взгляда сотрудниц отдела при условии, что они сидят за рабочими столами, а господин менеджер ходит по офису. Все расчёты сводились к тому, что как ни крути, а взгляды женщин будут устремлены в область ширинки. А раз так, то молодой человек решил, что использование небольшой бутафории с целью визуального расширения органа мужской гордости будет способствовать эстетическому наслаждению отдела.

Летом случилось непредвиденное: мать молодого человека на семь дней попала в больницу. Этого времени хватило, чтобы в отдел пробрался чужой. И хотя инструкции матери был в целом истолкованы правильно, в том смысле, что чужой оказалась особа женского пола, остальные характеристики навевали ужас на фауну отдела. Лулу Ланг была крепкой девушкой с косой саженью в плечах в два метра ростом, поэтому молодой менеджер посадил её за самый дальний столик.

Однако это не спасло ситуацию. Лулу быстро поняла скрытый смысл дневных обходов менеджера по местам и очень скоро указала ему прекратить «вилять хвостом» на рабочем месте.

— Кто-то может подтвердить ваши слова? — спросила судья у Лулу.

— Хех, одно дело — может, другое — хочет, — ответила Лулу, — Почему бы вам не посмотреть самому? — без стеснения предложила она судье.

Судья переглянулась с приставом.

— Разве это не нарушение закона? — не сдержался молодой человек, на чём дело было закрыто, а Лулу получила свою законную компенсацию за ложное обвинение в харассменте.

* * *

Лулу Ланг — в прошлом успешная спортсменка по академической гребле, много обещавшая миру и внезапно исчезнувшая с радаров популярности. Женщина, красоту которой подчёркивал короткий блонд и красивый торс с крепкой аккуратной грудью, и высокий рост которой не был препоной на сексуальной охоте. Её любимчиками были стайеры, бегуны на длинные дистанции, служившие аэробному богу выносливости, а не богу мышечной массы. Пока Лулу находилась в поле спортивных поездок и соревнований, от ухажёров не было отбоя. Впрочем, она нисколько не стеснялась активной роли на войне свиданий.

Лулу обладала отличной волей к победе, и другими полезными качествами спортсменки, но вот макиавеллевского искусства интриг ей не хватало. Она резко реагировала на ложь, близко принимала несправедливость к сердцу, что сослужило ей плохую услугу в спорте.

Как только Лулу покинула большой спорт и поселилась в Дюссельдорфе, она столкнулась с социальной изоляцией. Теперь все её знакомые существовали где-то, онлайн, не рядом, и для человека, который всю свою жизнь привык к непосредственному контакту, новый ритм жизни казался чужим. Знакомиться онлайн Лулу не желала, те мужчины, которых она встречала в барах, ей не подходили. Она вообще не понимала, как можно найти кого-то среди железобетонных джунглей. Это был первый раз в жизни, когда Лулу задумалась о длительных отношениях, так о способе не тратить уйму времени на поиски мужчин. Она только теперь поняла, в каком прекрасном мире жила прежде, где секс был чем-то вроде общения, а ритуал выбора почти отсутствовал. Люди встречались, расходились, общались, радовались. Тем временем последняя неудача на работе и суд заставили Лулу покинуть Дюссельдорф и перекочевать в Кёльн к бабушке. Кроме экономии денег Лулу не получила от этого переезда ровным счётом ничего.

Лулу слышала про сервисы онлайн знакомств, но стеснялась пользоваться, пока одиночество окончательно не толкнуло её на первый шаг. Она обречённо взяла телефон, вошла в «One day, one love», как пелось в какой-то песне, и к своему удивлению в тот же день встретила симпатичного стайера. Жан как и она в прошлом — спортсмен, наделённый искромётным юмором, лёгким налётом наглости, — понравился ей сразу. Он отвёз её в Амор Мунди, чтобы после горячего секса познакомить с остальными участниками особой группы.

Они называли себя «идеальным кругом». Группа как цисгендерных так и нет мужчин, женщин, которых связывали рекомендации сервиса «One day, one love». Каждый из группы находил себе идеальную пару. Когда же влюблённость угасала, а дружеские связи оставались, бывшие партнёры находили новую любовь, тем самым расширяя круг.

Жан придумал «идеальный круг» сам. Лулу очень понравилась идея, так как она напоминала ей мир спортивного прошлого. Почти все участники группы были симпатичны друг другу. Их объединяла не только сексуальная энергия, но и новые неожиданно тёплые дружеские отношения внутри. Для Лулу такой была семья, для Жана такой была его первая семья. Он рассказывал ей, как долго мечтал заполучить настоящую семью, как ужасен новый закон про институциональные семьи, где родителей не будет вообще, а за ребёнком станут следить

несколько человек. Лулу не понимала истоки отвращения Жана, но Жан ей нравился, и она переняла его эмоции как свои.

Тем временем Европейский Союз утвердил экспериментальный этап для институциональных семей. Частью программы должны были стать дети из детских домов старше двенадцати лет. Свежую волну негодования привлекло уже знакомое имя Микеле Чандра, который, лишившись приёмных родителей в результате скандала, пребывал в платном интернате для одарённых детей Флориды.

Ситуация Микеле была безрадостной. Условия завещания не предполагали никаких средств, инструкций, поэтому потеряв своих приёмных родителей, Микеле оставался совершенно один, а главное, лишённый всяких денег, что делало невозможным его дальнейшее пребывание в интернате. Найти же новых родителей оказалось задачей невозможной. Если Микеле не ненавидели, его уж точно не любили, и никакая семья не пожелала бы стать центром внимания прессы.

Закон про институциональные семьи решал многие проблемы. Он давал возможность Микеле выбрать себе родителей, которые бы с точки зрения современного общества имели с одной стороны статус воспитателей, а с другой стороны — близких людей. Родителей не выбирают? Как бы не так.

Может быть, здесь таился скрытый дракон ненависти? В том, что Микеле мог выбрать себе родителей? Лулу не знала, не понимала. Всё, что она делала — пропускала через себя чувства Жана, впитывая в себя часть его «Я». Это единство дарило ей наслаждение и неповторимое чувство осмысленности бытия.

* * *

Прошло ярких три года. К Амор Мунди снова подкралась зима, раскрыв плащ из хмурых облаков, которые иногда сбрасывали вниз редкие снежинки. Серебристый кейс уже поднимался в лифте вместе с человеческой фигурой, укутанной в пальто. Когда кабина остановилась на последнем этаже, чёрные ботинки застучали по стеклянным квадратам, из которых исходило зыбкое сиреневое свечение. У гигантского панорамного окна стояла другая фигура в тёмной водолазке, которая смотрела на закопченный город. Она уже услышала мягкий стук шагов, но не спешила поворачивать голову навстречу.

— Я здесь, — мягким эхом раздался голос фигуры в пальто.

Вторая фигура молча повернулась лицом.

— Хочу поздравить тебя со вступлением в должность директора компании, — сказала фигура в пальто.

Вторая фигура поблагодарила, а фигура в пальто раскрыла серебристый кейс, чтобы достать сегменты КРАНа, и начала собирать прибор.

— Что я увижу?

— Ты увидишь и почувствуешь.

— Это безопасно?

— Не более, чем твоя жизнь.

Одна фигура помогла другой надеть КРАН.

— Сейчас инициализируется связь с главным сервером. КРАН связан с GPS и компасом, поэтому положение твоих глаз ему известно. Ты увидишь точки — это люди. Цветовые ауры вокруг них — идеи, носителями которых они являются. КРАН синхронизирует твои эмоции с тем, что ты видишь, таким образом, что ты сможешь понимать, какие идеи наблюдаешь на всех уровнях сознания.

— И это круче секса?

— Посмотришь.

Когда главный сервер закончил процесс связывания КРАНа, тёплая волна прошла по телу, мышцы сжались и перед глазами Чарльза возникли тысячи маленьких огней, словно огни ночного городе. Огни двигались или дрожали, окружённые радужным свечением. Каждый цвет отдавался в голове неповторимой эмоцией от радости до гнева. Вместе они складывались в хор, проявляя интуитивное знание о том, что за идея перед тобой.

Он увидел, как и где идеи поглощали, объединяли и разобщали людей. Увидел озёра радости, разрастающиеся ручьи ненависти и вспышки надежды, которые проходили сквозь него словно туго натянутые нити судьбы, связывающие всё живущие все. Силой воли он перемещался по этим нитям, впитывая в себя мир, в котором люди были лишь воздухом, средой для идей. Люди влюблялись в идеи, выходили замуж за идеи, дружили с идеями, боролись с идеями, и, наконец, занимались сексом друг с другом, создавая среду для идей.

Он повернулся в сторону фигуры, от которой исходило ярко-голубое свечение с красными лепестками по краям и не только увидел, но и ощутил всем сердцем сущность Майкла. В сознании возникла идея, что если бы Ал был здесь, и если бы он правда был Богом. Если бы Бог был здесь и сейчас — то это и есть его взгляд на мир. Истинная красота, истинная суть мира, спрятанная за человеческими мурмурациями.

Чарльз упал на колени. Майкл деактивировал КРАН и опустился перед Чарльзом, чтобы обнять ладонями его лицо, по которому текли слёзы.

— Теперь ты видишь и чувствуешь.

— И знаю, что внутри тебя.

— Конечно, знаешь, Чарльз. Ты должен закрыть CommuniCat и уничтожить Мемру.

Чарльз медленно отходил от эмоционального шока:

— Разве?

Майкл кивнул:

— Изменения в людях, которые ты увидел — результат деятельности CommuniCat. Будучи главой компании, ты несёшь моральную ответственность.

— А ты? — спросил Чарльз.

— Мы все, — ответил Майкл. — Поэтому каждый из нас обязан сделать то, что должен.

* * *

Микеле исполнилось шестнадцать и Паоло договорился с Чарльзом устроить ему публичное выступление. Не то, чтобы Микеле мечтал о карьере певца, но ему хотелось показать себя публике: «Они думают, что я прохожу сквозь стены, почему бы им не узнать, что ещё я умею петь», — сказал юноша. Красные огни и сладкий глицерин наполнили зал Амор Мунди, на сцене которого появился подросток с выразительными губами. Зазвучал синтезатор, вступили ударные и в пустоту запел голос серебряного цвета:

Снам не убить усталость,
Врагам не видать конца,
На картах исчерпана ясность
Путей для спасенья себя.

Чёрная грязь под ногтями,
Кофе остывший внутри,

Любовь — бензин для морали,
Мораль — бензин для любви.

За окнами Амор Мунди крапал мокрый снег оседая на блестящих окна небоскрёба, где люди пили алкоголь и слушали мрачный припев:

Сколько машин морали?
Сколько машин любви?
Сколько машин печали?
Сколько машин судьбы?

Где-то в зале сидел Паоло, он следил за парнем на сцене, стараясь поймать его взгляд:

Раб избежал свободы —
Душа обрела раба.
Мораль — любовница моды,
За которой только слова.

Без слов не сделать удара.
Слово — оставленный дар.
Удар в сплетение страха,
В сплетение лжи удар.

Паоло думал, что ещё ни разу в стенах Амор Мунди не звучало ничего подобного, меланхолически депрессивного и мрачного.

Сколько машин морали?
Сколько машин любви?
Сколько машин для печали?
Сколько же, сколько?

Столько машин морали.
Столько машин любви.
Столько машин печали.
Столько машин судьбы.

Из закоулков ресторана вышла фигура с серебристым кейсом в руках. Паоло немного привстал из-за стола, чтобы его можно было увидеть, поднял руку вверх.

Таких нет лимитов страсти,
Границ нет таких «добра»,
Сколько машины счастья
Выдают из меня.

Небо седое снегом
След затирает от шин:
Крики машин морали,
Песни любви машин.

Майкл увидел его, поправил мокрые волосы и направился к столику.

— Что он ответил? — спросил Паоло.

— Он плакал, — сказал Майкл.

— Это не ответ.

— Нет, не ответ.

Майкл посмотрел на сцену, где у микрофона стоял Микеле Чандр. Капли пота струились по лицу подростка, который в этот момент отдавал всю силу голоса последнему припеву:

Сколько машин морали.
Столько машин для любви.
Сколько машин печали.
Столько машин для судьбы.

Только машины морали.
Только машины любви.
Только машины печали.
Только машины судьбы.

— Он написал эту песню после «Взгляда Бога», — поделился Паоло.

— Знаю, — кивнул Майкл, — но пусть лучше под моим контролем. Всё равно бы нашёл способ добраться до него, — и добавил: — Когда мы уничтожим Мемру, больше никто не сможет воспользоваться «Взглядом Бога». Хотя, я бы хотел, чтобы каждый человек хотя бы раз в жизни имел возможность посмотреть на мир этими глазами.

— Может, стоит её сохранить? Всё равно кто-нибудь другой изобретёт заново рано или поздно.

— Рано или поздно, но не сегодня. Главное — не сегодня.

Глава 6. Машины морали

Лулу не любила читать новости. Читать новости любил Жан, поэтому сообщал он. Она слушала. Сегодня побили очередного «зомби». Зомби — так в глобальной сети называли людей, не имеющих электронных следов. То есть, у них мог быть аккаунт, но они ничего не писали, не постили фото и не записывали видео. Для Мемры такие аккаунты выглядели пустыми клетками. О «зомби» Лулу тоже рассказал Жан. За последний год случилось десять таких нападений. Нашлись программисты, которые вычисляли «зомби» по пустым профилям, помещали имеющиеся данные в Базу. Ходили слухи, что кто-то пустил по сети специальный вирус, отслеживающий зомби, и ворующий с их компьютеров личные данные.

Новости про зомби вызывали ощущение беспокойства. Последнее время это чувство снова вернулось к Лулу, но она не могла найти его источник. Внешне всё было отлично. Был Жан, была семья, новая семья: идеальный круг. Жан устроил Лулу фитнес-тренером. Появилась работа. Но беспокойство не проходило.

В сети ходили разговоры. Много разговоров. Разных разговоров. В пабликах, в зашифрованных чатах. Народ обсуждал институциональных родителей. За ними также открылась охота. В darknet (нелегальной сети) сливали личные данные, утёкшие из правительственных баз. Говорили про ребёнка, рождённого из замороженной яйцеклетки, о том, кто он на самом деле. В сети попало видео выступления Микеле в Амор Мунди. Говорили всякое. Что Микеле Чандр — не человек, что он — искусственная органическая машина. Что правительство создало его для замены людей. Что теперь всех натуральных будут травить или ждать, когда они умрут своей смертью.

Появились группы, посвящённые естественному деторождению. Вспылили давние страхи ЭКО. Лулу сама подписалась на эти группы и была в них активным читателем, а позже получила статус модератора. Жан уже несколько раз обсуждал с ней вопросы деторождения, Лулу серьёзно решила накопить деньги на ребёнка. Ходили слухи, что, после полного одобрения закона про институциональную семью, детей станут насильно забирать у биологических родителей. Всё это выглядело крайне логичным. Жан говорил, что институциональные родители — это специально отобранные для воспитания детей люди, с учётом их эмоциональных качеств и генетических склонностей к воспитанию. А возможно это и вовсе не люди, а созданные органические тела

наподобие мальчика из замороженной яйцеклетки, которому «вынули» некоторые важные человеческие гены и родили неестественным способом.

Жан так же рассказывал, что когда-то давно на земле открыли генную инженерию и начали тотально вмешиваться в геном растений и животных с целью получить требуемые свойства. Потом настала очередь людей. Но теперь этого мало, так как современные вирусы настолько хорошо адаптировались к новым лекарствам, что даже генная инженерия не способна остановить их распространение. Для решения проблемы учёные придумали новый тип ДНК, которым можно заменить старый, и разработали особые вирусы, меняющие химию клетки. Но пока эта технология настолько сложна, что применить её можно только к одноклеточным организмам. Именно поэтому её использовали на замороженной яйцеклетке. Опыт прошёл удачно. Микеле Чандр — первый из таких организмов. Только он вовсе не человек — это новый вид, новый класс, новое существо во вселенной. Говорят, он способен читать мысли, жить под водой или даже левитировать, хотя в последнее Лулу верилось слабо. Она никогда не думала, что реальный мир может быть настолько запутанным.

Тем временем идея «идеальных кругов» разрасталась с невиданной скоростью, и блог Жана стал хедлайнером нового движения. Он рассказывал о том, как правильно использовать сервис знакомств для поиска людей идеального круга. Лулу решила последовать примеру своего парня, одолжив хороший микрофон и камеру, она принялась записывать влог. Её нестандартная внешность, голос, здоровое спокойствие и уверенность взорвали сеть. Всего за пару недель она обогнала Жана по подписчикам и вырвалась в ТОП трендов, конкурируя с каналом «One day — One love», который вёл Виктор, тот самый Виктор, который был одним из разработчиков Мемры, и тот самый Виктор, который знал о тонкостях CommuniCat.

После того, как компания выпустила новый сервис знакомств «One Day — One Love», Виктор, предварительно получив разрешение от отца Чарльза, немедленно открыл канал по освещению внутренней кухни. Популярность компании привлекала внимание к его контенту и очень скоро Виктор превратился в человека, которым мечтал стать всю жизнь, — в селебрити.

Когда Виктор увидел на горизонте прямого конкурента в виде Лулу, он не мог не отреагировать. Очень быстро адвокаты компании составили жалобу в судебные инстанции с целью закрыть канал конкурентов, который использовал сервис CommuniCat не надлежащим способом. Лулу, не успевшая пожать плоды популярности, оказалась в состоянии полного бессилия. Но это не продолжалось долго. Годами тренированная справляться с трудностями, она быстро воспряла духом аки феникс из пламени судебных кабинетов.

Вместе с Жаном она записала обращение к подписчикам с просьбой поддержать канал. Так началась первая война за право на новый вид отношений. Как известно, война, сближая одних людей, разобщает других. Так случилось и в этот раз. Алгоритмы Паоло засекли рост сегрегации в обществе, а синтетические оценки ненависти зашкалили невиданными значениями.

Это было последнее, что Паоло и Майкл смогли прочитать из данных Мемры, пока их не уволили с работы.

— Это та самая причина, почему я отказался помогать тебе, Майкл. Неумение просчитывать шаги врага наперёд, — сказал Ал, улыбаясь во все тридцать два зуба, — что никак не отнимает твоих талантов. И, конечно же, талантов Паоло. И всё же вы не созданы для войны.

— Войны? — переспросил Майкл.

— Именно войны, дорогой, — подтвердил Ал. — А ты мотай на ус, молодой адепт мысли, — посмотрел он в сторону юноши, который что-то писал в телефоне.

Ал, Майкл, Джим, Паоло и Микеле сидели в узкой компании перед окнами, выходящими в зимний сад. Старый тёмный дуб, лишившийся зелёных листьев, одиноко стоял в углу двора.

— Спасибо, что приехал, — поблагодарил Паоло.

— Конечно, приехал! — сказал Ал. — Чтобы вы без меня тут делали! — он загадочно посмотрел на Майкла и на Джима, который сидел рядом, — так значит, «Взгляд Бога»? Сам придумал?

— Извини, без доступа к Мемре, — начал было Майкл.

— Брось! Меньшего от тебя я и не ожидал, — похвалил Ал. — Но, честно говоря, удивлён, что ты смог проработать эмоции настолько хорошо и всего за пару лет. Соглашайся на предложение. Ты, Паоло и ваш сын. Я правильно называю? — Ал вопросительно окинул взглядом присутствующих.

— Да, переезжайте в Торонто все, вам понравится! Волшебная зима, сказочная осень, а не то, что тут! Полумеры какие-то, — предложил он.

Майкл глянул на Паоло и сказал:

— Мы бы хотели, чтобы ты забрал только Микеле. На какое-то время, пока ситуация не утихнет.

Ал развернул спинку стола лицом к себе и сел верхом.

— Если бы вы позвонили мне до того, как придумать «хитрый» план с Чарльзом, я бы объяснил вам, почему он нереален. Вы не рассчитали самого главного: Чарльз топ менеджер компании, но его отец всё ещё жив. А он сын своего отца. И почти всегда был им, если бы не...

Ал остановился, подумал над словами и продолжил:

— Вам нужно воспринимать Чарльза как альянс двух личностей. Первый Чарльз — примерный сын своего отца, воспитанный робот, или, если хотите, как поёт Микеле: машина морали, — Ал показал большой палец вверх. — Второй же Чарльз ненавидит первого до глубины души, и поэтому постоянно ругается матом. Эти яростные слова, которые как капли лавы разбрасываются из его рта — следы внутренней битвы.

Ал с удовольствием наблюдал внимательные взгляды собравшихся вокруг него.

— Именно поэтому, Майкл, именно поэтому шанс был раньше. Но я всё испортил!

— Значит это был... секс? — осторожно спросил Майкл.

Ал властно кивнул головой.

— Да! Но истинная причина, конечно, не в КРАНе. Он что-то вообразил. Что-то или кого-то, что изменило личность.

— Это возможно? — спросил Чандр.

— Да, парень, — кивнул Ал, — как видишь, возможно!

Канадский гость поднялся со стула:

— Вообще я очень удивлён, что вас до сих пор не арестовали по подозрению в промышленном шпионаже. Наверное, Чарльз понимает расклад. Если кто-то из вас дёрнется — не видать вам парнишку как своих ушей. А иначе ему тоже не хочется попасть в тюрьму. Скажите спасибо, что вы так много знаете!

За окном падал мокрый снег. Ал торжественно зашагал по комнате, посмотрел в окно, и со всей ответственностью заявил:

— Друзья, не буду скрывать своих высоких надежд касательно вас, — обратился он к Паоло и Майклу. — Вы отличные профессионалы, и даже больше. Твоя идея, Майкл, может стать новой вехой в истории развития человечества, и канадское правительство готово поддержать тебя в твоих начинаниях. Не сомневаюсь, что Паоло сможет написать аналог Мемры, но уже не с целью организации сервиса знакомств. Это будет новый инструмент для совершенствования мира.

Паоло и Майкл переглянулись. Микеле Чандр оторвался от мобильного телефона, в котором перед этим что-то набирал, и вмешался в разговор взрослых:

— Очень необдуманное решение, — заявил он.

Ал с улыбкой посмотрел на подростка:

— Разве тебя не вдохновляет познание?

— Очень вдохновляет, пока я живой. А если человечество уничтожит само себя - кому нужно вдохновение? — безразлично ответил подросток, пытаясь казаться циником.

— Почему ты считаешь, что Мемра уничтожит человечество? Это же не атомная бомба.

— Именно, — парень отложил телефон. — Даже человек со средним образованием понимает, насколько атомная бомба опасна. И желание выжить, страх смерти сдерживают его от необдуманных поступков, — Микеле сложил пальцы замком. — Конечно, атомная бомба опасна, так как люди часто поступают импульсивно, но против их импульсивности борется супер-инстинкт самосохранения, страх смерти. Тогда обозначим опасность ядерного оружия буквой ω , как разность между вероятностями стимулов агрессии и самосохранения, — Чандр начертил в воздухе воображаемый символ, который походил больше на ядерный гриб.

— Отсюда следует, — продолжил он, — что если мы найдём способ компенсировать супер-инстинкт самосохранения, то получим самое опасное оружие против человечества, которое точно приведёт к гибели, — Чандр поднял указательный палец левой руки. — И такой способ есть! Если мы добавим в уравнение плюс M , где M — это мораль, то даже если нечто само по себе не обладает никаким разрушительным действием, оно способно сделать оружие из человека.

Ал для проформы потратил несколько минут на обдумывание перед тем, как задал следующий вопрос:

— Допустим, в твоём уравнении и правда есть все необходимые составляющие, что сомнительно. Но скажи, как мораль подавляет инстинкт самосохранения?

— Правильно говорить супер-инстинкт, — заметил Чандр, — у человека нет инстинктов.

— Пускай. Так каким образом?

Микеле набросил на себя маску серьёзности, чтобы скрыть внутреннее волнение. Для него эта беседа значила намного больше, чем обычная болтовня на кухне. В ней было сконцентрировано страстное желание самоутвердиться, которое взрослые склонны не замечать в подростках.

— Я объясню.

Микеле опустил руки под стол, чтобы не было видно, как они начинают дрожать.

— Личное выживание — вовсе не есть высшей ценностью для социальных животных. Поэтому супер-инстинкт самосохранения не является для человека доминирующим, определяющим его поведение. Но плохая новость в том, — в глазах Чандра появился ликующий огонёк, — что выживание тоже не играет роль высшей ценности для человечества.

Паоло и Майкл подняли головы и вместе устремили взоры на Микеле.

— Да, именно так. — утвердительно произнёс подросток с нотками дрожания в голосе. — Выживание не является высшей целью.

Микеле сделал глубокий вдох.

— Нашему виду понадобился хитроумный механизм, чтобы понять ценность поступков с точки зрения других. Если бы этот механизм работал плохо, и люди совершали невыгодные для общества действия, то рано или поздно человечество вымерло бы. Поэтому в головном мозгу каждого должна образоваться особая машина, которая оценивала бы правильность поступков. И эта машина у нас есть, и носит название «совесть», а топливом для неё служит «мораль». — Чандр поднял указательный палец, чтобы подвести черту. — Высшая ценность для человека — соблюдение морали. Если соблюдение морали нарушено, все остальные функции объявляются несущественными!

— Это правда, — вмешался Майкл. — Когда мозг фиксирует нарушение морали кем-то другим, он подавляет работу сразу нескольких важных участков и вызывает активацию тета-сегмента K53V21 — чувство унижения, а потом идёт гнев.

— Вот уж нет! — возразил Ал. — Сегмент K53V21 - мой любимый! Это не чувство унижения, а чувство унижения достоинства, — Ал заметил молчаливое возражение Майкла. — И не спорь! Между унижением и унижением достоинства, обесцениванием есть большая разница! — Ал понизил голос. — Но сейчас не об этом. Верно, нарушение морали связано с нарушением чувства собственного достоинства, а это в свою очередь приводит к унижению! Но только, мой дорогой друг, — обратился Ал к юноше, — ты кое-чего не учёл. Связи между участками нейронных кластеров часто работают в обе стороны. Это значит, что если нарушение морали вызывает чувство унижения достоинства, то верно и обратное! Унижение достоинства вызывает чувство нарушения морали! — Ал повысил звонкий голос, который, кажется, отбивался металлом от кухонной посуды. — И как тогда ты собираешься доказать, что в твоей формуле должна стоять именно буква М, а не буква «А» от слова *Arrogance* — высокомерие!

Лицо Микеле покрылось пунцовыми пятнами. Паоло подошёл к парню, чтобы поддержать. — Странно, почему-то я об этом не подумал, — прошептал он, — А ведь должен...

Спор утих.

— Зачем нам ядерная бомба, когда у нас есть новости и болезненное достоинство... — прошептал вслух Паоло, похлопывая Микеле по плечу.

— Это всё объясняет, — включился Майкл. — Всё, что сейчас происходит на улицах Кёльна, Дортмунда, Берлина и в других странах.

Ал повернул голову в сторону Майкла:

— Что именно?

— Оружие, которое уничтожит человечество, должно поразить его чувство достоинства, или, как ты сказал, «arrogance». Это включит ощущение ошибочной морали. Мораль даст сигнал игнорировать эмпатию и рациональность. И ничего уже не спасёт, — сказал Майкл. — А самое забавное, что такое оружие есть у нас прямо здесь и сейчас.

Все посмотрели на Майкла испуганными глазами.

— Будь добр, говори яснее, — нервно отозвался Ал. — Что ты имеешь ввиду?

Майкл поднялся из-за стола, перешёл на сторону Чандра и обнял его за шею.

— Посмотрите. Видите? Это оружие, которое может уничтожить всё человечество. Которое своим существованием оскорбляет чувство достоинства каждого человека на Земле.

Ал недоверчиво посмотрел на Майкла.

— Да, — Майкл прикоснулся щекой к щеке Микеле, — наш Микеле имеет новый тип ДНК, умеет проходить сквозь стены и, если верить некоторым пабликам, — левитировать.

— А ещё читаю мысли, — улыбнулся подросток.

— Ах, извини, точно! А ещё ты читаешь мысли, и от тебя киснет молоко. Я сам видел, у нас вот скисло.

Микеле засмеялся:

— Но самое главное, что в будущем ты заменишь всё человечество своими клонами. И эта мысль безумно оскорбляет каждого, кто считает Чандра не таким, как все.

Майкл взъерошил чёрные волосы Микеле и продолжил:

— И ты прав, Мик. Мы создали машину, которая рассказывает людям, кого нужно любить и с кем ходить на свидания. А я создал машину, которая показывает людям, что они не люди и никогда

ими не были в их представлении. Это не просто оскорбительно, это непростительно, это... аморально.

— Но это смешно! — вскочил Ал. — Да, люди глупы и любят предрассудки, но нельзя же ориентироваться на глупость!

— Мы все глупы, Ал, — сказал Майкл. — Но... — он посмотрел в пустоту, — когда мы слушаем друг с друга, то умнеем. Это похоже на муравьёв. Социальный интеллект. Я видел эту книжку в телефоне у Микеле. Хорошая книга, парень, — Майкл подмигнул подростку. — Так вот, если мы возьмём отдельного муравья, то выяснится, что его интеллект практически равен нулю. И, главное, муравьи не умнеют, их эволюция вовсе не движется в сторону увеличения мозга. Весь ум сконцентрирован в рое, семье или как там это называется. Наш мозг тоже не эволюционирует в сторону увеличения, напротив, есть обратная тенденция. Мы глупеем, да и раньше не были образцом рациональности. Компьютеры, машины, интернет — всё это расширители нашего сознания. Большой мозг не нужен.

Майкл перевёл дыхание:

— И дело не только в количестве особей, но и в разнообразии навыков мышления. То есть, для успешного решения задачи в группе должны быть люди разной специализации. А если разделить людей на группы по признаку схожести, то очень быстро окажется, что уровень интеллекта в них стремительно падает, — Майкл хлопнул по столу. — Что мы успешно и сделали с помощью сервиса знакомств!

— Ну и ну! — воскликнул Ал. — Кажется, Лоуренс Кольберг⁶ был бы не против оказаться за вашим столом, господа! — иронично подметил он и развёл руками в знак того, что сказать ему больше нечего.

— Если честно, — добавил Майкл, — глубоко в душе я их понимаю и тоже чувствую, что заслуживаю смерти за всё, что сделал.

* * *

Ал дождался, когда Паоло и Микеле покинут кухню, и подал знак Майклу, чтобы тот выпроводил Джима. Майкл понял, что к нему есть отдельный разговор тет-а-тет.

— Почему ты назвал свой проект «Взглядом Бога»? — Спросил Ал.

— На эту идею натолкнул меня ты, — объяснил Майкл. — Когда был в роли Бога, ты высказал мысль, что видишь красоту мира особым образом. И это засело у меня в голове. Понимаешь? Я подумал, а что, если бог существует и разумен, значит у него должна быть какая-то мотивация создать человечество. И ещё подумал, каким образом бог мог бы смотреть на вселенную, чтобы у него появилась такая мотивация, что он должен увидеть? И ты сам дал мне ответ на это. Ал впервые за долгое время по-настоящему удивился, совершенно не понимая, о чём толкует Майкл. А ведь он привык всё понимать с первого слова.

— А ну ка, ну ка, очень интересно, — Ал вцепился Майклу в локоть.

— Ты сказал, что тебе нравятся люди, у которых есть красивые идеи.

— Сказал, это правда. Если можно так выразиться, они — мой фетиш. Поэтому такие люди как ты кажутся мне очень сексуальными. Особенно сейчас, — Ал хищно глянул на Майкла.

И Майкл сделал вид, что не заметил.

— Я предположил, что то же самое может быть во всех людях. Поэтому пошёл к Джиму и снял КРАНОм карту активности мозга. Помнишь, я прислал тебе некоторые участки для консультации?

— объяснил Майкл.

— Это те зоны, которые отвечают за «другого»?

⁶ американский психолог, специалист в области психологии развития

— Да.

Ал понял, что прежде он упустил что-то важное.

— Надо же, — сказал он. — То есть, я смотрел на нейронное представление, каким тебя воображает Джим?

— Да. У Джима есть особая идея, которая связана только со мной. Когда я нахожусь рядом, она усиливается и растёт, а вместе с ней растёт чувство. Для Джима это похоже на чувство идеально убранных вещей. Чувство порядка.

Ал впервые задумался, каким же чувством выражается любовь у него. — И тогда ты придумал «Взгляд Бога»?

Майкл кивнул.

— Но я совсем не ожидал увидеть то, что увидел.

— То, как идеи распределяются между людьми? — уточнил Ал.

— Меня поразило не это. Можно сказать, что наша личность — это совокупность мнений и выученных реакций на разные обстоятельства. Мемра как раз определяет эти реакции при анализе цифровых следов, — Майкл взволнованно взял Ала за руку. — Раньше я думал, что личность каждого человека находится в человеке. Это настолько логично, что с этим невозможно спорить, — Майкл вдохнул. — Но когда я посмотрел на мир через карту идей, то увидел, что на самом деле личность человека хранится снаружи, — Майкл попытался показать Алу на пальцах, что именно он увидел, разводя руки. — Личность как бы размазана между всеми людьми, которые прямо или косвенно связаны с человеком. И «Взгляд Бога» это выявил. Я увидел, что я — не только я, но также Джим, Чарльз, Паоло, Нэнси, Рейчел, Виктор, Мо, Микеле.

Майкл снова взял Ала за руку, чтобы придать словам максимальную весомость:

— И тогда становится понятно, как выглядит любовь. Это невидимая третья личность, которая создаётся двумя людьми. Именно её ты увидел на карте Джима. Именно её Джим ощущает, как «порядок вещей». Именно её я увидел в других «Глазами Бога». И, наверное, это изменило меня не меньше, чем Чарльза, когда он перестал материться.

* * *

Собирать много вещей не пришлось. Оказалось, за десятки лет жизни в квартире не накопилось ничего, чем Майкл бы дорожил. Джим сложил кое-какие вещи в коробку и отправился на этаж выше. За пару лет, прожитых вместе, он успел сдружиться с милой бабушкой наверху. У Джима особо не было друзей, а тут появился человек, с которым ему оказалось по-настоящему уютно.

— Добрый день, Роза, — приветствовал он её.

— Джеймс, какими судьбами! — открывая душу и руки для объятий, отвечала старушка.

— Да вот, — Джим поставил коробку на пол, — собираем вещи. Может быть вам что-то из этого будет полезным?

Роза нахмурилась:

— Вы переезжаете?!

— Да, — ответил Джим, — только это большой секрет.

— Так-таки и большой? — спросила она, прищуриваясь, блистая своей новой причёской и японской заколкой с золотым переливом. — Вот уж давно никто не делал секрета из перемещений, — как бы между прочим заметила Роза.

— Да, — согласился Джим, — но в нашем случае необходима конфиденциальность.

— Я — могила! — Роза сделала жест рукой изображая рот на замке. — И в переносном, и даже в прямом смысле!

— Что вы! — возразил Джим. — Вы отлично выглядите!

— Милый мой, если бы люди умирали из-за того, что плохо выглядят... — но она не закончила мысль и задумалась, — А если бы ещё люди умирали, потому что плохо думают...

Но она не закончила мысль и в этот раз, а быстро переключилась на small-talk (как это называют англичане).

— Ты слышал, что неизвестные нападают на «зомби»? — поинтересовалась Роза.

— Нет, как-то не слежу.

— Твой профиль почти пуст, нужно закинуть туда пару фото и написать немного текста. Если хочешь, я дам тебе генератор постов.

— Спасибо.

Роза продолжила:

— Переезд — это правильное решение, если вы хотите защитить Микеле Чандра.

Джим удивлённо посмотрел на старушку.

— Майкл вам рассказал?

Роза еле заметно кивнула, так, чтобы в случае чего сослаться на тремор.

— Значит, вам всё известно... — сделал ошибочный вывод Джимми.

* * *

Роза было известное многое, но не то, что ей невольно выболтал Джим. Она слышала, как бешено колотилось её сердце, и мысленно жаловалась на возраст: «Только бы не инфаркт, только бы не инсульт, только не сейчас!». Иногда жизнь закидывает человека в чулан, чтобы перед самым финалом достать словно туз из колоды. И Роза чувствовала себя именно таким тузом. Её забытые навыки, никому не нужные усилия, прошлые победы, всё это снова наполнялось кровью и силой.

Она выпила две таблетки успокоительного и после короткой медитации спешно вызвала такси. Мокрый снег семенил по дороге. Машина пролетела мимо шпилей древнего собора. Роза помнила его ещё чёрным, со стенами, покрытыми вековой плесенью. Из далёких воспоминаний прошлого её вытащила рука молодого человека крепкого телосложения.

— Не стоит бояться, Жан, — обратилась к нему Роза, — я уже давно преданная фанатка Лулу Ланг. Вы можете проверить мой аккаунт.

— А мы проверили, — сухо ответил Жан и впустил гостью в подъезд.

Роза знала, что по её аккаунту нельзя найти никакой подозрительной информации, что само по себе могло быть подозрительным, но она не беспокоилась об этом. Информация, которую она намерена была раскрыть, была куда важнее любых подозрений.

Роза усадили на мягкий диван посреди комнаты, а потом она увидела Лулу. Отсутствие косметики и грозный вид делал Лулу Ланг больше похожей на мужчину. Роза начала свой рассказ.

* * *

Позвольте представиться. Меня зовут Роза Гельб. Я — профессиональный реверс-инженер. Раньше таких людей называли хакерами. Кажется, это слово все ещё используется. Мой профессиональный навык состоит в том, чтобы, исследовав готовую программу, понять алгоритм работы, не имея исходного кода. Около трёх лет назад я зарегистрировалась в службе «One Day — One Love» под фейковыми аккаунтами с целью понять, как она работает. Есть у меня такое хобби на старости лет.

Сервис анализирует посты, текст, голос и видео, чтобы создать виртуальную модель характера, а после выдаёт рекомендации для знакомства. Кажется идеальным? Всё это вы знаете. Но не знаете

главного! Сервис использует манипуляцию, чтобы заставить людей встретиться. Зная ваши склонности, он вычисляет способ как привлечь внимание и создаёт идеальную анкету, а после подсовывает её вам самым эффективным образом, чтобы вызвать максимум эмоций. Так и возникает влюблённость.

Они умеют предсказывать эмоции. Для этого используется специальный прибор: транскраниальный сканер высокой чёткости. Он считывает активность мозга и позволяет создать математическую модель между эмоциями и цифровым следом.

Не обязательно верить мне на слово. Я покажу вам как это работает на примере фейковых аккаунтов.

* * *

«Взрыв — это процесс, который выделяет большое количество энергии в небольшом объёме за малое время. Этот физический принцип можно переложить на социальные процессы. Если отнять у человека идею, поддерживающую смысл жизни, можно добиться молниеносной агрессии, сила которой будет обратно пропорциональна количеству таких идей».

Микеле посмотрел на авиалайнер, который проезжал за окном, и сконцентрировался на продолжении: «Если обесценить идею группы людей, можно активировать алгоритм парохияльного альтруизма, согласно которому человек группы будет обладать большей ценностью, чем человек вне группы».

Микеле оторвался от занятия, чтобы задать вопрос:

— А программа парохияльного альтруизма снижает критическое мышление?

Майкл кивнул:

— Большинство программ, направленных на выживание, угнетают способность к критическому мышлению.

Микеле вернулся к последней фразе и заменил слово «человек» на слово «идея». Ал подошёл из-за спины и прочитал: «...процесс, который выделяет большое количество энергии в небольшом объёме за малое время».

— Ты что, решил и физику изучать?

Микеле Чандр серьёзно посмотрел на взрослых мужчин и ответил:

— Это философия.

* * *

Роза Гельб смогла не только одним махом вырвать всю землю из-под ног Лулу Ланг, лишив её душевного равновесия, но и предоставила подробные GPS-журналы перемещения Виктора. Она даже не раздумывала. Они не раздумывали. Никто не думал. Всё, что им было необходимо знать, это день недели и время. День недели и время позволяли вычислить место.

Сегодня — пятница, шесть вечера. Обычно Виктор тратит около пяти минут, чтобы пройти от дома номер семнадцать к дому номер восемнадцать. Он использует тропинку с елями вместо тропинки через детскую площадку, потому что ему нравятся деревья и тень. Мужчинам из группы Лулу тоже нравятся тень и деревья. Они уже спрятались за плотными колючими ветками. Лулу стоит на детской площадке на тот случай, если объект попытается совершить побег. Прямо на пути к дому номер восемнадцать стоит милая бабушка Розы. Она держится за спину и улыбается. Почти шесть часов. Всё идёт по плану.

«Вот почему непунктуальные люди живут дольше», — думает Роза, которая замечает Виктора первой. Она выжидает нужный момент и восклицает радостным голосом:

— Неужели! Я вас знаю!

Виктор настороженно останавливается.

— Вы замечательный человек! — говорит старушка.

Слова «замечательный человек» попадают в мозг Виктора и усыпляют цепочку рассуждений «тут, что-то не так», «как она здесь оказалась», «конечно она меня знает», «но это же не мой дом, и не место работы». Спасительная мысль «как она узнала место» ускользает из сознания Виктора, пока крепкие руки берут его за плечи. Рецепторам давления хватает долей секунды, чтобы донести сигнал до центральной нервной системы. Когнитивные функции Виктора блокируются, приятная мысль «замечательный человек» рассеивается в воздухе, а тем временем доза глюкокортикоидов уже высвобождается в кровь, достигая целей. Пара простых движений, и двое горе-спортсменов отлетают с невиданной лёгкостью. Если бы Виктор мог просмотреть эти кадры на видео, он бы никогда не узнал себя. Без раздумий он уже убегает по другой тропинке в сторону детской площадки. Там его встречает высокая фигура, которая смотрит прямо в глаза. Нет сомнений! Это угроза. Виктор делает попытку изменить траекторию побега, но предательская инерция толкает тело прямо в смертельные объятия Лулу. Хлоп! И клетка закрылась.

* * *

«Не видите, он боится!» — прозвучали слова вдалеке от сознания Виктора, которое в это время, сбегав от тела, прокручивало события задом наперёд. Ёлочки, тропинка, машина, офис, Мо, снова Мо, снова офис, новое видео, декорации, грим, свет, снова Мо, снова офис, снова декорации, снова видео, разговоры, много разговоров, Чарльз. Стоп. Чарльз что-то говорит. Виктор попытался напрячь внимание, чтобы расслышать, и заставил Чарльза повториться. «Никто не желает тебе зла», — донеслось сбоку.

Роза с опаской посмотрела в зеркало, повторяя про себя: «Если бы люди умирали из-за того, что плохо выглядят». Лулу уже отправилась за таблетками, а Роза оставалась за главного. Она быстро поняла, что все эти люди не владеют навыками добывать информацию. Её цветущее-уважительный вид значительно почернел и теперь походил больше на зимнее небо Кёльна, чем на внешность человека, который умудрился сохранить ясный ум на старости лет, а может и не только ум. Силой воли Роза стряхнула следы смерти с лица и прошептала: «Не сейчас». Она открыла дверь в бывшую детскую, села на кровать перед связанным мужчиной и произнесла:

— Никто не желает тебе зла, Виктор.

Зрачки мужчины сузились, голова приподнялась. Снова перед ним возникла та странная женщина, которая кричала ему про то, что он замечательный человек.

— Отпустите меня, — шёпотом попросил он.

— Я именно так и собираюсь поступить, — тоже шёпотом ответила ему Роза, приставляя палец к губам. — Но вы должны снять с себя всякую ответственность за произошедшее.

Виктор непонимающе посмотрел на свою будущую спасительницу и спросил:

— А что случилось?

— Большой скандал.

* * *

«Мы — не крысы! Мы — не крысы!» — скандировали тысячи голосов на видео. Майкл подошёл к Алу, чтобы показать ему.

«Сегодня днём более десяти тысяч людей в девяти городах вышли на митинги против сервиса «One Day — One Love». Митингующие обвиняют компанию CommuniCat, которая является разработчиком ядра в несанкционированном опыте над человечеством».

— Надеюсь, мы успеем, — прокомментировал Майкл.

— Надеюсь, будет куда приземлиться, — иронизировал Ал.

* * *

«Мы — не крысы! Мы — не крысы!» — услышал Виктор на видео, которое великодушно показала Роза.

— Понимаешь?

Виктор покачал головой.

— Компания CommuniCat изменила поведение людей, — спокойным голосом начала Роза. — Она использовала манипуляции с анкетами для знакомств, чтобы вызвать сильное чувство влюблённости, и подбирала партнёров, которые вызывали иллюзию идеальной любви, — Роза медленно приблизилась к пленнику нос к носу. — Это грубое нарушение как минимум пяти международных законов об информации. Я-то знаю. Сама нарушала по молодости, — и Роза заговорщицки подмигнула.

Виктор ощутил прилив уверенности.

— Это ошибка! — заговорил он громче. — Наши юристы детально изучили все правовые аспекты. Да, CommuniCat использует специальную анкету для привлечения партнёров, но это же напрямую написано в пользовательском соглашении. Разве это секрет?

— Да бросьте, кто читает эти соглашения? — улыбнулась Роза.

— И потом, — постепенно повышая голос, говорил Виктор, — такие манипуляции и раньше повсеместно использовались. До того, как занять пост директора по стратегии продвижения, я работал во всех ведущих проектах по теме знакомств. Они все искажают реальность с целью заставить вас делать нужные движения, — Виктор окончательно вывел громкость на обычный уровень. — Если вы хотите засудить CommuniCat — вам придётся сделать это со всеми игроками на рынке.

— Подождите, — перебила его Роза, — это важная информация. Значит, придётся судиться со всеми четырьмя лидерами рынка?

— Конечно, — хмыкнул Виктор, — только они больше никакие не лидеры. По сравнению с алгоритмами Мемры — это просто аматоры, имитирующие посещение анкеты человеком, который по мнению «нейросетей-младенцев» может заинтересовать! Это даже не смешно! — Виктор повысил голос на уровень, которым он обычно пользовался на публичных выступлениях. — Мемра? А что такое Мемра? — спросила Роза.

* * *

Экраны мониторов в аэропорту засветились голубым светом перезагрузки. Через пару минут вместо расписания самолётов они показали митинги. «Мы — не крысы! Мы — не крысы! Мы — не крысы!» — скандировали люди на улицах. Народ в аэропорту затих. Майкл нервно оглядывался по сторонам. Он заставил Микеле Чандра надвинуть на лицо капюшон и вместе с Джимом заслонил его от случайных взглядов любопытной толпы.

Неожиданно он услышал знакомый голос:

— Мемра — гениальная программа! Она собирает цифровой след и по нему разгадывает образ идеального партнёра, каким его воображаете вы! Вот что она делает. Берёт ваши идеи и идеи общества и находит общее. Это алгоритм на стыке десятка наук!!! И не думайте, что человеку под силу её обмануть, разве только другой программе этого класса, или «зомби», так мы называем людей, у которых цифровых следов настолько мало, что по ним Мемра не способна составить мнение.

- И такие люди потенциально опасны для социума? — слышался другой голос.
— Конечно, — это могут быть психопаты, убийцы, люди с нарушениями онлайн-социализации.

Майкл поднял взгляд к потолку и увидел на экране красное лицо Виктора с воспалёнными глазами. Он инстинктивно сжал Джима за руку.

* * *

Чарльз спустился на десятый уровень Амор Мунди в домашнем халате и со стаканом синтетического виски с запахом торфа. Он удивлённо оглядывался на пустеющие кафе, рестораны. Чарльз сделал микрожест пальцем и произнёс в скрытый микрофон.

- Крис, детка, скажи, а куда столько народу побежало?
— Не имею представления, босс, — прозвучал голос в ухе.
— Вот жеж... — прошипел Чарльз.

Он прошёл несколько шагов к фонтану, по центру которого висела хрустальная люстра-куб из кристаллов Сваровски, пока не услышал до боли знакомый голос. Голос доносился из монитора спорт-бара. В баре не было ни души.

- И такие люди потенциально опасны для социума? — спросил неизвестный голос.
— Конечно, это могут быть психопаты, убийцы, люди с нарушениями онлайн-социализации.

Чарльз увидел Виктора. Он немедленно подбежал к терминалу, чтобы посмотреть на состояние операционной системы проектора спортивных передач. Очевидно, кто-то отключил трансляцию футбольного матча и настроил на воспроизведение потока в реальном времени. Видео транслировалось с I2P сети через протоколы darknet, а значит кто-то модернизировал операционную систему. Серые клеточки вычисляли два плюс два в мозгу Чарльза, пока он не закричал:

- Ё*анные небеса!!! — его голос особенно ударил на слове «небеса», словно таким образом он мог выдуть из себя весь негативно заряженный воздух. Чарльз закашлялся.
— Босс? — отозвался голос в наушнике.
— Взасос! Дуй в главный офис.

Чарльз поспешил к лифту.

* * *

В аэропорту воцарилась могильная тишина, нарушаемая лишь словами Виктора, который уже успел обрести голос оратора и с щедростью богатого крупье разбрасывался секретами фирмы направо и налево, даже не подозревая о том, насколько широка его истинная аудитория. Его особый дар — разгораться даже в присутствии одного человека — был безусловной удачей Розы, которой больше не требовалось вмешиваться в монолог Виктора.

— Но найти идеальную пару мало, нужно ещё сформировать ракурс зрения, чтобы встреча прошла идеально. Поймите правильно, первая встреча является ключевым событием, на котором отсеивается большинство пар, поэтому доверить её организацию человеку было бы глупо. А Мемра способна построить анкету таким образом, чтобы вызвать чувство заинтересованности. Она знает, какие слова, в какое время суток и с каким фото лучше использовать, чтобы создать необходимый эффект. Наши алгоритмы подбирают даже цветовую палитру, чтобы повысить вероятность положительного решения. Но, даже если вы отбрасываете анкету, она появляется снова и снова, с другими фото и данными. И только если оба человека несколько раз откажут друг другу — их выбор будет засчитан. Но этого почти не случается!

* * *

Чарльз вбежал в пустой кабинет, который располагался на предпоследнем этаже прямо перед LoveCage. Он снял крышку с графина и опрокинул его внутрь. Торфяное топливо разлилось по крови.

— Сучья ссучь! — выматерился он и только сейчас понял, что к нему вернулась прежняя супер сила. Но поводов для радости не было. Он включил на экраны вывод с камер наблюдения и увидел Криса с незнакомыми лицами, которые следовали по направлению к его кабинету.

— Крис, какого х*я?

— Да, босс? — ответил неуверенный голос в ухе.

— Х*сос!!! Что это за групповуха с тобой?

Мозг немедленно посчитал два плюс два: «Говорила тебе мама набирать в охранники «зомби», а не интернет задротов», и Чарльз рванул к встроенному шкафу в стене.

— Ох ты ж мамочки пи*дамочки, — приговаривал Чарльз. — Во имя вибратора, откройся!

Чарльз провёл рукой, массивная дверь сейфа отступила и дала доступ к экзокостюму Сатаны.

Не тратя времени на глупые ответы, он залез в экзокостюм и активировал нейроинтерфейс.

Зазвучали сервомоторы.

— Сейчас, сейчас, мальчики, мы потрахемся... — прошептал Чарльз, — кого я только в этой х*не не ебал!

Грузная на вид машина из рогов и копыт ступила уверенно на пол, искусственная кровь выступила из ран Дьявола, придавая неповторимому антуражу гротескный ужас.

Прозвучали выстрелы в замочную скважину. Двери из красного дерева почти поддались. Чарльз понял, что времени не осталось, он взял разбег и с силой всем корпусом костюма ударился об двери, разнося их вместе с телами тех, кто находился за ними. От сильного удара Чарльз временно потерял концентрацию. Экзокостюм выломил доски и придавил своим весом и массой разломанных дверей соратников Криса, словно противных тараканов. Крису повезло больше, он отлетел на несколько шагов и, воспользовавшись замешательством, нажал на курок. Резиновый шарик ударился в торс экзокостюма и никак не достал Чарльза. Чарльз дьявольски улыбнулся и ловко поднялся на копыта, словно каждый день занимался подобным движением. Он молниеносно наверстал пару метров, разделяющих его с жертвой, и схватил роботизированной рукой лицо Криса. Крис закричал, постарался сделать ещё несколько выстрелов, но Чарльз приподнял его тело в воздух и повернул так, чтобы пули полетели вбок. Чарльз хотел раздавить голову Криса, как это показывают в фильмах, но силы сервомоторов не хватило на манёвр, поэтому он с размаху ударил врага об стену, и Крис потерял сознание.

— Вот тебе секс, дружок, — поставил точку Чарльз и, подумав о мороженом, показал большой искусственный орган в максимальном объёме.

* * *

Ал коснулся плеча Майкла.

— Скоро начнётся посадка. Нужно выдвигаться к стойкам, — прошептал он на ухо.

Пассажиры и ожидающие были увлечены мониторами. Чхин Юнь-Гин наблюдал за происходящим из специальной комнаты службы безопасности аэропорта. Это его начальник приказал настроить вывод видео потока через I2P. Чхин Юнь-Гин познакомился с будущей женой как раз три года назад через «One day — one love». Этот брак был вторым после первого весьма неудачного. И всё сводилось к тому, что и второй брак Чхин Юнь-Гина — был не менее провальным, чем первый, но признавать этого мужчина не желал. Его жизнь казалась ему практически законченной. Не очень удачная карьера наёмника, травма при исполнении, набор веса, работа охранником, а теперь аэропорт. Это никак не походило на успех, а ему вот-вот исполнится сорок лет. Считаю — жизнь окончена.

* * *

Лулу Ланг вернулась с лекарством. Виктор, увидев высокую женщину, замолчал. Лулу поднесла стакан воды и пилюли. Роза кивнула в знак благодарности. Она посмотрела на Виктора, сделала пару глотков. Расслабляться ещё не время. Розе нужно было несколько минут, чтобы подумать, но прямой эфир обязывал не делать больших пауз.

— Поэтому, — начала импровизировать Роза, — алгоритм Мемры безукоризнен?

— О да! Это многократно доказано! — с горящими от напряжения глазами ответил Виктор.

— А что, если у человека нет идеальной пары? Бывают же такие люди? — спросила она, чтобы потянуть время.

— Конечно, всё бывает. Есть даже те, кто не способен испытать сильную влюблённость. У нас работал один такой. Но понимаете, — Виктор понизил голос, как бы отмечая, что сейчас он скажет что-то очень важное, — на самом деле все люди одинаковы. Мемра доказала. Понимаете? Я никогда не признаюсь публично, но это железобетонный факт. Найти идеальную пару может любой, и наш сервис — отличный инструмент для человечества.

Лулу с белым лицом стояла у двери, её личный мир рушился на глазах. Жан, идеальный круг. Всё, что она получила от жизни, оказалось ложью и манипуляцией. Лулу ощутила, как ужасный груз сожаления прижал её за горло, как и в тот раз, когда она решила покинуть спорт из-за лжи тренера. В этот момент завибрировал телефон. Она подняла трубку.

— Мы на месте, — послышался голос Жана, — Крис не справился, но парни из воздушной полиции взорвали аэронавёр на крыше. Он не уйдёт.

— Схватите этого ублюдка. Узнайте, где находятся головные серверы Мемры, — сухо скомандовала Лулу.

Роза сделала ещё несколько глотков и мрачно посмотрела на Виктора.

— Когда мне было восемнадцать, — иронично сказала она, — кажется, это было ещё вчера, но с каким-то другим человеком, я влюбилась второй раз. Первая моя влюблённость прошла легко и незаметно. А вторая... Она была аферисткой высшего класса, настоящий вулкан ума и харизмы. Ей сорок два — а я глупая девчонка-интроверт. Это как увести джек-пот из-под рук самого дьявола! Мне казалось, что такие, как она, никогда не обращают внимания на меня, поэтому считала нашу любовь вечной. С тех пор мне начали нравиться только такие женщины как она. Яркие, рискованные, модные, взрослые. Значит, Мемра бы подобрала мне именно такую женщину?

— Конечно, — согласился Виктор.

— Вот и я так делала. Влюблялась снова и снова в таких же как она. Мне пришлось дорого заплатить за эти отношения, пока я не набралась достаточно ума, чтобы понять, что источник её симпатии исходит из моего чувства неполноценности, а не из-за каких-то врождённых предпочтений. Но было уже поздно. Демон времени отобрал у меня многое, и только издалека я смогла оценить, какими сокровищами обладала.

Виктор понял, в какую ловушку его заманили. Он помялся.

— Это просто частный случай, — тихо произнёс он.

— Просто частный случай, — специально повторила Роза, чтобы зрители слышали её. — Тогда скажите. Правильно ли я понимаю, что если человек любит яблоки, то Мемра будет предлагать только яблоки?

Виктор вопросительно посмотрел на Розу.

— Вы можете дать чёткий ответ? — потребовала Роза.

— Мы — это не яблоки, — возразил Виктор. — Мы сложные.

— Да, мы сложные, тогда я спрошу иначе. В сервисе «One day — one love» никогда не выпадет человек, который бы не понравился на первом свидании? — а для убедительности Роза добавила:

— Да или нет?!!

— Конечно нет! А кому это надо?! — выпалил Виктор.

Роза выплеснула оставшуюся воду прямо в лицо Виктору.

* * *

Утром этого дня, не дождавшись Виктора в положенном месте и доехав до работы в гордом одиночестве, Мо начала подозревать странное. Она не нашла Виктора ни на работе, ни в офисе. Все его встречи были записаны, она снова посмотрела записи, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Она ничего не забыла.

В офис вбежала взволнованная Нэнси, она развернула перед Мо онлайн трансляцию. Мо увидела и услышала Виктора.

Ах, когда-то он пел ей, что она необычная книга, что ему понадобилось несколько свиданий, дабы прочитать первые главы её невообразимой личности. Это было так красиво, так романтично! И, хотя они давно окончили сексуальные отношения, Мо всё ещё помнила и грелась этими встречами, как люди греются осенне-зимним солнцем, уходящим за горизонт.

Теперь покрасневшая, разгорячённая она выбежала из своего офиса в «open space», забралась на стеклянный переход, с которого легко можно рассмотреть всё пространство, а всё пространство легко могло увидеть её. Достала телефон и сделала звонок в полицию. В зале раздался громкий пронзительный голос Мо. Сотрудники подняли головы.

— Алло! Полиция? Я хочу сообщить об изнасиловании!!! Кого?! Меня. Кто? Мой начальник, Виктор. Совершенно верно! Тот самый Виктор!

* * *

Рогатое чудовище, измазанное в искусственной и настоящей крови, ворвалось в лифт, чтобы попасть на последний этаж. Как только двери лифта закрылись, Чарльз ощутил сильный толчок, лифт заклинило. Он выматерился, его мозг посчитал два плюс два и понял, что бежать на аэронавере поздно. Чарльз заставил себя снова сложить два и два и получил интересный вариант. Двери лифта не открывались. Чарльз вылез из экзокостюма и, упёршись ногами в рога Сатаны, открыл верхний люк лифта. Ему нужно было преодолеть один этаж, чтобы добраться до LoveCage. Благо, в шахте лифта была предусмотрена лестница, по которой он быстро добрался до следующих дверей. Лёгкое нажатие на кнопку — и Чарльз был на верхнем этаже Амор Мунди.

На полу валялись осколки стекла, разбитого взрывной волной. Чарльз снова выматерился, заметил зелёную лампочку на втором лифте и смекнул, что времени в обрез. Он как можно скорее поднялся в LoveCage и запер её изнутри. Двери лифта распахнулись, группа Жана высыпалась на последний этаж. Они быстро заметили металлический куб, к которому вела произвольная Лестница, и двое человек начали подъём.

Чарльз активировал LoveCage. Система запустилась, включился туман, вулканы, засветилось искусственное небо. Клетка любви была запрограммирована таким образом, чтобы в момент оргазма начать свободное падение, давая ощущение невесомости. Чарльз выложил за эту возможность кругленькую сумму и сейчас бесился из-за того, что не предусмотрел ручное управление, ведь запустить Клетку оргазмом при создавшихся условиях он бы не мог. Поэтому Чарльзу пришлось потратить время на перепрограммирование LoveCage, с чем он успешно справился. Зазвучали щелчки фиксаторов. Клетка оторвалась от Амор Мунди и полетела прямоком вниз. Чарльз выматерился и показал преследователям на пальцах символический мужской орган.

* * *

Ал и Микеле Чандр заняли в очереди первые места, а Майкл примостился замыкающим группы.

— В случае чего убегайте через взлётную полосу, — посоветовал он.

— Сомнительное решение, но будем надеяться на лучший исход, — иронично подметил Ал.

Тем временем Чхин Юнь-Гин пролистал служебный чат, в который только что пришли фото сотрудников CommuniCat. Он внимательно осмотрел камеры слежения.

— А ну парни, гляньте, — крикнул кто-то, и все обратили внимание на терминал двадцать два.

— Это он! Жаль, далеко.

Но Чхин Юнь-Гина не могло смутить расстояние, он схватил табельное оружие и побежал сломя голову.

* * *

Чарльз открыл LoveCage на втором техническом этаже одной из башен Амор Мунди. Спуститься во двор не составляло труда. Он осмотрел пространство перед небоскрёбом и, не заметив ничего подозрительного, сбежал вниз по ступенькам. Всё, что ему было необходимо, — найти чью-то машину, а для этого следовало спуститься на минус первый этаж. Чарльз быстро преодолел три этажа. Задержался у двери, чтобы перевести дыхание, и, наконец, оказался внутри подземной стоянки. Он выбрал первую попавшуюся машину и активировал протокол S.O.S. отпечатком пальца. Компьютер разрешил управление электрокаром. В благодарность Чарльз смачно выматерился.

* * *

После того, как Роза облила водой Виктора, в детскую зашла Лулу. Она бросила злобный взгляд на пленника и помогла Розе выйти из комнаты.

— Я вызову скорую, — сказала она, достав телефон.

— Глупости, — прошептала Роза, — они не приедут, в городе беспорядок.

— Тогда отдохните, пожалуйста, дальше я сама.

Лулу отвела Розу в спальню и уложила женщину на кровать.

— Милая, принести мне, пожалуйста, маленькое зеркальце, оно осталось на столике, — попросила Роза.

Лулу сложно было понять, для чего старой женщине зеркальце, но она послушно пошла за ним.

Роза посмотрела в зеркальце.

— О, — произнесла она, — теперь я совсем плохо выгляжу.

Лулу не нашла слов для ответа. Она молча вышла из спальни и направилась в детскую. Когда она вошла, Виктор интуитивно забился в угол. Он правильно угадал её намерения. Лулу схватила его за шкуру и легко подняла двумя руками, словно ей ничего не стоило.

— Такие ублюдки как ты поломали мне жизнь!!! — стиснув зубы сказала она ему.

* * *

Ал, Паоло и Микеле успели протиснуться в самолёт к пятнадцатому ряду. Ал обернулся — позади никого не было.

— Садись у окна, — сказал он парню.

Микеле протиснулся к окну, а за ним уселся Паоло.

Когда Джима пропустили к рукаву посадочного терминала, Майкл протянул паспорт.

— Извините, секундочку, — сказала милая девушка с оранжевым платком.

Майкл подождал, Джим остановился, повернулся к Майклу и нервно посмотрел в его сторону.

Майкл махнул ему рукой, приказывая уходить. Джим не послушался и направился назад.

— Ну что у вас там? — грубо сказал Майкл, пытаясь забрать паспорт.

В этот самый момент крепкие руки вытащили программиста за плечи из очереди.

Прозвучал выстрел.

— Всем стоять!

Чхин Юнь-Гин потащил Майкла по блестящему полу аэропорта, держа в правой руке именно оружие. Толпа расступилась. Джим остановился прямо у входа посадочных ворот.

— Какого чёрта он творит, — слышался голос из рации.

— Да пусть, пусть, — сказал другой голос.

— Вы что там, с ума сошли? — кричал ещё один голос.

Чхин Юнь-Гин поднял и развернул Майкла так, чтобы видеть его лицо и медленно проговорил:

— Такие ублюдки как ты поломали мне жизнь!!!

* * *

Электрокар выехал на прямую и сделал остановку перед шлагбаумом. Чарльз нажал на кнопку в телефоне, приказывая шлагбауму открыться.

— Е*ать тебя! — выругался он, но шлагбаум бездействовал.

Чарльз открыл дверь автомобиля и направился к коробке. Подойдя ближе к шлагбауму, он увидел, что здесь кто-то побывал. Он обернулся: к машине приближалась девушка с битой.

— Сука!!! — крикнул он ей в лицо, замечая, как смешно вибрируют её сиськи под майкой «Hello Kitty».

Чарльз рванул к машине. «Тупой гандон, нужно было сбить шлагбаум на скорости», —

пожурил он себя. Бита ударила по двери электрокара в тот самый момент, когда Чарльз

захлопывал её. Удар пришёлся по касательной и не причинил никакого вреда. «Успел», —

прозвучало в голове, но в этот момент в лицо брызнули осколки лобового стекла. Кто-то запустил в машину кирпич.

Потоки крови мешали Чарльзу увидеть происходящее своими глазами, но он слышал шаги нескольких людей, которые кричали ему:

— Такие ублюдки как ты...

* * *

Виктор пытался выглядеть спокойным, но это у него получалось плохо:

— Я не причинил вам никакого вреда! Я понимаю, ваш канал, этот суд, адвокаты. Признаю, это подло! Но неужели вы убьёте меня из-за денег?!

— А ты? Неужели ты обманывал нас не из-за денег? — Лулу посмотрела в глаза Виктора с презрением.

Чхин Юнь-Гин держал Майкла на мушке. Толпа и не думала ему помогать.

— Исправь всё! Или я тебя застрелю! — кричал Чхин Юнь-Гин, и, даже когда его руки начали дрожать, Майкл стоял обездвиженный.

— Он точно выстрелит, — сказал один сотрудник службы безопасности другому. Они недавно прибыли к гейту номер двадцать два и стояли недалеко от коллеги.

— Говори! Слышишь? — потребовал Чхин Юнь-Гин.

— Стреляй! — крикнул кто-то из толпы.

Слева слышался тихий голос:

— Люди... люди... — повторял как заклинание Джим. — Люди, неужели вы не видите, что он боится!

Джим медленно шёл по направлению к Майклу.

— Я помогу, — сказал он, поднимая руки.

— Что ты собираешься сделать? — спросил Чхин Юнь-Гин.

— Исправить!

Чхин Юнь-Гин отошёл на два шага, а Джим встал на его место и обнял Майкла, вытирая невидимые слёзы о его куртку.

Снежинка упала на губу Чарльза, он тут же слизал её, чтобы ощутить вкус солёной горечи, которая означала вкус злости. Он поднял голову. Вверху маячил мутный свет, похожий на свет внутри аквариума. Он и правда чувствовал себя словно в аквариуме: размытые тени, размытые звуки.

«Не видите, он боится!» — прозвучали слова вдалеке от Майкла, который, сбежав от реальности, прокручивал события задом-наперёд. Вдруг что-то крепко схватило его. Схватило не для того, чтобы лишить жизни, а чтобы выдавить весь страх. Майкл очнулся, осмотрелся и понял, — бояться нечего. Он обнял Джима, а потом повернулся лицом к Чхин Юнь-Гину.

Снег зимнего неба превращался в слёзы, подлетая к пылающему Амор Мунди. Величественные башни любви сгорали, кутаясь в чёрном дыму, осколки стёкол падали вниз, укрывая чёрную землю. Лёгкий пепел качался лепестками на волнах ветра, напоминая новогоднее конфетти.

— Это ошибка! Опустит пушку, он не работает в CommuniCat. Юнь!? Слышишь? — раздался твёрдый голос начальника охраны. — Разве не видишь? Он такой же, как и ты, влюблённый мудака.

— Я вынул патроны, сэр, — отозвался Чхин Юнь-Гин и закрыл глаза от толпы рукой.

Наутро Амор Мунди окончательно сгорел вместе с данными CommuniCat, с последними столами Мемры, страстями и страданиями людей.

* * *

Наконец Розе приснилась высокая женщина в широком красном платье, на которое падали капли летнего дождя. Она стояла без обуви на голой брусчатке. Было холодно. Время выветрило истинное лицо, оставив лишь мутные очертания, цвет волос и запах. И этого было достаточно. Женщина в красном платье под дождём протянула ей руку. Роза разжала пальцы с целью принять приглашение, и в тот же момент зеркальце выпало из сухих костяшек, разрываясь и раскатываясь по полу блестящими осколками. Роза приняла их за звонкий смех женщины. Она тоже засмеялась, ступая босыми ногами по мокрой брусчатке, которая отчего-то показалась ей тёплой. Это странное тепло перешло на ноги, добралось до сердца и растворилось по всему телу.

Эпилог

Дорогой Микеле!

Ты звонил мне на днях, и я решил отказаться. А значит пора закончить это письмо, чтобы поделиться с тобой и другими тем, что я не решаюсь сказать лицом к лицу, хотя уже не стесняюсь. Но привык стесняться. На самом деле я переписываю его который раз. Не представляю как ты это выносишь! Сущий ад! Теперь я понимаю, что выражать чувства словами, пожалуй, самая сложная задача.

Как-то Ал рассказал чудесную историю про человека, написавшего письмо, которое никогда бы не смог написать. Ты вероятно помнишь её. И ещё он поведал мне, что люди не оставляют после себя следов. Он сказал: «Люди делают глубже следы других». Эта мысль запала мне в душу. Я спрашивал себя: «Чи следы я делаю глубже?». И сегодня с уверенностью могу сказать: «Твои следы я делаю глубже». А это письмо — финальный вклад.

Прошу тебя также поделиться им с Паоло, Рейчел и остальными.

* * *

Дорогие друзья!

Сегодня прошлое умирает куда быстрее, чем люди. То, что вчера было повседневностью, становится частью воспоминаний. Из-за этого всё сильнее и сильнее кажется: тот человек двадцать лет назад, десять лет назад и даже пять лет назад — это не я. И дело не в фотографиях. Современная медицина почти уничтожила смысл фотографии и возможно когда-то убьёт её до конца. Сегодня человек в пятьдесят пять выглядит примерно так же, как и в двадцать пять. Но внешность не делает людей моложе. Для меня молодость — это вещи, привычки, мода, которые без оглядки уходят в историю, чтобы когда-нибудь вернуться в новых обликах.

Лет десять назад, когда я делал все эти пластические операции, я считал, что мы с Джимом должны смотреться на равных. Я начал выглядеть так молодо, что испугал не только себя, но даже собственную смерть, которая от страха перепутала нас. Иногда мне хочется увидеть себя настоящего, с этими всеми изменениями.

Когда-то мы были людьми, которые гордились знакомством друг с другом. Экцентричный Чарльз, молчаливый Паоло, яркая Рейчел, любительница пирожных Нэнси, рациональный Рене. А сейчас мы — группа людей, которые знают Микеле Чандра, и гордимся этим. Его тень окончательно поглотила и растворила наши личности. После того, что я видел «Взглядом Бога», меня это не удивляет. От того ещё глупее все эти пластические операции, ведь я и так на двадцать лет младше, если считать, что часть моей личности живёт в Микеле.

Это правда. В Микеле есть часть от каждого из нас. Мы вместе не то, что создали, — пережили с ним одну из важнейших идей, которая возможно убержёт наш вид от вымирания.

Раньше считалось, что самое худшее в человеке — это рациональность. Что рациональность погубит нас, мы перестанем чувствовать, а они — это глубже и правильней. Но если и есть что-то в человеке от машины — то это как раз эмоции. То, что превращает нас в машины любви, машины ненависти, машины печали, машины войны, машины морали — это чувства.

Нас учили, что мысли и чувства — это что-то непохожее, но, изучая человеческий мозг, мы поняли, что чувства бывают рациональны, что их можно «обдумывать», развивать, создавать. А раз их можно думать, значит, они могут быть сложными и простыми. А если они могут быть сложными и простыми, то у них есть ценность, и она различна. Есть эмоции ценные, а есть те, к которым и не стоит прислушиваться. Чувства врут не хуже плохих идей. Как и логика, чувства могут быть ошибочными, а могут помогать созидать, писать, рисовать, конструировать, выдумывать сложные формулы, открывать законы природы. На всё это способны чувства.

Джим тоже оставил свой след в наших открытиях, хотя он, кажется, ничего не делал, он не учёный и не инженер. Я осознал это далеко не сразу, лишь после многих лет совместной жизни, внимательно наблюдая за ним. Он показал, что можно по-разному оставить след. Можно писать книги или познавать природу. А можно делать что-то, чего я до конца к своему стыду так и не понял. Может быть, и Джим словами не смог бы выразить, но он мог это делать. И кто знает, может, его вклад не меньше, чем вклад писателя, инженера или учёного, если найти способ этот вклад измерить.

Он научил меня чувствовать порядок. Даже когда вещи разбросаны, или когда сердце не на месте. Это чувство — сложное, и потребовалось немало усилий, чтобы освоить его. А когда Джим был рядом, чувствовать это получалось намного лучше. Иногда оно было настолько сильным, что казалось, будто порядок существовал не только в моей комнате, но и распространялся на весь мир, на всю вселенную, и самое главное — порядок был у меня в душе.

Кстати, о порядке. На днях звонил Микеле, сказал, что завтра придет. Ну и хорошо. Почти всё закончил. Бумаги, документы. Уверен, что ничего не забыл. В жизни никогда ещё не было столько порядка. Даже в ванной разложил чистящие средства по виду очистки. Сумасшедший. Как бы

сказал про меня Чарльз: «Ну ты и задрот, дружище», и там ещё было бы какое-то крепкое слово, которое делало бы «дружище» ещё более настоящим.

В моей жизни никогда ещё не было столько порядка в вещах, и всё равно никакого порядка теперь я не чувствую. Правильно, и не должен чувствовать. Микеле хочет отправить меня в реабилитационный центр для людей, утративших близких. Глупо. Разве он не понимает, в чём успех от реабилитации? Ты становишься новой личностью, лишаясь своего неповторимого чувства сложных вещей. Сколько всего я натворил, чтобы ощутить его. За всю жизнь это единственное чувство, которое по-настоящему принадлежит только мне и Джиму.

С чувством искренней любви ко всем людям, которые жили и будут жить, Майкл.

25 сентября, Корнуолл, Онтарио.